ВОЛЯ РОССИИ

ЦГАОР Книгохранилище
ИНВ. № 1586.

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

ЯНВАРЬ
1-2

ПРАГА
1924

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П-476/1.

СОДЕРЖАНІЕ:

К. БАЛЬМОНТ. Воля Россіи 1
В. ХОДАСЕВИЧ. Стихотвореніе 6
Т. Г. МАСАРИК. Воспоминанія 7
АНАТОЛЬ ФРАНС. Марія Багратіон 20
МАКСИМИЛІАН ВОЛОШИН. Космос 29
ВАЛ. БУЛГАКОВ. Новыя рукописи Л. Н. Толстого 37
К. БАЛЬМОНТ. Дыханье Ганга 47
А. РЕМИЗОВ. Ростань. (Из временника 17-го года) 53
МАРИНА ЦВѢТАЕВА. Отрывки из книги *«Земныя примѣты»* . . 85
В. ХОДАСЕВИЧ. Молитва Іосифу 103
ВЛ. ЛЕБЕДЕВ. Оранжевый домъ 115
НИНА БЕРБЕРОВА. Стихотвореніе 132
ГУЛЬЕЛМО ФЕРРЕРО. Возвращеніе варваровъ 133
Д. ЛУТОХИН. Растраченный талантъ 136
ВИС. ГУРЕВИЧ. Дѣла и дни бѣлаго адмирала 144
П. ФОР. Политическое положеніе Франціи 160
В. ЧЕРНОВ. Разрушеніе вмѣсто созиданія 165
Е. СТАЛИНСКІЙ. Критики эс-эровъ 183
ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. Е. С. Англійскіе выборы. Перед рабочим правительством в Англіи 196
РУССКАЯ ЖИЗНЬ. В—ій. Новый курс 201
СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ. Из литературной хроники сов. Россіи. Книга в Россіи. Новыя книги о Пушкинѣ. Новыя книги . 209
Из альбома «Эс-эры за-границей»

На дняхъ выходитъ

Книга 5—6-ая (двойная)

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМЪ

издав. въ Прагѣ подъ редакціей проф. С. П. Гессена, пр.-поц. С. И. Карцевскаго и В. А. Ригана.

Содержаніе:

М. Н. Новиковъ: Судьба Россійскихъ университетовъ. *А. Т. Павловъ:* Трудовая школа. *С. И. Гессена:* Идея трудовой школы и лабораторный планъ. *В. Флитнеръ:* Вечернія народныя школы въ Германіи. *А. В. Маклецовъ:* Дѣти въ Р. С. Ф. С. Р. *Е. В. Аничковъ*: Правописаніе и классики. *Н. А. Ганцъ*: Школа дѣйствія проф. Лая. *Д. М. Сокольцовъ*: Программы по математикѣ. *С. И. Карцевскій*: Родной языкъ въ школѣ. *П. Г. Богатыревъ*: Темы для сочиненій по словесности. *Д-ръ. Гостовскій*: Преподаваніе славянскихъ языковъ въ школахъ У. С. Р. *А. А. Кизеветтеръ*: Къ 50-ти лѣтію дѣятельности Н. Н. Карѣева. Хроника. Библіографія. Объявленія.

Складъ Изданія:

„НАША РѢЧЬ" — Praha II. [illegible] 32, „РОДИНА" — Berlin, Kanistrasse 24.

Можно получать также во [illegible] іяхъ издательства „ПЛАМЯ": Прага — Русская Изабушка, Ужгородъ — [illegible] Мукачево — „РОДНАЯ РѢЧЬ", Пряшево — [illegible] — Г. С. „СУЛИМА" и др.

П1
543
1924 N1/2

III год изд.

ВОЛЯ РОССІИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

№ 1.

1-го ЯНВАРЯ 1924 г.

ПРАГА.

PRAHA, Uhelný trh čís. 1.

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МѢСЯЦ ПОД РЕДАКЦІЕЙ:

З. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина — Издатель Е. Лазарев

Воля Россіи.

Воля Россіи была — разсѣяться, разметаться на волѣ. От моря до моря, от одного океана до другого, от горной цѣпи до горной цѣпи, от естественно мыслимаго Сѣвера, с его полунощным солнцем, ледовитыми водными пространствами и промерзлыми тундрами до естественно мыслимаго Юга, с его нѣжноголубою красотою Крыма и тропическим богатством Кавказа и Закавказья, от Закатнаго солнца, заходящаго на ночь в Янтарное море, до Восходящаго солнца моря Жемчужнаго.

Воля Россіи, не мыслящая себя внѣ простора неограниченнаго, имѣла в своем своеволіи одну прихоть, весьма ее опредѣлившую: Воля Россіи любит географію и не любит исторію. Эти два понятія в ней — не в соучастіи согласном, как в любой странѣ Европы или даже в просторной Америкѣ, а в явном, друг другу мѣшающем, противоборствѣ. Их противорѣчіе сказывается в самом их ликѣ. Географія Россіи — одна из богатѣйших на всей Землѣ, исторія Россіи — одна их самых бѣдных. Строго говоря, если разсматривать исторію Россіи в точном смыслѣ этого понятія, надо сказать, что мы богаты только злополучіями. Славянская рознь. Варяжская загадка, минутный расцвѣт 12-го вѣка, смѣняющійся вѣками Монгольскаго ига. Иван Грозный, бѣсовское дѣйство Смутнаго времени, кровавая вольница Волжская и Запорожская, кровавая охота за Сибирскими соболями, кровавый Петр, этот свѣтлоликій и молнійный демон, вызвавшій из болот могу-

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград О 1967 акт Р П-476/1.

чій городъ и ударомъ кулака разбудившій дремотную Москву, эта сказочная Москва, загорѣвшаяся въ двѣнадцатомъ году отъ копѣечной свѣчки и ставшая купиной неопалимой, горѣньемъ недогорающимъ, 1917-й годъ, распахнувшій всю бездну нашего неумѣнья дѣлать исторію, созидать ее творчески, и дикую нашу способность разметаться, разсѣяться, дробить и сокрушать, быть нищимъ богачомъ, расточать, не оглядываясь.

В этомъ послѣднемъ — воля или доля? Одинъ звукъ, одна буква разницы, а какое различіе понятій. Конечно, пословица гласитъ: «Своя воля, своя и доля». Но смыслъ этой пословицы теменъ. Если она хочетъ сказать, что наша воля всецѣло опредѣляетъ нашу долю, это неправда, ибо наша воля иногда волитъ помимо своей воли, а именно въ силу нашей доли, велящей намъ, чтоб наша воля волила, хотѣла, поступала въ точности такъ, а не иначе. Нѣтъ-ли въ этой пословицѣ простого вздоха Русскаго человѣка, который, натворивъ невообразимаго, чего хотѣлось и больше не хочется, натворивъ того, чего вовсе и не хотѣлось, а что сдѣлалъ въ минутной слѣпотѣ закрутившагося чувства, грустно утѣшаетъ себя: самъ, молъ, все сдѣлалъ, волю свою показалъ, ну и терпи.

Мы богаты злополучіями, но богаты мы и отдѣльными исключительными людьми безпредѣльно-волевыми. Конечно, завладѣніе Сибирью Ермакомъ и горстью смѣльчаковъ не меньшая, а бо̀льшая сказка, чѣмъ завладѣніе Мексикой Кортесомъ. И такого дѣйственнаго, волевого преобразителя цѣлой страны, каким былъ нашъ Петръ, вряд-ли мы найдемъ сроди своевольныхъ властителей Европы, и нашъ протопопъ Аввакумъ, наша боярыня Морозова, какъ мы ее видимъ и въ жизни и въ смерти и на поразительной картинѣ Сурикова, наши самосожигатели, наши исполины, Достоевскій и Толстой, это такіе образы, которымъ можетъ завидовать любая страна, какъ бы ни была богата ея исторія. И въ прямомъ и въ иносказательномъ смыслѣ Россія не только равнина, по которой Русское естество безъ конца разсѣивается и переливается, и вправо, и влѣво, и вверхъ, и внизъ. Это также страна высочайшихъ горныхъ вершинъ, богатѣйшихъ нѣдръ, полноводнѣйшихъ рѣкъ, и по окраинамъ своимъ, по роковымъ граньямъ, она слышитъ и знаетъ, какъ плещетъ Море и какъ гудитъ Океанъ. Но моря наши — такія, что или они озера, или они сразу — наши и не наши, океаны такіе, что одни — ледовитый, а другой — чужой, горы такія, что мы ихъ видимъ и любимъ, но между горными вершинами, плоскогорьями и долинами почти нѣтъ путей.

Воля Россіи? Какъ ее опредѣлить? Какъ увидѣть, въ чемъ ея тайный ключъ, золотой, серебрянный, или желѣзный? Если б точно знать, всѣ бы замки отомкнулись, всѣ бы засовы содвинулись, распахивая широкія ворота, и освобождая всѣхъ

узников, — гусли бы снова заиграли многозвончатыя, как они играли столько раз в вѣках, улыбка стала бы перелетать от одного счастливаго лица к другому, как перелетает весной от цвѣтка к цвѣтку легкій мотылек и звонкая пчела, отягощенная лишь цвѣточной медоносной пылю.

Носители воли каждой страны, большею частью, в видимости, не принимающіе никакого дѣйственнаго участія в волевой дѣйственности этой страны, суть ея поэты и писатели. По ним чувствуется звук голоса этой страны, ея душа, отдѣльный ото всѣх других ея особый нрав, ея колодцы, ея подземные ключи, песчаные пустыри или пажити, ея тьма, гдѣ ютится нежить, ея свѣт, тускло свѣтящій через слюдяное оконце или проводящій золотой меч своего луча от кругозора до емкой дуги другого кругозора, через весь простор степи, гдѣ ковыль звенит.

Сердце молится памяти всѣх наших великих поэтов и писателей, ум и душа учатся и становятся мудрыми, вникая в их созданія и с глубокою признательностью видя, что они создали звучнѣйшую пѣсню и самое внятное слово — в странѣ безсловесной. Но сердцу и уму хочется еще чего-то другого. Живого примѣра, лика стройности. Хочется завершенности такой воли и гармоніи, такого сліянія красоты творческой мысли с ясной красотой жизненной доли, что глянешь и пожелаешь: Вот так бы творить и так бы жить, — так бы жить и умереть, — быть таким или сродным. Геній чужой страны, бывшій не только ея величайшим поэтом, но одним из величайших работников и провидцев науки, Гете, жил и прожил долгую жизнь и умер так, что все в нем — стройность и примѣр, все в нем желанный завѣт и такая математическая пѣвучесть, какая восхищает нас в мудрых числовых играх звѣздовѣдѣнія и в многоугольности кристалла. Самыя паденія человѣка — ничто, если в концѣ концов они сведены в единую завершенную творческую основу, в единый свѣтлый жизнедѣятельный устав. А тут ни о каких паденіях даже и говорить не приходится.

Всѣх русских писателей, прозой-ли они писали или стихом, я люблю, и чувствую, что каждый из них есть частица Русской души, воли Россіи, а Русская душа и воля Россіи мнѣ дороже всего на свѣтѣ и не хочу я искать примѣра и утѣшенія на сторонѣ, мнѣ это нужно в моем собственном домѣ, ибо я не только блуждаю по всѣм странам, ибо я не только растекаюсь и разметываюсь, но и самосцѣпленія ищу, я Русскій и хочу Россіи, я хочу Русскаго.

Почему же душа моя проникается болью и тоской неистовой, когда я не о прекраснѣйших созданіях Русскаго худо-

жественнаго слова начинаю думать, а о жизненной долѣ этих прекраснѣйших творцов?

Пушкин застрѣлен. Лермонтов застрѣлен. Испепеленный внутренними пытками, Гоголь умер безумным, Кольцов умер, не дожив свою жизнь. Никитин, перед смертью оскорбляемый ближайшими, умер, не дожив свою жизнь. Глѣб Успенскій умер безумным. Батюшков еще в юности сошел с ума и прожил жизнь сумасшедшим. Вся жизнь Некрасова — мучительное противорѣчіе. Тургенев умер в чужом домѣ, в чужой странѣ, любя напрасно и окруженный безлюбіем. Умудренный, но и пронзенный пытками каторги, умудряемый и жалимый своею падучей, цѣлую жизнь под хлыстом нужды, Достоевскій умер, не успѣв довершить и главнѣйшаго. Толстой, в без'исходном раздвоеніи прячущійся от своих близких и с своею любимою живя под одной кровлей как с женой, которую любил, и как с врагиней, от которой укрывался, перед смертью бѣжит наконец из своего дома, чтобы хоть умереть на свободѣ и в полной правдѣ перед самым собой.

Жутко и страшно. Неужели это воля Россіи и Русская душа? Или все это опять наша доля, наше предназначенное богатство души и одаренности, соединенное с тѣм роковым даром волшебниц, благодаря которому мы так всегда богаты злополучіями?

С любовью и с тоскливым вопротом смотря на лики создателей нашего полногласнаго, единственнаго в своей звучности и духовной красотѣ, Русскаго слова, я думаю: Неужели только один Аксаков из наших великих прожил жизнь долгую и ясную, и, всю жизнь храня красивым и стройным свой лик, умер тихой смертью, полновѣсной мѣрой отдав людям зерна золотыя своего Божьяго дара и окруженный в смертный свой час любовью несомнительной и близких и далеких? Я не вижу сейчас никого другого.

В своих книгах, написанных наилучшим Русским языком, Аксаков любить художественно повторять слово «в мѣру». Он знает, как охотник, что нужно к добычѣ подойти в мѣру, если не хочешь, чтобы мѣткій твой выстрѣл превратился в промах. Почти всю свою жизнь прожив сроди природы, видѣвшій в обильных своих десятилѣтіях больше птиц, рыб и звѣрей, нежели людей, не потому-ли он внѣдрил в свою жизненную картину, в свой творческій и чисто-личный образ ту высокую художественную мѣру, которая составляет основное правило міросоздающей Природы?

Не об умѣренности я говорю, о, нѣт. Русскій-ли станет говорить с Русскими и по-Русски об умѣренности? Я знаю, что Русская душа всегда останется безмѣрной. Хватит этого у нас до скончанія вѣков. Но, если бы в жаждѣ безмѣрности, воля

Россіи постигла также красоту и мѣткострѣльность той мѣры, которая, пробивая русло, дѣлает рѣку глубокой, давая огромнѣйшій рост и великую тяжесть слону, помогает ему в то же время ходить изящной легкой походкой, вытягивая в длину ихтіозавра и кита, дает им возможность дѣлать незатруднительно самыя вѣрныя движенія, — тогда, о, тогда, и затянувшее Россію марево развѣялось бы со скоростью, радующей душу, и мы всѣ, очутившіеся во чревѣ китовом, скоро бы увидѣли синее небо безоблачным и родную нашу землю желанным домом.

Если бы я был волшебником, я бы поколдовал, чтобы воляволеніе Россіи, — и той, что осталась на родимых межах, и той, что вольно или невольно выметнулась во-внѣ, — в мѣру проникшись жаждой самосцѣпленія, волила не своеволіе рабства, а только волю-свободу.

К. Бальмонт.

* * *

Доволен я своей судьбой.
Все — явь, мнѣ ничего не снится.
Лѣсок сосновый, молодой;
Бѣжит бѣсенок предо мной;
То хрустнет вѣточкой сухой,
То хлюпнет в лужицѣ копытце.
Смолой попахивает лѣс.
Русак перебѣжал поляну.
Оглядывается мой бѣс.
— Не бойся, глупый, не отстану:
Вот так, на дружеской ногѣ,
Прійдем и к бабушкѣ-Ягѣ.
Нам наварит она кашицы,
Положит спать на сѣновал.
И долго, долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал,
И кто кого сюда зазвал.

Владислав Ходасевич.

Воспоминанія*).

Глава I.
Война 1914—1918 г.

I.

Со времен второй Балканской войны я был занят планом помирить сербов и болгар, ибо ожидал в ближайшем будущем новой, еще большей войны и опасался вражды обоих народов. Во время пребыванія моего хорошаго знакомаго серба весной 1914 г. в Прагѣ, мы составили с ним цѣлый план; он отправился домой и вернулся к нам с надеждой, что руководящіе круги Бѣлграда готовы на мир и на уступки.

Далѣе я должен был ѣхать в Париж и Лондон и привлечь на нашу сторону вліятельных политиков, которые бы дѣйствовали на Бѣлград и на Софію, а также заручиться поддержкой англійской и французской печати; в Петроград мнѣ ѣздить не было нужно: достаточно было переговорить с русским послом и вліять на Петроград, Париж и Лондон. Из Парижа я должен был ѣхать через Константинополь в Софію; из Бѣлграда мнѣ посовѣтовали, чтобы я не ѣхал через Бѣлград, так как болгары будут относиться ко мнѣ болѣе довѣрчиво, если я пріѣду к ним прямо из Лондона и Парижа. Это была превосходная мысль, но Сараево и австрійскій ультиматум Сербіи разбили весь план.

Как раз в это время я был с семьей в Шандау.

Под вліяніем ультиматума я был все время в страшном напряженіи и все надѣялся, что войны не будет. Даже послѣ об'явленіи мобилизаціи я все еще доказывал своим знакомым, что хотят «напугать» и что руководители международной политики сойдутся и уладят спор; между мобилизаціей и об'явленіем и осуществленіем войны, казалось мнѣ, лежит громадная пропасть. Даже об'явленіе войны не признавал я послѣдним словом. Меня называли безнадежным пацифистом и идеалистом; в дѣйствительности, в глубинѣ своей души я предвидѣл войну, как и все остальное, но я боялся окончательнаго рѣшенія и того, что оппозицію к Австріи и всему австрійскому вліянію теперь придется доказывать поступками.

*) Авторизованный перевод с чешскаго Н. М. Мельниковой-Папоушек.

Когда Англія об'явила войну Германіи (4 августа), кончилось мое самообольщеніе; но еще и впослѣдствіи видѣл я нѣкоторое колебаніе у Германіи при пред'явленіи ультиматума Бельгіи, а также и в предложеніи Бельгіи о мирном соглашеніи (9 августа); во всем этом видѣл я признаки извѣстнаго уваженія к міровому общественному мнѣнію. Но, конечно, все это было лишь шатаніем, — вѣдь и политики дорожат своей шеей.

Из Шандау вслѣдствіе мобилизаціи мы никак не могли попасть домой: желѣзныя дороги провозили солдат и рекрутов; кромѣ того, австро-венгерскіе подданные возвращались массами домой из Германіи. Жизнь в Саксоніи, в Дрезденѣ и других городах дала мнѣ возможность видѣть германскую мобилизацію и сравнить ее с австрійской, наблюдаемой мною по возвращеніи домой (около 10 августа). У нѣмцев был во всем гораздо большій порядок и войско было лучше и основательнѣе вооружено; мнѣ было больно видѣть австрійских рекрутов, ѣдущих из Германіи и через Германію домой: они были страшно пьяны. Во время этого перваго путешествія я ближе увидѣл перваго чешскаго солдата — фельдфебеля и говорил с ним. Это было недалеко от Мельника (мы ѣхали окружным путем из Дечина); я бросил ему нѣсколько скептических замѣчаній о ходѣ войны. Я точно сейчас вижу его — бѣднягу: он посмотрѣл на меня широко открытыми глазами и как будто оправдывался грустными словами: «Что же мы можем дѣлать?»

Да, что мы могли, что мы должны были дѣлать?

Я знал, что мы, что я должен дѣлать; с каждым днем мнѣ это становилось яснѣе. В Прагѣ была политическая пустыня; всякая дѣятельность политических партій и отдѣльных лиц была связана; мы, депутаты, хотя и сходились, чтобы поговорить о различных административных затрудненіях, но ясно чувствовалось, что наши души витают за предѣлами залы засѣданій. Какая осторожность появилась у многих в разговорах о войнѣ; кромѣ того, продолжались партійныя недоразумѣнія, вызванныя аферой Швиги; во всяком случаѣ ея послѣдствія не были заглажены, несмотря на то, что мы находились на критическом и рѣшающем перепутьи.

Наши чешскіе солдаты проявляли свое анти-австрійское настроеніе, покидая Прагу; из арміи приходили сообщенія, что они волнуются и даже бунтуют; скоро мы услышали о строгих мѣрах военных властей и даже казнях через повѣшеніе. Их казнили за то, что я — депутат —проповѣдывал — мог ли, смѣл ли я дѣлать меньше, чѣм простой солдат-гражданин, котораго я сам же поддерживал в его проти-австрійском и славянском образѣ мыслей?

Тогда я начал бесѣдовать с моими коллегами-депутатами, стараясь опредѣлить взгляды и планы различных партій. Чаще всѣх разговаривали мы с депутатом Швеглой у него в Гостиварах

и Карловых Варах. Поочередно вел я переговоры с д-ром Странским, Калиной, д-ром Гайнем, Клофачем (мы с ним сносились, как до его ареста, так и во время его пребыванія в тюрьмѣ), д-ром Соукупом и д-ром Шмералем; один или два раза пригласил я нѣкоторых из них к себѣ. Хотѣл я завязать сношенія и с депутатом Хоцем, но он проявил такой страх, что сейчас же выпал из моих планов; из разговора с остальными я вывел заключеніе, что огромное большинство всѣх партій сохранит свое антиавстрійское направленіе даже в том случаѣ, если отдѣльные вожди и фракціи пойдут с Австріей.

Полиція и прочія учрежденія сначала меня ни в чем не подозрѣвали. Я был осторожен и не отягчал своего положенія. В таких условіях важен принцип: дѣлать как можно больше самому и как можно меньше говорить людям, чтобы в случаѣ ареста и слѣдствія им было бы легко отвѣчать. Потому-то я ничего не говорил о своих планах самым близким людям. Я окончательно рѣшил: оппозиція Австріи должна стать реальной, настоящей, на жизнь или смерть. К этому побуждала нас вся міровая коньюнктура.

II.

Дѣло было лишь в том, как все начать, какую примѣнить тактику: дома, как скоро я убѣдился, не была возможна ни вооруженная революція, ни даже радикальная оппозиція; быть может, можно было бы устроить какую нибудь вспышку, возстаніе. Но я на это не пошел бы. Может быть, в Вѣнѣ, особенно Фридрих, этого и хотѣли. Судя по положенію дѣл, серьезно продуманному, мы должны были уѣзжать за границу и там организовывать рѣшительную борьбу против Австріи.

Так начал я искать связей с друзьями в союзных государствах. В этом помог мнѣ Воска, который перед войной пріѣхал на побывку в Чехію. Воску знал я по Америкѣ. Заручившись его обѣщаніем хранить все в строжайшей тайнѣ, начал я сперва с ним переговоры относительно того, чтобы земляки в Америкѣ основали как можно большій фонд для помощи жертвам австрійских преслѣдованій на родинѣ. От этого перешел я к политическим переговорам. Как гражданин нейтральной Америки, Воска имѣл доступ во всѣ воюющія государства; поэтому я попросил его, чтобы на обратном пути он заѣхал в Англію и в Лондонѣ передал моим друзьям извѣстія и письма. Воска на это согласился и отправился в концѣ августа в Америку через Англію. Чтобы все это не бросалось в глаза, с ним поѣхало еще нѣсколько земляков. Конечно, большинство свѣдѣній посылал я устно, так как в таких случаях слѣдует, как можно меньше писать; я дал лишь статистику и краткія замѣтки для памяти в письменном видѣ. Со-

общенія касались преслѣдованій, главным образом, выдающихся югославянских вождей, потом финансоваго положенія Австро-Венгріи и, наконец, арміи. Всѣ сообщенія были переданы немедленно по прибытіи в Лондон (2 сентября 1919 г.) мистеру Стеду, редактору иностраннаго отдѣла міровой газеты »Times«, который передал их в тот же день адресатам, между которыми было также и русское посольство.

Порученіе было исполнено Воской прекрасно: он также немедленно наладил службу связи при помощи особых курьеров, выбранных из граждан нейтральных государств и из наших людей, живущих заграницей и возвращавшихся домой. Таким образом были установлены постоянныя сношенія с союзными государствами. Первыя свѣдѣнія, которыя я получил таким порядком и которыя вскорѣ затѣм дополнил при встрѣчѣ с моими доузьями в Голландіи, были весьма важны и имѣли для меня большое значеніе.

Я узнал, что лорд Китчнер полагает, что война затянется надолго, по крайней мѣрѣ на 3—4 года. Этот вопрос был для меня чрезвычайно важен, так как моя заграничная работа, ея характер и направленіе существенно зависѣли от того, будет ли война затяжной или нѣт.

Далѣе я узнал, что англійскіе военные вожди считали судьбу Парижа заранѣе рѣшенной — он должен был пасть; Англія же, несмотря ни на что, будет бороться до послѣдняго солдата, до пслѣдняго судна. Поэтому мы не должны отчаиваться и не отступать от союзников.

Для меня было чрезвычайно важно знать, какой военный план был у тройственнаго союза. План их заключался в том, что русскія войска будут наступать на Силезію, Моравію и Чехію, дабы Австро-Венгрія была отрѣзана в стратегическом отношеніи от Германіи. Этот план должен был быть осуществлен еще в 1914 г. Россія — узнал я впослѣдствіи — могла бы дать позднѣе оружіе нашим, чтобы послѣдніе могли поддерживать порядок дома.

При дальнѣйшем ходѣ событій я убѣдился, что союзники не отказались от плана отрѣзать Австрію от Германіи. Над осуществленіем этого плана, как будет видно, они работали до весны 1918 года при помощи самой Австріи. Мнѣ этот план с самого начала не нравился, не нравился ни с военной, ни с политической точек зрѣнія. С военной стороны, мнѣ думалось, он показывал нѣкоторое недовѣріе к своим собственным силам, а политически он означал разговор с Габсбургами и сохраненіе и даже, может быть, увеличеніе Австріи. Я видѣл в этом планѣ недостаток именно планомѣрности, и это первое извѣстіе из Лондона лишь подкрѣпило мои опасенія касательно Россіи.

Но прежде, чѣм я буду говорить об этом важном пунктѣ моего рѣшенія, разскажу сначала о моих дальнѣйших сношеніях с союзниками.

Я воспользовался пріѣздом своей невѣстки из Америки и поѣхал проводить ее на пароход в Роттердам. Было это в половинѣ сентября. Из Роттердама я написал Дени и моим друзьям Стеду и Сетон-Ватсону, чтобы они или сами пріѣхали ко мнѣ из Англіи или послали вѣрнаго человѣка. Не было возможности все это так скоро организовать и потому я должен был думать об организаціи второй поѣздки в Голландію. Но и это первое путешествіе не пропало даром- я проѣхал туда и обратно через Германію и видѣл Голландію.

Между тѣм выяснилось положеніе и дома, гдѣ укрѣплялось антиавстрійское настроеніе; теперь дѣло шло о том, как все организовать и что предпринимать. Чѣм дальше, тѣм болѣе убѣждался я во враждебных нам планах двора и военнаго командованія. Я получал от разных лиц из арміи (одним из первых, заявивших о желаніи служить нашему дѣлу, был полковник Гоппе) и министерств свѣдѣнія о том, что дѣлается среди войска и чиновничества. К этому присоединились при помощи Махара сообщенія Коланды. Махар кое что из них уже напечатал. Из документов, переданных мнѣ Махаром, узнал я о враждебном настроеніи военнаго командира Фридриха и иных, увидѣл планы, направленные, как против наших, так и югославянских сокольских организаций. Очень скоро начались преслѣдованія; первым подвергся им Ичинскій сокол. Мои достовѣрныя свѣдѣнія давали возможность довольно часто заранѣе предупреждать тѣх, кому грозила опасность.

В половинѣ сентября я поѣхал во второй раз в Голландію. Снова проѣхал через всю Германію и уже дольше наблюдал Берлин; в Голландіи я был не только в Роттердамѣ, но и в Гаагѣ, Амстердамѣ и иных городах. На этот раз удалось мнѣ встрѣтиться и с друзьями. В Роттердам пріѣхал Сетон-Ватсон; в теченіе двух дней освѣдомлял я его о положеніи Австріи, развивал мои взгляды на войну вообще и мировую в частности, как она мнѣ представлялась, изложил нашу національную программу и планы дальнѣйшаго дѣйствія, поскольку они мнѣ были тогда уже ясны. Наш вѣрный друг сейчас же по возвращеніи в Лондон составил соотвѣтственно моим указаніям меморандум, который получили союзныя представительства в Лондонѣ, Парижѣ и Петербургѣ. Сазонову его передал лично проф. Виноградов, который в то время ѣздил в Петербург (он был приглашен читать лекціи в Оксфордѣ).

И с Дени удалось мнѣ завязать письменныя сношенія. Между прочим в Роттердамѣ встрѣтился я и с русским доктором Кастелянским, котораго знал ранѣе и с которым имѣл литературно-политическія сношенія. Позднѣе он переѣхал в Лондон и там

нам кое в чем помогал; в Голландіи он помогал д-ру Бенешу, когда мы там позднѣе организовали отдѣл пропаганды. Пока же я устроил сам в Голландіи центр пропаганды при помощи корреспондента

Тогда же в Голландіи получил я из Америки деньги от соотечественников и от мистера Кейна. При помощи мистера Стеда всѣ такія передачи шли по телеграфу.

На обратном пути из Голландіи я снова задержался в Берлинѣ и бесѣдовал там с нѣкоторыми выдающимися политиками и публицистами. Соціалистам я сказал, что 4-го сентября они проиграли (военные кредиты были в Рейхстагѣ приняты единогласно) и высказал мнѣніе, что соціал-демократическая партія скоро расколется. Уже сейчас в партіи было замѣтно безпокойство: 2 августа военные кредиты были приняты против 1 голоса (Либкнехт), а 20 августа уже против 20 голосов (соціал-демократы). В Берлинѣ узнал я многое о ходѣ войны, что укрѣпило меня во взглядѣ на вину Германіи и Австріи.

Наконец, скажу, пока вкратцѣ, что я завязал еще в Прагѣ при помощи Сватковскаго сношенія с оффиціальной Россіей. Болѣе подробно буду об этом говорить в слѣдующей главѣ.

К сношеніям с заграницей я причисляю и доставку газет, как германских, так и союзническихъ; в Прагѣ эти газеты, в том числѣ и германскія, были запрещены: в Вѣнѣ было больше свободы, а в Дрезденѣ и Берлинѣ можно было читать даже англійскія и иныя газеты. Я их доставал чрез знакомых и при помощи особых курьеров. Таким образом, я был освѣдомлен о многих подробностях, не доходивших до нашей печати.

Дома и в арміи увеличивались преслѣдованія; казнь Кратохвила в Преровѣ (23 ноября) прямо гнала меня прочь, но все же я остался до казни Матека (15 декабря). Я был готов уѣхать или скорѣе бѣжать заграницу к союзникам и дѣло шло лишь о том, как провести окончательное отступленіе... Необходимо было довольно долгое время, чтобы убѣдиться, подозрѣвает ли меня полиція, так как в Голландіи мнѣ казалось, что за мной слѣдят; за все то, что я уже успѣл сдѣлать, мнѣ угрожала, несомнѣнно, висѣлица, но, очевидно, власти многаго обо мнѣ не знали.

III.

У меня возникало довольно сильное безпокойство и вслѣдствіе хода войны: кто побѣдит? — На этот вопрос в 1914 году и даже позднѣе не было возможности отвѣтить с увѣренностью и точностью.

С самого об'явленія войны занялся я изученіем нѣкоторых неизвѣстных еще мнѣ работ о современной войнѣ: дѣло было в том, как я уже говорил выше, чтобы узнать, будет ли война за-

тяжной или нѣт и в зависимости от этого опредѣлить наши перспективы и организовать работу.

Среди спеціалистов не существовало единомыслія по этому вопросу, в общем преобладало мнѣніе, как у союзных, так и враждебных спеціалистов (напр., Фош), что современная война должна быть краткой. Извѣстный французскій публицист Леруа Болье опредѣлял длительность войны в 7 мѣсяцев, политики, как Гано-то, Жорес ожидали скораго окончанія войны благодаря «Моровому валу». Нѣмцы, со своеи стороны, предвидѣли скорое уничтоженіе французской арміи, ссылаясь на примѣр 1870 г. Стремительное наступленіе на Бельгію и Люксембург на сѣверѣ и на Эльзас-Лотарингію на югѣ, казалось, сперяа поддерживало эти ожиданія. Начало военных дѣйствій не было благопріятно для Франціи — Париж оказался под ударом нѣмцев, в дѣйствительной опасности, и французское правительство переѣхало 2 сентября в Бордо. Мнѣніе Китченера меня не достаточно убѣждало, я не считал его таким компетентным знатоком современнаго военнаго дѣла, хотя я знал всю рѣшимость его военнаго духа.

О положеніи вещей на фронтѣ до моего от'ѣзда из Праги я не мог ничего рѣшить: особо тяжелой задачей являлась для меня битва при Марнѣ. Я принимал взгляд французов и англичан, считавших, что нѣмцы битву проиграли, а потому отошли на вторыя линіи; но одновременно французы отступили от Мозеля к Марнѣ, и это отступленіе необходимо было считать пораженіем. Удивляло меня также, почему французы послѣ побѣды не наступают. Нѣмцы подчеркивали, что значительное количество своих войск, цѣлых два корпуса, они перебросили с французскаго фронта на русскій в Восточную Пруссію, т. е., что они были на французском фронтѣ много слабѣе и сраженіе при Марнѣ рѣшающаго значенія не имѣет. Союзники имѣли сначала численный перевѣс, а потому французское отступленіе подѣйствовало на меня особенно тяжело. Я был знаком с нѣсколькими хорошими знатоками военнаго дѣла в австрійской арміи, но никак не мог с ними сойтись; только заграницей мог я получить информаціи от военных и подробно читать газеты. Потом уже я и сам убѣдился, что нѣмцы дѣйствительно проигрывают войну.

Обнадеживающее впечатленіе от битвы при Марнѣ было усилено затяжным сраженіем у Иперн за берег канала (с 20 сентября по 11 ноября). И в этом случаѣ нѣмцам не удалось провести свой план и завладѣть каналом и его портами, из которых они бы могли угрожеть Англіи (Дункирхен, Калэ, Булонь). Они должны были отступить по всей линіи и рѣшиться на позиціонную войну; наступленіе по Шлиффену не удалось, вычисленія оказались сомнительными и этим был провален весь план.

Турція (12 ноября) примкнула к Центральным Державам и Малая Азія с Балканами благодаря этому пріобрѣтали большое

значеніе, как в военном, так и в политическом отношеніи. Что будет дѣлать Болгарія, Греція, Румынія? На эти вопросы должен был придти скорый отвѣт. Благдаря тому, что Англія взяла на себя протекторат над Египтом (18 декабря), борьба за Малую Азію сильно обострилась. Война осложнялась, надо было предполагать, что она затянется. Взятіе Валоны итальянцами (26 октября) лишній раз доказывало сложность положенія.

О моих размышленіях по поводу войны, о моих сомнѣніях и надеждах читатель узнает из статьи по поводу войны, написанной в самом ея началѣ (в августѣ) для журнала «Наша Доба», гдѣ я указывал на военное, экономическое и политическое значеніе мірового конфликта; там я изложил волнующіе меня вопросы так же, как и надежды — австрійскій цензор пропустил эту статью, хотя конфисковал у меня в том же номерѣ часть моей статьи о Балканах и разсужденія Дени о нашем положеніи в «Международной лигѣ охраны прав народов». В слѣдующих номерах я начал ряд статей, вѣрнѣе критических поученій для мыслящих людей о задачах войны.

Военныя карты изучал я весьма подробно каждый день: политика теперь дѣлалась на полях сраженія и была она политикой на долгое время: по поведенію обѣих сторон можно было судить о цѣлях войны, о силѣ и ловкости друзей и врагов.

Неудача Австріи в Сербіи, пораженіе Потіоркова и, наконец, освобожденіе в декабрѣ (1915) Бѣлграда подтверждало наши надежды на побѣду. Не в такой степени поддерживало ее русское наступленіе на Краков к словенским проходам, так как против этого можно было противопоставить большой минус в Восточной Пруссіи (Гинденбург—Шонеберг, Мазурскія болота). Конечно австрійцы и нѣмцы сильно ошибались, не дооцѣнивая русскую армію, в особенности артиллерію, но все же то, что я знал о русском войскѣ и его командном составѣ, внушало мнѣ всяческія опасенія. Безпомощность перед Краковом поражала. В то время газета «Час» печатала весьма популярныя статьи о войнѣ, особенно о русских наступленіях и отступленіях: у нас бывали каждый день совѣщанія и мы дѣлали по сообщеніям и положенію войск свои заключенія. В редакціи одни были оптимистами, я же был сдержан, скорѣе скептичен; в редакціи шутили, что первый, кто будет повѣшен при вступленіи русских в Прагу, буду я... Время от времени различными замѣчаніями я обращал вниманіе на неподготовленность русских и коснулся критически не только способности Сухомлинова, но и самого генералисимуса, несмотря на его патріотическіе и славянскіе манифесты. Вѣдь все же я был прав! Я полагаю, что одним из лучших моих политических опредѣленій и рѣшеній было то, что я не поставил наше народное дѣло лишь на одну русскую карту, что я усиленно стремился обезпе-

чить нам симпатіи всѣх союзников и возстал против тогдашняго пассивнаго и некритическаго руссофильства.

IV.

Какое было тогда настроеніе, было видно по всему. Разсказывали, что торговки приберегают лучших гусей для русских; всѣм также извѣстно, как всюду циркулировал переписанный манифест Николая Николаевича и сообщеніе об аудіенціи у царя и как преслѣдовали тѣх, у кого это находили. Приходит на память сцена на Фердинандской улицѣ. Меня остановил на улицѣ знакомый, весьма радикальный редактор, и радостно показал переписанное сообщеніе о первой аудіенціи первых чехов у царя; он был чрезвычайно разочарован, когда я вернул ему бумажку, замѣтив, что все это имѣет весьма малое значеніе. Вѣдь царь депутаціи не сказал ничего опредѣленнаго; я допускал, что принятіе депутаціи было успѣхом и имѣло, как было видно на редакторѣ, хорошее вліяніе для поддержанія надежды.

Подобных переписанных сообщеній ходило много по рукам. Говорили, что по ночам их сбрасывают русскіе авіаторы, но, судя по содержанію и слогу, мнѣ казалось, что нѣкоторыя из них апокрифичны.

Австрійцы обращались с русскими плѣнными и с тѣми, кого застала война внѣ родины, очень сурово (хуже обращались лишь с сербами); я это видѣл собственными глазами, когда хлопотал об освобожденіи интернированнаго Максима Ковалевскаго, котораго война застала в Карловых Варах, и посаженной в тюрьму журналистки Звѣздич.

Нѣсколько раз видѣлся я с депутатом Калиной, которому уже ранѣе сообщал кое что о своих заграничных сношеніях. Говорил я ему об опасности, грозящей соколам со стороны австрійскаго генералисимуса, и мы вмѣстѣ взвѣшивали ту роль, какую мог бы взять на себя сокол в данный момент, особенно же при ожидаемой оккупаціи. Свел он меня с д-ром Шейнером.

С ним мы сговорились, что сокола, в случаѣ русской оккупаціи, пошли бы в народную милицію, а, смотря по обстоятельствам и необходимости, и в національное войско. Я не скрывал перед ним своих сомнѣній относительно русской арміи и политики и обратил его вниманіе на возможность необходимости русскаго отступленія, в случаѣ, если бы нѣмцы наступали через Саксонію, южную Австрію и т. д. Возможность и даже вѣроятность того, что русскіе, дойдя до Моравіи и даже до Чехіи, должны будут потом отступить, была, судя по предыдущему опыту, велика. Требовалась большая и сознательная осторожность, чтобы избѣгнуть позднѣе жестокой мести австрійцев, которая могла бы терроризировать в будущем народ.

Доктор Шейнер сам был весной в Россіи и убѣдился, что политическая связь с Россіей была слаба, вѣрнѣе ея вовсе не было; Сазонов его обвинял в том, что чешскіе политики собственно мало заботились о Россіи и потому русскіе их не знают. Также откровенно он сказал, что мы не должны разсчитывать на Россію и что русская армія не готова к рѣшительной войнѣ. Подобным же образом высказывался Сазонов в разговорѣ с депутатом Клофачем немного ранѣе (в декабрѣ), прибавив, что великія державы войны не хотят. Но у нас об этом открыто не говорилось, а потому об этом и не знали: общественное мнѣніе было некритически руссофильское, от русских и их казаков ожидалось освобожденіе, кто либо из великих князей должен был сѣсть на Градѣ королем или намѣстником.

В противовѣс всему этому я высказывал д-ру Шейнеру свои сомнѣнія о достаточной силѣ русскаго оружія. Об'яснял тоже, что боюсь русской династіи, и даже в лицѣ намѣстника, что русскіе, вслѣдствіе незнанія мѣстных условій и людей, вслѣдствіе абсолютизма и широкой жизни очень скоро уничтожат наше руссофильство. Д-р Шейнер мнѣ возражал, что при современных условіях русскій на тронѣ был бы наиболѣе популярным и что я должен уважать общественное мнѣніе. Я признал справедливость этого взгляда: конечно, теперь уже не было времени учить широкія массы и разсказывать им об истинном положеніи Россіи, а потому я в своей заграничной пропагандѣ и особенно в меморандумах, передаваемых союзническим правительствам, приводил этот взгляд, как наиболѣе распространенный: лично я, в случаѣ крайней необходимости, предпочел бы кандидата какой либо из западных династій или по крайней мѣрѣ того, кто у них имѣет вліяніе.

Но сейчас же я должен оговориться, что заграницей я нигдѣ и никогда ни о каком кандидатѣ в короли переговоров не вел; свое мнѣніе я сказал лишь самым близким друзьям заграницей, чтобы в нужную минуту они были освѣдомлены. Различныя сообщенія о том, будто бы я говорил с англійскими и иными принцами — совершенно неправильны. Лично я был за республику; но сознавал, что в тот момент большинство было за королевство; тогдашнее поведеніе соціал-демократіи в Германіи и у нас, ея отношеніе к династіям склоняли к серьезным размышленіям о формѣ правленія; убійство Жореса не менѣе. Конечно, наш вопрос не был своевременен.

С д-ром Шейнером вел я также переговоры о финансированіи заграничной пропаганды. Мы думали о возможности употребленія денег сокольских организацій, которыя позднѣе, вслѣдствіе какой то юридической трансакціи, нельзя было трогать. В данный момент я должен был обратиться к американским чехам. Получил я адрес Штепины в Чикаго.

О русскофильском настроеніи — едва ли это была политика — я должен сказать еще нѣсколько слов; вопрос был важный и, благодаря непредусмотрѣнному развитію событій, оказался еще важнѣе.

У наших политиков руссофильскаго направленія была славянская программа максимум: послѣ русской побѣды, в ней никто не сомнѣвался — создастся славянская великая держава: к Россіи присоединятся малые славянскіе народы; но это точно не было выражено. Насколько мнѣ было тогда сообщено, я видѣл в этом планѣ соблазнительную аналогію с звѣздной системой, построенной на понятіях о Россіи и славянских вопросах, не отвѣчавших ни дѣйствительности, ни историческому развитію. Я занимался изученіем Россіи и отдѣльных славянских народов давно, собственно говоря, всю жизнь; основываясь на своем знакомствѣ с положеніем дѣл, я от царской Россіи спасенія не ждал, наоборот, я ждал новое изданіе японской войны, а потому был за энергичную иностранную работу не только в Россіи, но и в остальных союзнических государствах, дабы мы могли заручиться симпатіей и помощью всѣх. Я настаивал и на выѣздѣ д-ра Крамаржа заграницу, чтобы мы там могли раздѣлить работу; но д-р Крамарж не хотѣл ѣхать заграницу и полагал, что русскіе сами разрѣшат окончательно чехословацкій вопрос.

Я не мог с этим согласиться: я опасался, что Россія войны не выдержитъ и что вспыхнет революція; боялся я также, что у нас будет огромное духовное разочарованіе и упадок, если Россія не будет в состояніи нам помочь, а мы возложим на нее всѣ надежды.

Я слѣдил весьма внимательно за ходом дѣл в Россіи, а особенно в русской арміи. Послѣдній раз я был в Россіи в 1910 году и, как при каждой поѣздкѣ в Россію, весьма основательно и из вѣрных источников информировался о положеніи русской арміи. Упадок и деморализація, так ужасно проявившіе себя в войнѣ с Японіей, не были отстранены. Проводились реформы и армія получала новое вооруженіе, но особеннаго прогресса не было видно. Это мнѣ подтверждали провѣренныя сообщенія во время балканских войн и позднѣе до самого об'явленія войны. Я не довѣрял русскому командному составу и разным великим князьям. Ужасный факт, что русскіе солдаты должны были обороняться против нѣмцев палками и камнями — показывает все легкомысліе царской Россіи. Австрійскіе великіе князья в австрійской арміи не достаточно уравновѣшивали русских великих князей в русской.

Кежется, в маѣ 1917 г. «Новое Время» напечатало статью о неподготовленности Россіи к войнѣ. Чешская пресса обратила на это вниманіе, но скоро всѣ об этом забыли и ожидали чудесной и скорой побѣды Россіи. К оправданію наших оптимистов нужно признать подобный оптимизм и у союзников.

Я хорошо понимал, что наша публика была в восторгѣ от оффиціальных заявленій Россіи; в них говорилось о славянах и о братствѣ, а нашему общественному мнѣнію, не воспитанному ни для реальной, ни для міровой политики (а благодаря войнѣ и для нас она настала) этого было вполнѣ достаточно. Я внимательно читал всѣ эти заявленія. В русском манифестѣ о войнѣ (2-го августа) говорится о славянах, родственных по крови и вѣрѣ. Славянами и братьями для оффиціальной Россіи уже давно были балканскіе православнные славяне. Царь (9 августа) снова говорит членам Думы о единовѣрных братьях, а потому дальнѣйшая фраза: «полное и нераздѣльное единеніе славян с Россіей» не была для меня точной и ясной программой, не говоря уже о том, можно ли так тѣсно слить с Россіей поляков, болгар, сербов, хорватов и словен. На военном торжествѣ в Москвѣ (18 августа) представитель дворянства назвал войну защитой славянства против пангерманизма, а царь на это отвѣтил, что дѣло идет о защитѣ Россіи и славянства, не упомянув в этом случаѣ о вѣрѣ; но это само собой подразумѣвалось.

Сазонов, как министр иностранных дѣл, заявил в Думѣ, что историческая задача Россіи заключается в протекторатѣ над балканскими народами (также и не славянскими); воля Австріи и Германіи не смѣет быть законом для Европы.

Прекрасный был манифест к полякам (15 августа), и сами поляки приняли его с волненіем и благодарнотью. Позднѣе я узнал, что его писал Сазонов. Меня немного удивляло то, что хотя манифест был дан от имени царя, но подписан был лишь Николаем Николаевичем, точно так же, как австрійскій императоp говорил с поляками устами своего генералиссимуса. Очень скоро между поляками и русскими возобновилась старая вражда и не только по винѣ поляков. Царская Россія показывала шаг за шагом, что не думает в серьез о независимости Польши, а лишь об автономіи; в концѣ концов Трепов это ясно заявил, а царь за ним повторил.

Военные манифесты Николая Николаевича мнѣ не нравились, они были пышными и неясными: особенно его манифест к народам Австро-Венгріи. Скоро этот манифест начал ходить по рукам в различных варіаціях: он был издан на девяти языках и особенно словацкій текст отличался от чешскаго и иных, в нем было особое и непосредственное обращеніе к словакам. Ходил по рукам также особый манифест к чешскому народу, но он мнѣ казался поддѣлкой, вышедшей из рук или наших людей или австрійской полиціи: в русских собраніях документов и в газетах я его не нашел.

В рѣчах депутатов в Думѣ говорилось о славянах очень мало: польскій представитель говорил о славянах лишь затѣм, чтобы

не говорить о русских. Милюков упомянул о борьбѣ против перевѣса германцев над Европой и славянством.

Из всѣх этих оффиціальных заявленій не мог я получить об оффиціальной Россіи иного мнѣнія, чѣм то, какое имѣл ранѣе благодаря своим изученіям и наблюденіям.

У нас сильно подбодряли настроеніе сообщенія о «Дружинѣ» в Россіи и о царском обращеніи к нашим соотечественникам. Подробности не были извѣстны, да и вообще серьезно не взвѣшивались русское и международное положеніе. Политическое давленіе со стороны Австріи и усталость от безсильнаго шатанія вдоль вѣнской тюремной рѣшетки усиливали то некритическое руссофильство, которое ожидало спасенія от великой Россіи и убѣждало, что для этого даже не нужно активнаго сопротивленія («Русскіе с нами» и т. д.).

Примѣром того, насколько неясно русская печать писала о славянском вопросѣ, может служить «Русское Слово», доступное нам, благодаря цитатѣ в «Кіевском Чехословакѣ». «Русское Слово» от 20 сентября 1914 г. комментирует обращеніе Николая Николаевича к австрійским славянам слѣдующим образом: «Настает великій момент. Разноплеменные народы Австро-Венгріи призваны к новой жизни. Боснія, Герцеговина, Далмація и Хорватія сольются с Сербіей, Седмиградія (Трансильванія) и южная Буковина с Румыніей, Истрія и южный Тироль с Италіей. Болѣе сложен вопрос о судьбѣ чехов, словенов, венгров и австрійских нѣмцев. Нельзя ничего возразить против нѣмецкой Австріи в ея этнографических границах, но недопустимо, чтобы этот нѣмецкій край был присоединен к Германіи, так как, таким образом, Германія вышла бы из войны болѣе сильной, чѣм до нея. Независимая Австрія должна отдѣлять Германію от Ближняго Востока. На пути к созданію независимаго чешскаго государства лежит вопрос о выходѣ к морю, вопрос, который невозможно разрѣшить в этнографических и національных границах чешской народности. Венгрія получит самостоятельность и роковая ошибка 1849 года будет исправлена. При том, однако, Венгрія должна быть ограничена лишь территоріей с венгерским населеніем».

Мнѣ кажется, что статью русской газеты нѣт надобности об'яснять — она полна неясности и туманности, главным образом, в вопросах о судьбах нашего народа и Австріи, которая должна была отдѣлить Германію от «Ближняго Востока»: пусть только читатель посмотрит на карту, представит себѣ подобную Австрію, и он убѣдится в русских неясностях в польском и чешском вопросах. То же самое можно сказать о словенах и т. д. Болѣе точна лишь сербская и румынская программы.

(Продолженіе слѣдует).

Т. Г. Масарик.

Марія Багратіон.

Редакція «Воли Россіи» обратилась к Анатолю Франсу с просьбой предоставить ей какое либо из своих произведеній. Ниже печатаем авторизованный перевод главы из послѣдней книги Анатоля Франса, „La vie en fleur“.

Я не блистал красотой и плохо танцовал; меня всегда тянуло к разговорам о серьезных вещах, либо о нелѣпых выдумках, и я не был способен к тѣм легким и веселым мыслям, которыя всѣм нравятся. Я всегда впадал в крайности и был либо глупѣе, либо умнѣе других: и то, и другое дѣлало меня одинаково невыносимым. Моя склонность к женщинам была черезчур сильна, чтобы можно было ее проявить, и в то же время она внушала мнѣ робость в обращеніи с ними: всего этого было достаточно, чтобы не пользоваться успѣхом в обществѣ. Я замѣтил, что меня больше не приглашали в нѣкоторые из домов, куда меня ввели знакомые. Однако, в одном мѣстѣ ко мнѣ, как будто, благоволили — в домѣ г-жи Эріо, жены инженера, котораго я должен был сопровождать в одном из его путешествій по Азіи. В ея пышной квартирѣ на Вандомской площади собирались ученые, дѣльцы, художники и различныя дамы, которым драгоцѣнности и величественный кринолин придавали особый блеск.

Думаю, что там бывало очень много евреев, но никто не обращал на это никакого вниманія, до такой степени в то время во Франціи был мало развит антисемитизм. Да что я говорю? Евреи пользовались особенным почетом, ибо, вмѣстѣ с Фулями и Перейрами, они занимали высокія должности в іюльском правительствѣ и в началѣ имперіи.

В этом домѣ бывали иностранцы: турки, австрійцы, нѣмцы, англичане, испанцы, итальянцы, и никто не видѣл в этом ничего дурного. При Наполеонѣ III Париж был всемірной гостинницей. Гостей, являвшихся со всѣх концов земли, окру-

жали радушіем и великолѣпіем. Ничто не возвѣщало тогда той ненависти к инородцам, которая запятнала позднѣе третью Республику, той злобы и подозрѣній — отравленных плодов пораженія — которые через пятьдесят лѣт умножила побѣда и которые теперь уже не исчезнут никогда.

В домѣ госпожи Эріо мнѣ больше всего нравилась сама госпожа Эріо. Она была красива, но без блеска, тонка, изящна; ея рѣчь была жива; она хорошо относилась ко мнѣ.

Однажды вечером, я встрѣтил у нея, среди завсегдатаев ея гостиной, по преимуществу турок, даму, с которой я не был знаком — княжну Марію Багратіон. Госпожа Эріо представила меня ей. Я с трудом разсмотрѣл ее; туман застилал мои глаза; я не мог вымолвить ни слова. Неожиданно почувствовал себя несчастнѣйшим из смертных. Из-за женщины, которая была мнѣ болѣе чужда, чѣм какое либо другое человѣческое существо, я в один миг потерял всѣ способности мыслить и чувствовать, всякую власть над собственными ощущеніями и самим собой. Обычно я быстро схватывал подробности одежды, но тогда я увидал лишь, что на ней было бѣлое платье и жемчужное ожерелье и что руки ея были обнажены: но даже и это различил я не вполнѣ отчетливо. Мягкое сіяніе окутывало ее и скрывало от моих глаз. Мало по малу я разглядѣл, что у нея темно-каштановые волосы, черные с золотом глаза, ровный румянец лица и стройный, округленный стан; она была высока ростом. Я задрожал, услыхав ея голос, странный, немного варварскій и поющій: он ласкал и сладостно мучил меня. Не знаю, сколько времени я оставался безмолвным. Непримѣтно для меня гости наполнили комнату. Подлѣ меня оказался нѣкій господин Мильсан: он мнѣ нравился, и мы с ним были в хороших отношеніях. Я не мог бы вспомнить, о чем мы говорили сперва, и как бесѣда коснулась княгини Багратіон: но весь остальной разговор, наоборот, твердо запечатлѣлся в моей памяти. Узнав, что я никогда ничего о ней не слыхал, он высказал удивленіе. Сам он знал о ней то, что всѣ о ней говорили.

— Это русская княгиня, разошедшаяся с мужем, который вѣчно раз'ѣзжает, — сообщил он мнѣ: Она живет в Парижѣ с матерью, которая нюхает эфир и которой никто никогда не видал. Думают, что онѣ богаты, но сомнѣваются, что онѣ из

рода подлинных Багратіонов. Княгиня занимается скульптурой. Жизнь ея таинственна. Как она вам нравится?

Я не мог ничего отвѣтить, и господин Мильсан продолжал:

— Теперь, раз вы ей представлены, зайдите к ней. Она принимает ежедневно, от пяти часов, в своей мастерской на улицѣ Басс-дю-Рампар. Там можно встрѣтить любопытных людей: Тургенева, господина и госпожу Віардо, піаниста Александра Макса и занимательных женщин.

Я твердо рѣшил, что не пойду туда; я даже дал себѣ в этом клятву. Но я прекрасно знал, что пойду, и улица Басс-дю-Рампар уже сдѣлалась той цѣлью, к которой я стремился.

Когда княгиня окончила свой чай, я приблизился к ней. Я все видѣл ее точно в ореолѣ и, однако, всѣ ея очертанія отличались той четкостью, которая составляла ея характерную особенность. Ея движенія были свободны, широки и болѣе ритмичны, болѣе музыкальны, чѣм у других женщин. Меня поразила, даже наполнила каким то страхом печать равнодушія на ея прекрасном лицѣ, непроницаемом, точно гробница. Я думаю, что если бы мнѣ пришлось опредѣлить тогда чувство, которое я испытывал к этой женщинѣ, я сказал бы: ненависть, но ненависть обезоруженная, спокойная и прекрасная, подобно своему предмету.

Она рано ушла. Послѣ ея ухода я почувствовал, точно я вовсе не разставался с нею и точно отнынѣ, гдѣ бы она не находилась, она всегда будет со мной.

И, дѣйствительно, теперь я видѣл ее гораздо яснѣе, чѣм во время ея пребыванія в гостиной. Передо мной снова вставали ея маленькій лоб, почти по прямой линіи соединяющійся с носом; зрачки глаз, гдѣ золото плавало в черном небѣ; гордыя, точно крылья, ноздри, полураскрытыя губы, сближающія свои красныя дуги для прекраснѣйшаго, единственнаго поцѣлуя; крѣпкая, бѣлая шея, высокія перси на широкой груди. Да, я ненавидѣл ее за то, что сама того не зная, она взяла мою жизнь и ничего не дала взамѣн кромѣ призрака: ибо я ни на один миг не заблуждался, будто я мог бы стать чѣм нибудь для нея. В то время женщины возбуждали во мнѣ чув-

ство робости, от котораго я долго не мог отдѣлаться. Но перед ней я ощущал не робость, но испуг, ужас, священный трепет.

Когда я прощался, госпожа Эріо сказала с неудовольствіем:

— До свиданья сударь. И в другой раз приходите ко мнѣ с бо́лѣе веселым лицом.

Тогда я понял, что мое страданіе было сильнѣе, чѣм я предполагал, что я его обнаруживал и явно носил на себѣ печать собственнаго безумія. Я был подавлен. Это угнетенное состояніе духа усилилось, когда я почувствовал отвращеніе, войдя в мою комнату, которая не была роскошна, но которую я любил. Все, что не была *она*, казалось мнѣ гнусным и ненавистным, и я не знал, куда помѣстить призрак, который я принес с собой.

На слѣдующее утро я снова встрѣтился с ним, с этим призраком.

Я отправился в Національную библіотеку за необходимыми мнѣ книгами. Я должен был написать замѣтку о Паоло Учелло. Я не был в силах размышлять, разум не повиновался мнѣ, но я довольно прилично справился с работой. Тогда я понял, что для умственнаго труда, если имѣешь природныя склонности, достаточно механическаго напряженія и что в большинствѣ случаев лишь низкая лѣнь заставляет ожидать вдохновенія.

Это было шестого мая; я назначил на четырнадцатое мое посѣщеніе мастерской в улицѣ Басс-дю-Рампар. В ожиданіи его моя одержимость дѣлалась с каждым днем болѣе спокойной и пріятной. Я чувствовал, что совершаю ошибку, желая вновь увидѣть ту, кто́ оставил мнѣ свою тѣнь: но я не измѣнил своего рѣшенія. Четырнадцатаго мая я одѣлся с особенной тщательностью и выбрал самый свѣжій галстук. У меня было двѣ булавки: одна — в видѣ полуразвернувшагося цвѣтка из эмали между двух золотых листьев; другая была сдѣлана из серебряной медали Александра с головою Юпитера-Амона. Я предпочел медаль, как произведеніе болѣе высокаго искусства. Вспоминая, до чего я был неловок и молчалив в тот день, когда меня представили княгинѣ Багратіон, я думал, что она не захочет принять меня. Но что мнѣ было до этого! Мнѣ нечего было опасаться, ибо не на что было и надѣяться.

Дом был невысокій; узкая лѣстница, через три этажа, вела в мастерскую. Я вошел. Она приняла меня так, словно давным давно была со мной знакома и, не выпуская рѣзца, извинилась, что протягивает руку, покрытую глиной. На ней была сѣрая блуза, падавшая прямыми складками. Эта блуза была удивительным и цѣнным открытіем в тѣ времена, когда женщины не одѣвались в соотвѣтствіи с линіями тѣла и нагромождали на себя цѣлыя сооруженія портних. Сейчас трудно себѣ представить очарованіе, которое придавала такой женщинѣ, как Марія Багратіон, эта грубая одежда, уносившая ее вдаль от свѣтской пошлости в блаженную обитель нимф и богинь. Кожа ея не казалась болѣе позлащенной, как я видѣл в первый раз, сіяніем ламп и свѣчей; но с потолка мастерской лился ровный свѣт на лоб и нос, составлявшіе почти непрерывную линію, и лицо ея пріобрѣтало божественную чистоту.

Она заканчивала бюст господина Віардо. Он был стар и дремал, позируя. Отходя от бюста, чтобы лучше взглянуть на него, и снова приближаясь к нему для работы, она дѣлала маленькіе шаги, обнаруживавшіе ея легкую близорукость. В ея скульптурѣ я почувствовал силу и нѣкоторую рѣзкость. Мастерская была полна слѣпков и старинных икон; повсюду были небрежно разбросаны персидскія ткани. Господин Віардо, котораго я встрѣчал уже не в первый раз, не был наединѣ с нею. На диванах, утопая в грудѣ подушек, сидѣло трое мужчин, один молодой, двое старых. Я не знал их имен, ибо хозяйка никого не представила. Они курили папиросы и почти совсѣм не разговаривали.

Минут через двадцать послѣ моего прихода Марія Багратіон обратилась к высокому молодому блондину.

— Кирилл, сказала она, сыграйте что-нибудь.

Он сѣл за рояль и начал играть с изумительным искусством. Мнѣ стало стыдно: я не знал, что он играет. Я прочитал на нотах: Шопен, скерцо. Я наблюдал за движеніями этой женщины: то была для меня лучшая музыка в мірѣ.

Господин Віардо, перестав позировать, нѣсколько оживился и постепенно вышел из своего дремотнаго состоянія, в то время, как Марія Багратіон покрывала бюст мокрой тряпкой. Большой знаток искусства, он выпустил нѣсколько цѣнных книг об испанской живописи. Это был превосходный человѣк.

Он добродушно поздравил меня с тѣм, что я принимаю участіе в большом трудѣ о художниках. Муж самой совершенной пѣвицы своего времени, он выразил Кириллу Балашову свое восхищеніе по поводу его одухотворенной и страстной игры. От него я и услыхал имя молодого музыканта. Я находился в совершенно новом мірѣ, и ничего не знал о нем.

Я удалился, не обмѣнявшись и двумя словами с Маріей Багратіон.

Я не знал ея и, быть может, и не стремился узнать. Болѣе мудрый, чѣм это может показаться читателям этой исторіи и чѣм это казалось мнѣ самому, я проник в тайну Эроса, я понял, что истинная любовь свободна от всякаго расположенія, уваженія, дружбы, что она живет желаніями и питается ложью. Дѣйствительно любят лишь то, чего не знают. Каким путем дошел я до этой недостижимой истины? Я обладал всѣм тѣм, чего можно достичь в любви: призраком. Я гулял с моим призраком в лѣсах Медона и Сен-Клу. И я был счастлив.

Я отправился с визитом к госпожѣ Эріо. Она приняла меня почти так же ласково, как и всегда, но не сказала ни слова о княгинѣ Багратіон. Господин Мильсан, котораго я встрѣтил у нея, воспользовался удобной минутой, когда на нас не обращали вниманія, и спросил, бываю ли я в мастерской в улицѣ Басс-дю-Рампар. Я отвѣтил, что бываю, но рѣдко.

— Она не умѣет принимать, — промолвил он: она — дикарка . . .

Мои посѣщенія улицы Басс-дю-Рампар слѣдовали одно за другим, безо всяких измѣненій. Мнѣ всегда казалось, что, переступая через порог мастерской, я переношусь на другую планету.

Однажды я застал Марію Багратіон одну. Она стояла перед постаментом и пальцем моделировала маленькую статую нагой женщины. Я вздумал заговорить об ея искусствѣ и, стремясь избѣжать обычных похвал, указал на присущую ей рѣзкую выразительность, не обычную для женщин. Она не казалась недовольной тѣм, что я сказал, но разговора не поддерживала. Я пытался оживить его разсужденіями о греческом искусствѣ, которым я безмѣрно восхищался. Она не послѣдовала за мной в столь отдаленныя области, и наша бесѣда окончательно за-

мерла. Я умолк, предоставив ей спокойную работать. Послѣ двадцатиминутнаго молчанія она указала мнѣ на книжку без переплета, брошенную на диван, и попросила прочесть отмѣченный отрывок. То был том очень простого изданія Платона во французском переводѣ какого нибудь профессора. Книга была заложена на слѣдующем мѣстѣ «Пира», который я прочел вслух:

«Хотя в мірѣ и было свершено множество прекрасных дѣяній, лишь немногія из них спасли из преисподней тѣх, кто спустился в нее: но дѣянія Альцеста показались столь прекрасными людям и богам, что послѣдніе, восхищенные его храбростью, вернули ему жизнь. Итак, благородная и безкорыстная любовь вызывает уваженіе даже самих богов!

Не так поступили они с Орфеем, сыном Эагра. Они изгнали его из преисподней, не подарив ему того, о чем он просил. Вмѣсто того, чтобы вернуть ему жену, за которой он пришел, они показали ему лишь тѣнь ея, ибо ему, музыканту, не хватало храбрости. Он не пытался подражать Альцесту и не умер за то, что любил. Он умудрился сойти в Аид живым. И разгнѣванные боги наказали его за трусость — и он погиб от руки женщины».

Она слушала чтеніе с тѣм безстрастіем, которое отличало ее во всем. Но на послѣдней фразѣ она прервала меня и замѣтила.

— Платон, значит, понимал, что женщины храбрѣе мужчин. Но тогда отчего же в «Пирѣ» он строит свою теорію любви на противоположной идеѣ?

Она заставила меня продолжать чтеніе. Через четверть часа пришла русская дама, по имени, как я скоро узнал, Наталія Шерер. Онѣ поцѣловались и вели себя по дружески. Натальѣ было, вѣроятно, лѣт тридцать пять: это была великолѣпно сложенная крупная женщина; в ея курносом лицѣ с выдающимися скулами было нѣчто от дерзкой красоты фавна.

В теченіе шести мѣсяцев я посѣщал дом Маріи Багратіон, не сдѣлавшись ни на шаг ближе к той, у кого я бывал, не провыкнув даже к ея красотѣ, блеск которой ослѣплял меня. Но эта женщина, столь чуждая, когда я был подлѣ нея, становилась мнѣ близкой, едва я покидал ее. Когда мнѣ удавалось

вырваться, чтобы побродить в лѣсах вокруг Версаля, я уводил ее с собой. Я могу это сказать, потому что это правда. И сплетенные один с другим, мы слѣдовали по завѣтным тропинкам, опьяненные от радости и муки.

Однажды утром я прочитал в газетѣ: «Княгиня Марія Багратіон скончалась вчера в полночь, в своем домѣ, улица Басс-дю-Рампар».

Больше ничего в газетѣ не было. Я слишком мало знал умершую, чтобы оплакивать ее, но я был совершенно раздавлен. Это было крушеніе, земля разверзлась, поглотив мое сокровище, разрушив то, что представляло для меня красоту міра.

Я побѣжал к господину Віардо. Я встрѣтил его вмѣстѣ с Кириллом Балашовым, піанистом.

— Эта смерть? воскликнул я.

Кирилл повторил, словно эхо:

— Эта смерть!

— Марія Багратіон покончила с собой самоубійством, — сказал Віардо, — и способом, не вполнѣ обычным для женщины. Ее нашли утром, в постели, в бѣлом платьѣ, с жемчужным ожерельем на шеѣ, с пулей в правом вискѣ и револьвером в рукѣ.

Я спросил, извѣстны ли причины самоубійства.

— Ея мать — безумная, отвѣтил Віардо, ея отец, генерал Багратіон, тоже покончил с собой. Конечно есть какая нибудь причина. Но мнѣ она неизвѣстна.

Кирилл долго тряс своими длинными руками. Потом он сказал:

— Молва приписывала ей множество разнообразных романов. Однако, странное дѣло: всѣ, кто как и я, часто бывали у нея, не знали ни одного ея возлюбленнаго. Но это ничего не значит. Пойдем, простимся с ней.

Мастерская скульпторши была превращена в часовню. Она покоилась на возвышеніи; маленькое круглое пятнышко было замѣтно на вискѣ. Дрожащее пламя свѣчей оживляло ея лицо. Только трагическая блѣдность говорила о смерти. Черты ея лица попрежнему были полны того безстрастія, которое она неизмѣнно выказывала при жизни, считая, быть может,

по примѣру древних, что выраженіе — врагъ красоты. Ее одѣли в открытое бѣлое платье. Мать, худая, с всклокоченными волосами, сидѣла подле нея, бросая взгляды вѣдьмы. Друзья приходили маленькими кучками и медленно удалялись.

Перевод М. Слонима.

Анатоль Франс.

Космос.*)

1.

Созвѣздьми мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись,
Отразилось
Обратной тѣнью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза,
И брызнул свѣт.
Два огненных луча,
Скрестясь в водѣ,
Сложились в гексограмму,
Нѣмотные раздвинулись уста,
И поднялось из нѣдр молчанья
Слово;
И сонмы духов вспыхнули окрест
От перваго вселенскаго дыханья.
Десница подняла материки,
А лѣвая распредѣлила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил — растенья,
От крови — камень,
И двойники —
Небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподній лик.
И нижній оборотень стал Адамом.
Адам был міром,
Мір же был Адам.
Он мыслил небом,
Думал облаками,
Он глиной плотствовал,
Растеньем рос,
Камнями костенѣл,
Звѣрѣл страстями,
Он видѣл Солнцем,
Грезил сны Луной,

*) Печатается с разрѣшенія из-ва «Звѣзды».

Гудѣл планетами,
Дышал вѣтрами,
И было все —
— Вверху, как и внизу —
Исполнено высоких соотвѣтствій.

2.

Внѣвременье распалось в дождь вѣков,
И просочились тысячи столѣтій.
Мір конусообразною горой
Покоился на лонѣ Океана.
С высоких башен,
Сложенных людьми,
Из жирной глины тучных межерѣчій,
Себя забывшій Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвѣздій.

Кишѣло небо звѣздными звѣрьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодіака.
Хрустальные вращались небеса
И напрягались бронзовыя дуги
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленныя сферы.
И семь планет свой суточный пробѣл
Алмазными орбитами свершали.

А в дельтах рѣк — халдейскій звѣздочет
И пастухи Иранских плоскогорій,
Прислушиваясь к музыкѣ міров.
К гудѣнью сфер
И к тонким звѣздным звонам,
По вѣщим сочетаніям свѣтил
Опредѣляли судьбы царств и міра.
Все в преходящем было только знак
Извѣчных тайн,
Начертанных на небѣ.

3.

Потом замкнулись прорѣзи небес,
Мір стал ареной, залитою солнцем,
Палестрою для Олимпійских игр
Под куполом из чернаго эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фонѣ винно-пурпурнаго моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя мѣдью мускулов, атлеты
Крылатым взмахом умащенных тѣл
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф
И звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вѣчность перспектив:
Все было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть
И чувствовал об'ем,
Мял глину перст
И разум мѣрил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощеный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звѣриной пестротѣ,
Линялый мрамор липких алтарей
И ржа, и бронза золоченных кровель,
Чернь, киноварь, и сепія, и жолчь —
Цвѣта земли — понятны были глазу,
Ослѣпшему к небесной синевѣ,
Забывшему алфавиты созвѣздій.

Когда ж душа гимнастов и борцов
В мір довременной ночи отзывалась
И погружалась в изступленный сон,
Сплетенье рук
И напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Пиндаровых строф.

Мір отвѣчал размѣрам человѣка,
И человѣк был мѣрой всѣх вещей.

4.

Сгустилась ночь.
Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина.
В разрывѣ облаков
Был видѣн холм

И три креста —
Голгофа,
Послѣдняя надежда бытія.

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звѣзд
И Первосилы,
И все включал пресвѣтлый Эмпирей.
Из под Голгофы
Внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью,
А центром Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человѣк.
По ступеням имперій и соборов
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья іерархій.
И громоздились Библіи камней,
Отображенья десяти столѣтій:
Циклоны вѣры,
Шквалы ересей,
Смерчи народов —
Гунны и монголы.
Набаты.
И интердикты.
И костры.
Сто сорок пап
И шестьдесят династій,
Сто императоров,
Семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных окопниц,
На золотой геральдикѣ щитов —
Труба Суда
И черный луч Голгофы.
В пространствѣ и во времени земля
Была сосредоточіем вселенной:
Вселенскій дух был распят на крестѣ
Исхлестанной и из'язвленной плоти.

5.

Был литургійно строен и прекрасен
Средневѣковый мір.

Но Галилей
Сорвал его,
Зажал в кулак
И землю
Взвил кубарем
По вихревой петлѣ
Вокруг безмѣрно выросшаго солнца.

Мір распахнулся в центильоны раз.
Соотношенія дико измѣнились.
Разверзлись бездны звѣздных Галактей —
И только Богу не хватило мѣста.
Пытливый дух апостола Ѳомы,
Воскресшему сказавшій:
«Не повѣрю,
Покамѣст пальцы в раны не вложу» —
Разворотил тысячелѣтья вѣры.

Он очевидность вывѣрил числом.
Он цвѣт и звук
Провѣрил осязаньем,
Он взвѣсил свѣт,
Измѣрил бѣг луча,
Он перенес всѣ догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.

Матерія явилась безконечной,
Единосущной в разных естествах;
Стал Промысел
Всемірным тяготѣньем,
Стал вѣчен атом,
Вездѣсущ — Эфир:
Всепроницаемый,
Всетвердый,
Скользкій —
«Его ж никто не видѣл и нигдѣ».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мір был тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол, —
Механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По правилам закона сохраненья
Матеріи и Силы.

Человѣк.
Голодный далью чисел и пространства

ГОО. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

Был пьян безвѣрьем —
Злѣйшею из вѣр.
А вкруг него металось и кишѣло
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб
Сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности Матерій,
Он мыслил
Вселѣнную,
Как черный негатив:
Небытіе, лоснящееся свѣтом,
И сущности, окутанныя тьмой.
Таким бы точно осознала мір
Сама себя постигшая машина.

6.

Но неуемный разум разложил
И этот мір,
Построенный на ощупь
Вникающим и мѣрящим перстом.

Все относительно:
И бред и знанье.
Срок жизни истин:
Двадцать — тридцать лѣт —
Предѣльный возраст.
Мы ищем лишь удобства вычисленій
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости,
Ни смысла тяготѣнья,
Ни масс планет,
Ни формы их орбит;
На вызвѣздившем небѣ мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нѣт вещества —
Есть круговерти силы;
Нѣт твердости —
Есть натяженье струй;
Нѣт атома —
Есть поле напряженья;
Рихрь малых «не» вокруг большого «Да».
Нѣт плотности,
Нѣт вѣса,

Нѣт размѣра —
Есть функціи различных скоростей.
Все существует разницей давленій,
Температур,
Потенціалов,
Масс;
Струи времен текут неравномѣрно;
Пространство — лишь многообразье форм

Есть не одна,
А много математик;
Свѣт, электричество и теплота —
Лишь формы разложенья и распада,
А человѣк —
Могильный паразит, —
Бактерія всемірнаго гніенья.

Вселенная — не стройный организм,
А водопад сгорающих міров,
Гдѣ солнечная заверть только случай
Посереди необратимых струй.
Безсмертья нѣт.
Матерія конечна.
Число міров исчерпано давно.
Всѣ тридцать пять мильонов солнц
Возникли
В единый миг
И сгинут всѣ зараз.

Все бытіе случайно и мгновенно.
Явленья жизни — бѣглый эпизод
Между двумя безмѣрностями смерти.
Сознанье — вспышка молній в ночи,
Черта аэролита в атмосферѣ,
Пролет сквозь пламя вздутаго костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снѣжную метель.

7.

Как глаз на расползающійся мір
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей,
Облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, —

Так разум среди хаоса явленій
Распредѣляет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства:
И укрѣпляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоній,
Не высшій в них отображаем мір,
А только грани нашего незнанья.
Системы міра —
Слѣпки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотраженій
Двух противопоставленных глубин.
Нѣт выхода из лабиринта знанья.
И человѣк не станет никогда
Иным, чѣм то, во что он страстно вѣрит.

Так будь же сам вселенной и творцом!
Сознай себя божественным и вѣчным
И плавь міры по планам душ и вѣр.
Будь дерзким зодчим Вавилонских Башен,
Ты, — заклинатель Сфинксов и Химер!

12. VI. 1923. Коктебель.

Максимиліан Волошин.

Новыя рукописи Л. Н. Толстого.

Архив Д. П. Маковицкаго.

Как-то странно, находясь в маленьком чешском городкѣ, видѣть перед собою на письменном столѣ бумаги, исписанныя знакомым — острым и продолговатым, неразборчивым почерком Льва Николаевича. Это — архив друга и врача великаго писателя д-ра Душана Петровича Маковицкаго, словака родом, скончавшагося в 1921 г. на своей родинѣ.

По желанію родных и близких д-ра Маковицкаго, принадлежащее ему собраніе рукописей Л. Н. Толстого поступает в Пражскій Національный Музей, гдѣ предполагается устроить особый «уголок Толстого». Архив Маковицкаго, по своему значенію, займет в этом уголкѣ центральное мѣсто. Но, кромѣ того, там сосредоточены будут: коллекція портретов Толстого, толстовская литература на разных языках и пр. Русским изслѣдователям Толстого придется имѣть в виду пражскій «уголок» и особенно поступающія в него теперь оригинальныя рукописи Льва Николаевича.

Собраніе подлинных рукописей Толстого, разумѣется, должно быть тщательно описано, в соотвѣтствіи с принятым в наукѣ методом, но, пока это не сдѣлано, я позволю себѣ здѣсь дать краткія свѣдѣнія об этом собраніи, небезинтересныя и для широкой массы читателей.

Д. П. Маковицкій извѣстен своей исключительной любовью к Толстому и преданностью ему. На так называемом «процессѣ толстовцев» в Москвѣ в 1916 г. *), старшій сын Л. Н. Толстого Сергѣй Львович, выступавшій свидѣтелем, говорил

*) 25 единомышленников Толстого, в том числе и Д. И. Маковицкій, обвинялись в составленіи воззванія против міровой войны.

о Душанѣ Петровичѣ, что он был для его отца врачем, секретарем, сидѣлкой, нянькой и иногда сопровождал его в верховых прогулках. И собраніе рукописей Толстого, принадлежавшее д-ру Маковицкому, носит всѣ слѣды этой исключительной привязанности его к великому писателю и человѣку. Помимо писем к самому Маковицкому и, вообще, рукописей, имѣющих болѣе или менѣе цѣльный характер, мы находим в его коллекціи обрывки бумаги с почерком Л. Н-ча, буквально вынутые из сорной карзины. При сортировкѣ рукописей, пришлось отдѣлить в особую папку массу обрѣзков бумаги со слѣдами почерка Л. Н-ча иногда не болѣе, чѣм с палец шириною. Маковицкій сохранил даже нѣсколько кусков пропускной бумаги, использованных Толстым и сорванных им с своего пресс-папье: таков был піэтет его перед Толстым!

И нам, во всяком случаѣ, не приходится жаловаться на такую скрупулезность. Среди того, что можно счесть за хлам, мы зачастую встрѣчаем вещи, чрезвычайно характерныя для Толстого и для способов его обыденной писательской работы. Я насчитал, напримѣр, до 60 пустых конвертов от писем на имя самого Л. Н-ча, при чем на большинствѣ этих конвертов значатся собственныя отмѣтки великаго писателя, опредѣляющія направленіе, которое надлежит дать письму: «Б. О.» («без отвѣта»), «выслать книг», «послать в редакцію Ясной Поляны», «написать, что я не имѣю времени читать» (очевидно, присланную рукопись), «не понимаю» (какая-нибудь доморощенная философія), «Гусев отвѣтит: люби Бога и ближняго», «писать губернатору Саратовскому» (очевидно, ходатайство), «написать Горбунову» (очевидно, пріисканіе для кого-нибудь мѣста в «Посредникѣ»), «слабо» (опять чья-нибудь рукопись), «кажется, глупое», «не дурно, благодарить» и т. д., и т. д. Один конверт надорван посединѣ, и на нем надпись: «отослать назад письмо». Кому-то удалось разсердить Толстого!

Среди часто безформенных клочков бумаги мы находим: обрывки черновых «Хаджи-Мурата» (правда, всего два клочка), статьи «О присоединеніи Босніи и Герцеговины» (статья эта особенно интересовала Д. П. Маковицкаго, как завзятаго славянофила), статьи «Об арестѣ Гусева», черновые писем Л. Н-ча (напр., двух не оконченных писем к А. Ф. Кони), отдѣльные афоризмы и т. д.

Из афоризмов Толстого.

«Самоотрѣченіе — это отрицаніе эгоизма своего тѣлеснаго и утвержденіе эгоизма своего духовнаго я».

На сложенном вдвое тонком, измятом и пожелтѣвшем листкѣ «ремингтонной» бумаги дешеваго сорта находим слѣдующую, — может быть, глубоко интимную, — запись молитвы Толстого:

«Я составил для себя, кромѣ подробной молитвы, которую говорю по утрам, еще краткую молитву, которую стараюсь повторять в трудныя минуты и вообще как можно чаще среди суеты жизни.

Хочу жить для тебя, в тебѣ, тобою; хочу, чтобы совершалась не моя воля, а твоя; не то, чего я хочу, а чего ты хочешь, и не так, как я хочу, а так, как ты хочешь».

Вот — характерные, с пробитыми круглыми отверстіями, узкіе вкладные листочки англійской записной книжки, такой, какія всегда употреблял Лев Николаевич. Он не разставался с записной книжкой и заносил в нее мысли, приходившія ему в голову на прогулкѣ или ночью в постели (пока онѣ были «в зенитѣ»). На одном из листочков почерк — чрезвычайно ломаный и неровный, — видимо, Л. Н. писал во время болѣзни. (— «Я не могу не думать», — говаривал больной Толстой, когда его старались оградить от всякой работы и от всякаго умственнаго напряженія). На листочкѣ этом читаем:

«Живо почувствовал грѣх и соблазн писательства, — почувствовал его на других и перенес основательно на себя. —

— Нужно два: любовь и правда. Первое я знал. Надо работать над вторым.

Нѣт — три: воздержаніе, правда и любовь. -

— На днѣ (?) сознательнаго добра — соединеніе с Богом».

Насколько важны в историко-литературном отношеніи нѣкоторыя из сохраненных Д. П. Маковицким и на первый взгляд совсѣм не нужных бумаг, показывает такой примѣр. Душан Петрович гдѣ-то подобрал (навѣрное, в сорной корзинѣ) и сохранил нѣсколько *обложек* от черновых рукописей разных статей Толстого. И мы видим, что по этим обложкам, по исправленіям, сдѣланным в заглавіях самим Толстым, можно прослѣдить, как иногда мѣнялось названіе той или иной статьи.

Только по данным архива Д. П. Маковицкаго, мы узнаем, напримѣр, что извѣстная статья Толстого «Неизбѣжный переворот» прошла слѣдующія стадіи названій: 1) «Старое и новое», 2) «Неизбѣжная революція сознанія и новая жизнь», 3) «Человѣчество выростает из пеленок», 4) «Революція неизбѣжная, непобѣдимая и всеобщая», 5) «Неизбѣжный шаг» и, наконец, 6) «Неизбѣжный переворот».

Собственноручныя письма Л. Н. Толстого к Д. П. Маковицкому (числом 10) написаны в період от 5 октября 1894 г. по 11 іюля 1900 г., из Ясной Поляны и из Москвы в Словакію (тогдашнюю Венгрію), на родину Маковицкаго, тогда еще не жившаго у Толстых.

Содержаніе их составляют мысли Толстого по поводу отказа от военной службы по религіозным убѣжденіям земляка Маковицкаго д-ра Альберта Шкарвана, справки о заграничных единомышленниках, о судьбѣ секты Назарен (близкой Толстому по духу) и т. д.

Вот — нѣсколько наиболѣе интересных отрывков из этих писем.

Отрывки из писем Толстого.

10 февраля (ст. ст.) 1895 г. Толстой пишет:

«Очень был тронут и поражен сообщаемым вами извѣстіем о поступкѣ нашего общаго друга Шкарвана. Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смѣшанное чувство страха, торжества, состраданія и радости. Во всѣх такого рода дѣлах непремѣнно — одно из двух: или это есть проявленіе всемогущаго Бога в человѣкѣ, и тогда это — торжество и радость и несомнѣнная побѣда, хотя бы и сгорѣл тот человѣк, в котором проявился Бог, или дѣло человѣческаго личнаго побужденія — славолюбія, раздраженія, страсти, и тогда это проявленіе только служит источником страданія для того, кто проявляет его, и не только не служит, но только вредит дѣлу Божьему. Признак же того, что это — дѣло Божье, а не человѣческое, есть то, что, совершая его, человѣк дѣлает не то, что ему хочется, а то, чего он *не может не дѣлать*. Надѣюсь и вѣрю, что наш дорогой Шкарван поступил так, как он поступил, потому, что не мог поступить

иначе, и тогда это дѣло Божье творится через него, и что бы с ним ни дѣлали, он не будет страдать, а будет радоваться вмѣстѣ с нами».

В том же письмѣ Толстой говорит об отношеніи церкви к сектантству:

«Поразила меня брошюра о Назаренах. Видно, среди вашего духовенства тоже ужасная недобросовѣстность и выставленіе человѣческих, государственных интересов впереди Божеских. Поразителен страх духовенства перед истиной, часть которой проявилась в ученіи Назаренов, и сознаніе своего безсилія. Гнать нельзя — совѣстно, надо быть либеральным, а толкованіе ученія только обличает правду Назаренов и ложь церквей. Что же дѣлать? Надо вилять. Они это и дѣлают, стараясь хоть на время, на свою жизнь, отстоять свое положеніе».

11 сентября 1895 г. Толстой пишет:

«Не унывайте о том, что жизнь ваша не такая, какою бы вы желали ее видѣть. Это — участь всѣх тѣх, кто стремится к христіанскому совершенству. Страшно не то, чтобы не достигнуть того, чего для себя, для своей души хочешь, а страшно то, чтобы, не достигнув этого, перестать хотѣть этого.

Что дорогой Шкарван?.. Страшно трудно ему, если не вполнѣ отдался жизни духа. Трудно ему и потому, что он молод и силен, и потому, что он врач, всю свою молодость обращавшій вниманіе свое на тѣло. Пожалуйста, извѣстите меня о нем — все, что знаете. То, что газеты писали о нем, мнѣ извѣстно. Сначала больно бывает, когда слышишь клевету на лучших людей, — думаешь, что клевета помѣшает успѣху дѣла Божія, что люди скорѣе бы почувствовали свои заблужденія, если бы они вѣрили в чистоту и безупречность тех людей, которые, как Шкарван, указывают им путь, но, подумавши, утѣшаешься тѣм, что это — мое мнѣніе, что для дѣла Божія нужна добрая слава Его служителей. Может быть, нужна не добрая, а дурная слава. Христос умер оклеветанным и неизвѣстным. Я бы желал сказать это Шкарвану: желал бы, чтобы в перенесеніи страданій его не поддерживала слава людская, чтобы он подломил эти искусственные подмостки, с тѣм, чтобы опереться на незыблемую основу сознанія жизни в духѣ, в Богѣ».

28 октября того же года Толстой снова пишет о Шкарванѣ:

«Очень был рад доброй вѣсти о Шкарванѣ. Я получил от него письмо, которое доставило мнѣ одну из лучших радостей жизни. Ничто так очевидно и несомнѣнно не убѣждает в том, что есть Бог и что дух, живущій во мнѣ, есть частица Его, что я есмь сын Божій, по выраженію Христа, как то, что этот дух, точно такой же во всѣх своих свойствах и стремленіях, проявляется в другом человѣкѣ, по матеріальным условіям совершенно чуждом мнѣ. Письмо Шкарвана произвело на меня это впечатлѣніе. Я хочу нынче же написать ему. Если же не успѣю, то передайте ему мою любовь».

В письмѣ от 22 февраля 1896 г. Толстой сравнивает движеніе Назарен (в Сербіи и в Венгріи) с русским сектантским движеніем:

«Между Назаренами должно происходить то же, что происходит среди наших молокан, духоборов и др., а именно то, что старые люди, дошедшіе с большим трудом до своих убѣжденій, хотят отстаивать их во всей цѣлости и не хотят двинуться с них ни вперед, ни назад, но молодыя поколѣнія, выросшія в этих убѣжденіях, хотят движенія, потому что только в движеніи, все в большем и большем приближеніи к истинѣ и все большем и большем исполненіи ея — жизнь. И потому молодым поколѣніям надо помогать, указывая им путь вперед. Если же не показать им этого пути или если не найдут его, то они обыкновенно идут назад, т. е. присоединяются к существующей признанной, т. е., собственно, отрекаются от всякой вѣры, только для того, чтобы имѣть спокойствіе».

Любопытное упоминаніе о нынѣшнем президентѣ Чехо-Словацкой республики проф. Масарикѣ — как извѣстно, нѣсколько раз посѣтившем Толстого в Ясной Полянѣ. — находим в письмѣ от 1 октября 1895 г.:

«Масарику, если увидите, скажите ему, что я его очень помню и люблю и что Ruskin a Un Tu The bast и мн. др. вещи я знаю уже 10 лѣт и перевел по-русски и Ridol'a social Evolution читал нынче лѣтом с интересом».

Очевидно, проф. Масарик рекомендовал упомянутых авторов вниманію Л. Н-ча через посредство Д. П. Маковицкаго.

Наконец, в письмѣ от 17 декабря 1897 г. находим трогательное обращеніе Л. Н-ча к самому Д. П. Маковицкому (ци-

тировавшееся защитниками Маковицкаго на «процессѣ толстовцев» в 1916 г.):

«Дорогой друг Душан, благодарю вас за вашу присылку и письмо и, главное, благодарю вас за вас, за то, что вы такой, какой вы есть, во всѣх людях вызывающій уваженіе и любовь».

Письмо к А. А. Столыпину.

Из других писем Толстого, адресованных к разным лицам, особо надлежит отмѣтить собственноручное (может быть, не посланное по назначенію?) письмо к А. А. Столыпину, брату премьер-министра.

Письмо это написано 20 декабря 1908 г. и вызвано появленіем в № газеты «Новое Время» от 18 декабря того же года статьи Столыпина, в которой он софистически доказывал, что смертная казнь не противорѣчит христіанству. Толстой был глубоко возмущен статьей Столыпина. Она вызвала даже его самого на написаніе новой статьи «Христіанство и смертная казнь». И вот, в началѣ этой-то статьи Толстой упоминает, что автору статьи в «Новом Времени» Столыпину он написал письмо, в котором было только одно слово: «Стыдно». Подлинный текст письма Толстого к Столыпину до сих пор нигдѣ не был опубликован.

Имѣя доступ к архивам рукописей Толстого, я и там никогда не встрѣчал черновой или копіи этого письма. Между тѣм, в архивѣ Д. П. Маковицкаго мы находим *оригинал* письма к Столыпину, чисто и нарочито разборчиво написанный на большом листѣ почтовой бумаги, с обращеніем и с обозначеніем даты.

Каким же путем могло попасть письмо в архив Маковицкаго? Может быть, это — только варіант? На этот вопрос, скорѣе, слѣдует отвѣтить отрицательно. Возможно, что письмо *не было послано* по назначенію. Дѣло в том, что Толстой, когда ему приходилось иной раз, под вліяніем внезапно вспыхнувшаго в нем сильнаго чувства возмущенія, негодованія, написать кому-нибудь слишком рѣзко, слишком прямолинейно, — потом, когда первое чувство остывало, очень часто задерживал и не посылал свое письмо. Он боялся огорчить, оскорбить другого человѣка. Я помню, как однажды, при мнѣ, он написал

и потом не велѣл посылать письмо одной гимназисткѣ, в котором он бранил ее за увлечение декадентской литературой.

И я легко допускаю, что, написавши свое, — хотя и краткое, но достаточно выразительное, — письмо А. Столыпину, он потом раздумал, задержал, не послал его, а оригинал, возможно, что подарил Д. П. Маковицкому, который мог его об этом попросить.

Вот точный текст этого историческаго письма:

«Александр Аркадьевич.

Прочел то, что вы написали 18 декабря. Одно должен сказать вам, сыну своего отца: Стыдно, гадко.

Пожалѣйте свою душу.

Лев Толстой.

20 дек. 1908».

Как бы нарочно, в доказательство моей догадки о судьбѣ письма к Столыпину, нахожу среди бумаг Толстого, принадлежавших Маковицкому, другое, подлинное и тоже «непріятное» письмо Толстого к нѣкоему г. Ив. Грушевскому, сильно надорванное посерединѣ. Вопрос идет о правѣ собственности на сочиненія Толстого. Г. Грушевскій, конечно, был один из тѣх безчисленных менторов Толстого, которые, среди различных упреков, дѣлали автору «Войны и Мира» упрек, между прочим, и в том, почему он не отказывается (якобы) от права собственности на свои сочиненія.

Вот — это, — поистинѣ *в мѣру* «непріятное» (и, конечно, нигдѣ не опубликовывавшееся) письмо Толстого:

«Г-н Ив. Грушевскій.

Получил ваше нехорошее письмо и очень удивляюсь, что могло побудить вас оскорблять стараго человѣка, не сдѣлавшего вам ничего дурного, упрекая его за то, чего он никогда не дѣлал. Всѣ мои сочиненія, в том числѣ и «Воскресеніе», написанныя с 1890 года, предоставлены безплатно в пользованіе всѣх, тѣх, кто хочет печатать их. Только сочиненія, писанныя до этого времени и не заключающія, по моему мнѣнію, ничего полезнаго, остались в собственности моих наслѣдников.

— Очень сожалѣю о том, что вы так легкомысленно судите о людах и без всякаго повода стараетесь сдѣлать им непріятное.

Лев Толстой.

17. Дек. 1908.

Просил бы вас не посылать мнѣ ни газеты с статьей и не писать мнѣ.»

И даже это, по существу столь невинное и не заключающее в себѣ ничего оскорбительнаго, письмо Л. Н. разорвал и не послал адресату. Правда, он не любил *оправдываться* в тѣх упреках, какіе ему дѣлали.

В одном из писем (к В. Г. Черткову), сохранившемся в архивѣ Маковицкаго в видѣ оттиснутой под прессом копіи, находим любопытное упоминаніе о том, как однажды Л. Н. собирался дать Рѣпину сюжет для картины:

«Одно из пріятных впечатлѣній послѣднаго времени было свиданіе с Рѣпиным. Мы, кажется, оставили друг другу хорошее впечатлѣніе. Посылаю вам письмо Стасова, чтобы дать понять его (Рѣпина) настроеніе. Он очень и серьезно просит меня дать ему сюжет, и он исполнит его. И я вижу, что это серьезно, и все не нашел еще достойнаго сюжета и чувствую большую отвѣтственность.» (21 января 1898 г.)

Я не буду цитировать других писем и фрагментов Толстого. Разумѣется, они должны быть и в свое время будут опубликованы цѣликом. Упомяну лишь о том, что еще имѣем мы в архивѣ Маковицкаго. Большую папку составляют разные (впрочем, второстепеннаго и третьестепеннаго значенія) матеріалы по работѣ Толстого над сборником мыслей «На каждый день». Имѣется папка корректур «Круга Чтенія», с исправленіями (очевидно, скопированными) рукою секретаря Л. Н-ча Н. Н. Гусева и с подписями самого Толстого. Сохранился ряд писем на имя Л. Н-ча от разных лиц и т. д.

Нельзя не пожалѣть, что рукописи Толстого не будут присоединены к большим русским собраніям в Московском Толстовском и в Московском Румянцевском Музеях. Но, с другой стороны, кажется естественным, что покойный Душан Петрович («святой доктор», — как его называл Толстой) сохра-

нил для своей, горячо любимой им родины то, что ему самому было так дорого.

Пусть же пражское собраніе рукописей Толстого будет одной из тѣх, нынѣ уже многочисленных связей, которые образовались и окрѣпли между Россіей и Чехо-Словакіей. Научное же описаніе рукописей возмѣстит нам, русским, отсутствіе их в Россіи.

Вал. Булгаков.

Збраслав,
Декабрь 1923 г.

Дыханье Ганга.

Эѳир, Огонь, Вода, Земля и Воздух,
Вас пять, как пять есть чувств, меня ведущих,
И пять согласных с вами талисманов,
Сапфир, рубин, аквамарин сквозной,
И теплый изумруд, и лунный камень.
Довольно мнѣ пяти начарованій,
Со мной пять самоцвѣтов говорят.
Один вѣщает мнѣ о вѣчном небѣ,
Об'емлющем повсюду мір земной,
Как дух — им наколдованное тѣло.
Другой мнѣ говорит о вѣщей крови,
Которая поет через вѣка,
И построяет храм безкровной жертвы.
Прозрачно расцвѣченный, вторит третій,
Что, океанской глубью рождены,
Мы нашею минутой в Вѣчность плещем.
Четвертый говорит зеленым свѣтом
О том, что брат — слабѣйщій стебелек
Тысячелѣтним исполинам лѣса.
Прозрачный пятый с голубым оттѣнком
Уводит мысль в воздушные предѣлы,
Гдѣ ждет невѣстой жениха Луна.
Сапфир — окно, что небу в ночь открыто,
Рубин — окно, глядящее на праздник,
Аквамарин — окно в морскую бездну,
Окно в святыню лѣса — изумруд,
Окно в верховный воздух — лунный камень.
«А гдѣ же Солнце?» сердце вопрошает.
Здѣсь, в малом ободочкѣ золотом.

Взяв изумруд, как талисман, в свой перстень,
И ободок из золота надѣв

На палец указательный, в котором
Скопилась воля — четко знать предѣл
И вѣрный путь до ясно зримой цѣли.
Из четырех других камней завѣтных
Равносторонній сплел я малый крест,
Четыреклювый знак вращенья жизни,
Рычаг четырезубый воплощеній,
Что свастикой прошел весь Шар Земной,
Из Атлантиды в Индію был брошен,
В Египет, в Майю, был в Троянских битвах,
Был у Ахилла на его щитѣ,
Игрушкой был Елены бѣлогрудой,
И обошел Китай, прошел Тибет,
И словно тѣнь от башни Вавилона
Упал в безмѣрный Тихій океан,
И встал, четырезначный, неизбѣжный,
На Островах Блаженных, гдѣ кораллы,
Гдѣ пальмы, Солнце, счастье и любовь.

Мой изумруд и знак четыреликій,
Меня по разным странам проведя,
Шепнули мнѣ о вѣщей чарѣ Ганга.
И вот в лѣсное я пришел затишье,
Гдѣ вѣчно тѣнь, но через чащу вѣток,
Как с дна пруда, или как чрез оконце
Из дымнаго зеленаго стекла,
Могу я видѣть, что свою дневную
Работу в мірѣ Солнце совершает,
И желтый мед Луна готовит вѣрным,
И звѣзды в небѣ письмена слагают,
Чтоб волю Вышних мы могли прочесть.
И синій Ганг уносит воды в Море,
А в водах прах сожженных, довершивших
Горѣнье дней сгораньем на кострѣ.

Я подошел к отшельнику лѣсному.
С своим худым едва прикрытым тѣлом,
Задумчивый, задумчивостью долгой,
Не годы означавшей, сонмы жизней,

Чей дальній свѣт мерцал в его зрачках,
Смотрѣвших не во внѣ, — что̀ внѣ, то призрак, —
Во внутрь души, гдѣ всѣ міры в рожденьи
И в завершеньи в круг один сошлись,
Он меж стволов сидѣл тысячелѣтних,
Как между древних прадѣдов и дѣдов,
Отцов, и братьев, матерей, сестер, —
И ничего он не хотѣл от міра,
На десять дней довольно горсти риса,
Да двѣ-три кружки ключевой воды, —
Все то, что здѣсь достойно звать богатством,
В его глазах, гдѣ сонмы созерцаній,
В умѣ, гдѣ звѣздной пряжѣ нѣт конца.

И вспомнил я завѣт Свѣташватара: —
«В уединеньи, в мѣстѣ схороненном,
На выравненном мѣстѣ, чистом, вольном,
От голышей и от песков горячих,
Гдѣ ток воды, пріятный звук, и тѣнь,
Гдѣ глаз не видит ничего, что мучит,
Там человѣка посѣщает іога,
Познанье однослитности всего».

Я вопросил отшельника: «В чем правда?»
Но он молчал и был как изваянье.
Я приходил и раз и два и три.
С зарею, в полдень, вечером, и в полночь.
И наконец, признав-ли талисманы,
Являвшіе, что внутреннее зрѣнье
Не чуждо мнѣ, или в моем упорствѣ
Увидѣв знак, что не пустая прихоть,
А жажда знать мой подвигает дух,
Отвѣтил он, отвѣтил, но загадкой: —
«Роса и дым, свѣтляк, огонь и вѣтер,
Луна, кристалл, и молнія, и Солнце, —
Чрез эти лики в зрѣньи внутрезорком
До Брамы прикасается твой дух».

Пред знающим смиренно преклонившись,
Я отошел, в себѣ его слова

Лелѣйно унося, как драгоцѣнный
Сосуд с живою влагой, из которой
Не должно капли расплескать одной.
И проходя зеленые просторы,
Я думал, я смотрѣл в затоны духа,
Скитался по извилинам души,
И сысл тѣх малых слов красивомудрых
От слова к слову жил, переливался,
И возвращался всплесками к истоку,
И ожерелье круглое слагал.

Роса и дым. Не из росы ли туча?
Не в облакѣ-ли дымном жив огонь?
Свѣтляк, своей игрою переливной,
Летучая Индійская свѣтлянка,
Не говорит-ли огненным напѣвом,
Что молнія играет в облаках,
Что вѣтер, вѣя, носится, и носит
Дыханіе воды, пока, сгустившись,
Не грянет гром, как голос мірозданья,
Хотящаго творить воспламененьем,
И рвущаго холодныя пустоты,
Чтоб из лохмотьев, ни к чему не годных,
Чтоб из обрывков, сѣрых как тоска,
Соткать воспламененныя одежды,
Затѣять огнеликіе міры,
Горящіе вверху как Златосолнце,
Горящіе как Звѣзды и Луна,
Творящіе для духа запись свѣта,
Которую читай, смотря в кристалл,
Гдѣ четки грани, гдѣ рожденье радуг,
Гдѣ первозданно свѣтлый чист хрусталь,
Глубинно чист, нерукотворно ясен,
Как дух, освобожденный от преград,
Как четкій ход Луны и Солнца в небѣ,
Как молніей исторгнутый из тучи,
Верховным серебром ниспавшій, дождь,
Как вѣтер, снова грезящій о пряжѣ,
Как дым, куреньем к небу восходящій,

Как в капищѣ полночной тьмы свѣтляк,
Как брызнувшія в миг свиданья слезы,
Как в час зари на стебелькѣ роса.

Зажглись часы и дни с тѣх пор и пали
В провал времен, что Вѣчностью зовем.
Прошло тринадцать мѣсяцев округлых,
Тринадцать лунных, солнечных двѣнадцать,
Мѣнявшихся — от блѣдных созерцаній
До жгучих плясок пыли золотой,
От сребровлаги к желтым расцвѣтаньям,
И к шелесту всходящей многозерни,
От мига тишины к стогласью звуков,
К напѣву птиц и к крику обезьян,
И к мирному мычанью стад идущих.
Я вновь пришел в тот заповѣдный лѣс.
Но нѣт, я не нашел на прежнем мѣстѣ
Отшельника, смотрѣвшаго во внутрь
Своей души, гдѣ всѣ міры в рожденьи.
От праотцев своих зеленовѣйных,
Тысячелѣтних дѣдов и отцов,
Раскинувших стократно руки-вѣтви,
Он отошел к Верховным, гдѣ пути
Всѣх тѣх, кто путь земной свершил предѣльно,
На каждую пылинку наступив,
Которой надлежало быть во прахѣ,
Но в цѣлой жизни мошки не убив.

Я грустный уходил из древней рощи,
Гдѣ в жизни можно быть как изваянье.
Из этой изумрудной тишины,
Гдѣ мысли ткут покров туманно-звѣздный,
А вѣтви ткут другой покров, с просвѣтом,
Чтоб видѣть, словно в капищѣ, в котором
Оконца из зеленаго стекла,
Как Небо связь с Землей не разрушает,
Как синій Ганг уносит воды в Море,
И в водах прах сгорѣвших навсегда.

Я думал, гдѣ же знак еще найти мнѣ,
Чтоб ощутить основу звѣздной пряжи.
И отойдя от древних баобабов,
И от смоковниц, гдѣ корней воздушных
У каждой столько, сколько дней в году,
Я встрѣтил на лѣсной опушкѣ свѣтлой
Ребенка, баядеру лѣт пяти.
В забавный малый бубен ударяя,
Тряся серьгами, круглыми как Солнце,
Змѣясь всѣм тѣлом, женским, хоть и дѣтским,
И бусами дешевыми гордясь,
Она плясала мнѣ и пѣсню спѣла.
Я бросил горсть серебряных монет.
И голыми ножонками мелкая,
Как серна побѣжала баядера,
Подбрасывая малые кружочки
Из серебра. А пѣсня, вот она.

«Синяя муха,
Зеленая птица,
Звѣрь краснооκій,
В мірѣ живи.
Молнія в тучѣ,
Жемчуг в глубинах.
В стеблѣ расцвѣты,
Радость в крови.
Любишь ли, милый?
Как Ты зовешься?
Если полюбишь,
Вдруг позови.
Синяя муха,
Зеленая птица,
Звѣрь огнеокій,
Глянь — и живи».

К. Бальмонт.

Ростань.

(Из временника 17-го года).

10-VII—25-X.

I.

А знаете что, все это неправда — и если говорить по самой правдѣ —

этот вихрь и есть то, в чем я только могу жить.

Только мнѣ так мало сил отпущено и я просто по вѣрному житейскому чутью отбрыкиваюсь от всякаго движения:

вѣдь, если бы, я, как всѣ люди, пошел бы ходить, у меня оборвались бы жилы.

Да, мнѣ не надо никакой этой тишины и ровности, никакого благополучія.

Когда я попадаю в провинціальный город, я это всѣм существом моим чувствую.

И если бы какой благожелатель поселил меня в вѣчную санаторію, чтобы я и пальцем не пошевельнул, и все мнѣ будет — и чай и кофе вò время, и на почту не надо ходить заказныя письма сдавать —

или такое тихое мѣстечко нашлось бы на землѣ гдѣ-нибудь на Тихом Океанѣ — ein ruhiges Plätzchen für brennende Cigarren — или —

и было бы это все равно, как если бы приговорили меня к медленной, но вѣрной смерти: я начал бы с л о н я т ь с я, отек и, наконец, заснул.

Слава Богу, бѣда всей нашей жизни всегда спасала меня.

*

Поздно вечером пріѣхали в Чернигов.

От вокзала через весь безконечный мост шли пѣшком до самой «Москвы».

Темь — лѣсная. Ночь хмурая. Шаршавые кусты по дорогѣ. И птицы. Мнѣ казалось, там в беззвѣздной ночи — черныя.

Точно раз уж во снѣ я видѣл такую дорогу.

Волоча огромные сундуки, обгоняли безликіе черные. Рѣдкіе экипажи сквозь. — Шарахающіеся пѣшеходы. Одинокіе внезапные фонари вдруг — Бездонныя канавы в репеѣ.

Я нес старый лопнувшій чемодан. И нетрудная ноша тяготила: развязавшійся ремень путался под ногами, путал безпутье.

«Зачѣм, зачѣм это все? Зачѣм в такую ночь? И итти».

Так бы вот остановился или проснулся бы.

Да, в дѣтствѣ я во снѣ видѣл такую дорогу. И не раз снилось. И это был самый мучительный, самый изводящий из снов.

С этим сном соединялся у меня к о н е ц — конец свѣта, конец жизни, «свѣтопредставленіе»:

Дорога, беззвѣздная ночь — солнце померкло, луна прекратила свѣт!

— и только демонскіе внезапные глаза, как эти огни одиноких экипажей.

«Зачѣм, зачѣм это все? Зачѣм этот мір и вот конец?»

И не только во снѣ, на всѣх гранях моей жизни это чувство беззвѣздной дороги — безпутья прожигало болью:

и тогда в Москвѣ перед Каменщиками — первой моей тюрьмой,

и тогда на этапѣ — от Пензы до Устьсысольска,

и потом — потом это будет в августѣ 21-го года в скотском вагонѣ от Петербурга до Нарвы, когда поѣдем из Россіи.

«Зачѣм, зачѣм это все? Зачѣм в такую ночь — ?

Дорога от вокзала через мост до «Москвы» показалась безконечной, а по остротѣ на всю жизнь.

II.

По утру у Спаса — в древнѣйшей русской церкви Мстислава Тмутараканскаго.

Служба кончилась. Только кучка богомольцев — женщин в бѣлом, в бѣлых обмотках: старыя онѣ или не такія уж, не разобрать — вѣтром и солнцем обожженныя лица и руки.

У мощей молился старик священник.

Так молятся у кого ни души на землѣ и некому сказать — а вѣдь у всякаго есть, что непремѣнно сказать или о чем попросить.

Принял я в сердце и эту молитву.

Мы вышли.

Бѣлыя стѣны собора, бѣлыя, как мазанки. А кругом зелень — тополя. Шумят — шепчут.

Есть тишина около храмов. И даже если и камушка не останется, все разрушит время — я это чувствовал в заповѣдных рощах, гдѣ когда-то стояло капище с идолами — такая вот тишина и только шумит роща.

Принял я в сердце и эту тайную тишину тайн.

Пошли по городу.

В лавках пусто: гдѣ распродано, а гдѣ одни подскрёбки.

— Война с'ѣла!

— Война! война! война!

Одна эта жалоба — единственный припѣв.

Поглазѣли на Троицкую горку — там первая на Руси стоит церковь Ильинская в честь Громовника Ильи, Святослав построил.

И дальше.

В Казанском саду, гдѣ поет по веснѣ соловей, ни души.

Пасмурно, пустынно —

или это от пасмури пустынно?

или война все с'ѣла?

или гроза идет и вот притаились — революція?

А хорошо, когда гроза идет — не думаю, чтобы измѣнялся человѣк: каким зародишься, таким и помрешь. Знаю, и самая грозная из грозных — революція — взвих и встряс — ничего не измѣнит, но я также знаю, что без грозы пропад. И хочу, чтобы нѣт-нѣт, да, я хочу, чтобы ударило — ударило крѣпко так, чтобы взвизгнуть, схватиться за голову хоть однажды, иначе замельчавшее житье наше отравит всякую жизнь человѣк.

Да, хорошо, когда идет гроза — —

Да, это так.

Повела меня С. П. на Гончую улицу.

Вот этот сѣренькій дом, тут она родилась. Дом, как нежилой, а в окнах цвѣты.

С Гончей по пескам вышли к Гимназіи.

Здѣсь училась — — какая неприступная казенная крѣпость!

и неужели кончилось все это?

или одно кончили, другое придумают?

если бы в человѣкѣ можно было перекувырнуть это самое!

Постояли, поглазѣли на гимназію.

И сколько вспомнилось! И странно, все-то и самое нелегкое, а как легко.

И должно быть, из подали послѣдней, а в послѣднюю минуту все как-то так вспомнится — и нелегкое совсѣм легко, а потому — потому что больно уж жизнь-то сама хороша.

Да, это так.

«В гимназіи, — разсказывала С. П., — не позволяли книг из частной библіотеки брать, только из гимназической можно. А мы все-таки брали и читали тайком. Захотѣлось прочитать роман Ясинскаго «Вѣчный праздник»: слышали, из черниговской жизни. Пошли в библіотеку Идлис, спрашиваем: «Вѣчный праздник Максима Бѣлинскаго»? Полѣз библіотекарь на полках искать. А одна гимназистка очень любила иностранныя слова — «Максим Бѣлинскій, говорит, это псевдоним!» А библіотекарь на книгу-то как-раз и напал, — «Нѣт, говорит, его зовут Іероним!»

Ну, видѣл я гимназію, надо посмотрѣть и запретное — библіотеку.

Отыскали библіотеку — библіотека Идлис! — на полках книги, а Псевдонима уже нѣт, другой.

И пошли в «Москву».

*

Ѳ. К. Сологуб и Н. Г. Чернявскій сидят в столовой — у нас только и есть одна теплая комната, это столовая. Входит Керенскій.

Один раз я его видѣл в редакціи «Сирин» на Пушкинской и он все такой же и также говорит очень громко — если сравнить с Ивановым-Разумником, просто кричит.

— Александр Ѳедорович, — говорю, — вы теперь все можете! Есть у меня три желанія: первое — часы с ку-

кушкой, а второе — дудочку-кукушку, такія до войны в Карлсбадѣ продавались, и третье — воздушный яблочный пирог!

— Дудочку-кукушку я смогу, — сказал Керенскій.

*

Сны наползали и пропадали: пропал Сологуб, пропал Чернявскій, пропал Керенскій, и я очутился не в столовой — этой единственной нашей комнатѣ, а в подвалѣ.

*

В одном углу В. Н. Ивойлов (Княжнин) на корточках караулит мыш, а на другом концѣ в углу на корточках же Зоргенфрей (Зор) караулит Ивойлова.

В подвал набираются незнакомые.

— Гдѣ это мы находимся? — спрашиваю.

— Точно сам не знаешь: в Кузнечном переулкѣ.

— Почему же в Кузнечном?

— Как почему?

И упрекают меня, что я не желаю разсказывать о китайцах.

А я, ей Богу же, о китайцах ровно ничего не знаю.

— Вы, — говорю, — спутали: это проф. В. А. Алексѣев китаец.

И снимаю с себя одежду за одеждой — кожи, шкуры, дерюги, шкурки.

И вдруг откуда-то наш хозяин М. Д. Семенов-Тянь-шанскій:

— Отопленія нѣт! — язык высунул, — ни дров, ни угля.

Я буду освѣщать дом водой.

III.

К ночи пріѣхали в Круты.

В тѣсный узкоколейный вагон неосвѣщенный, тыча фонарем в лицо, солдаты —

провѣрка документов!

Мнѣ всегда чего-то страшно, когда я отдаю свой паспорт — или от неувѣренности и путаницы, напуганный путаницей? или эти ружья, против которых безоружному всегда неладно? — а тут и темь и тѣснота и фонарь.

И еще поразило меня: что-то было от Москвы стрѣлецкой.

И этой стариной смертобойной открылся нам путь на Москву.

И онять тополя — чего шепчут? — черные в черное в звѣздах.

Попрощался я с тополями.

И на вокзал.

А там — нигдѣ так война не прёт, как на вокзалах! — загромождено, завалено, загажено, зашмыгано, а в буфетѣ все моментально расхватывается, война и — революція, прущая войной против войны.

Билеты выдали, а в поѣзд не попасть.

А надо — и вкарабкались.

Так и на крышѣ вот ѣздять: надо и полѣзешь.

Из «Международнаго» нас выпроводили сейчас же — в I классѣ перед уборной в проходѣ стали.

И так до разсвѣта.

В Бахмачѣ протиснулись в вагон. И уж тут в проходѣ прошел толкливый тягучій день и безконечная безсонная ночь до самой Москвы.

Голова от боли раскалывалась.

*

Разговоры о войнѣ, Керенском, большевиках.

Частятся «хам» и сволочь».

Сначала я о своем думаю, но разговоры затѣсняют свое.

И одно только свое остается: что вот эти «не хамы и не сволочь» — они лежали и день и сейчас лежат! Это все военные петербургскіе и с ними какая-то барышня, знакомая их знакомых, они пресытившись, не знают, уж как еще и лечь, чтобы совсѣм как дома, а С. П. дремлет на картонкѣ в проходѣ.

— Люди совсѣм не измѣнились. Такое на свѣтѣ дѣлается, так все кругом угрожает, им угрожает, а они, как и раньше, болтают всякій вздор, и никакого чувства у них нѣт, что вот надвигается что-то страшное, и неизвѣстно, чѣм все это кончится.

— А кончится плохо. И пусть будет плохо!

— Легкость — легкость поразительная.

— Им надо потыкать носом, тогда они, может, еще и поймут, а так — ничего!

И голоса вдруг замыкаются — много голосов — в цѣпь.

— Гибнет Россія, чувствую.

— А какая она будет, не знаю.

— Не на ком остановить глаза, люди пропали.

— Кто пропал? А развѣ было что?

— Республику еще никто не установил, а республиканскія войска бѣгут.

— Убійства, насилія, грабежи, все есть — все, все. А еще и похуже будет.

— Тут напрасно одних большевиков обвиняют — впрочем всегда кого-нибудь обвиняют! — а если подумать: вѣдь, жизнь-то одна, мало кому охота помирать. А есть и такіе, в прежнее время и пошли бы, а теперь . . .

— Промышленная жизнь остановилась, голод. Такая русская свобода не дорога.

— На власть революціонной демократіи посягнуло не безуміе, а самое трезвое разсужденіе.

— Слушаться-то кого нынче? Никто никого не признает. Коли бы правда была!

— Война — война — война —

— И доканают.

— Да уж хуже того, что есть едва ли было когда.

— Неумѣлость, недуманье, рабы —

— На скачках встрѣчала в Красном . . .

— Сволочь — хамы —

— А вѣдь вот палкой опять загнали в окопы.

— Был порядок да сплыл. Темныя силы.

— Ну, за это еще будет. — повоюют!

— Всю Россію, как шаром огненным покатят. Много кому придется расплачиваться. Жалко, кто *так* пропадает.

— И никто ни в чем неувѣрен.

— — — в большевиках.

И вдруг на «большевиках» все обрывается и уж один голос жалкій жалующійся тянет безконечно:

— — Ф — о — р — м — у — л — е — в — и — ч — —

*

Высокій берег — там на верху деревья. Дорога вся изрыта водой. Ямы от водоворота. Гдѣ были огороды, точно граблями проведено. Углы клунь снесены водой. Плетни валяются. Озимое так все вымыло, точно и не сѣяли. Овраги — —

— Как поступить с вашей квартирой, — говорит Формулевич (он же и Степун), — передать ли ее частным лицам или общественному учрежденію?

—А гдѣ же мы жить то будем?

— Воздержаніе от ѣды — единственное средство.

И Степун пропал в оврагѣ.

А я полѣз на берег.

IV.

В Москву пріѣхали заподень.

Путь нам в Таганку — взяли извозчика: 14 рублей!

А что если бы кто сказал тогда, что в 20-ом году осенью за такой же конец заплатим не 14 рублей, а десять тысяч!

Было смутное чувство пропада, но не представляли себѣ, до чего можно дойти, — это как и тут в Германіи: начало 22-го года и что теперь.

И так во всем.

Папирос купил: что раньше стоило 20 штук 18 копеек — говорят, «почти даром», 35 копеек!

И ясно было одно: это — война, расплата за войну, которую *наперекор* продолжали.

И терпѣлив же человѣк —

И не в большевиках тут — — если бы не было большевиков, их надо было бы выдумать, так что ли?

чтобы прекратить, наконец, эту желѣзную игру «до побѣднаго конца«.

Такое услышал я с первых же московских дней от терпѣливѣйших и самых смирных в Таганкѣ.

— Ты большевик! — говорили мнѣ, припоминая мое прошлое.

И это говорили всѣ, кто меня знал еще по Москвѣ.

Сначала я раз'яснял, что это было в тѣ допотопныя времена, когда —

— Когда еще Владимир Ильич не отдѣлился, и была единая и недѣлимая соціал-демократическая рабочая партія «с.-д.»

В Петербургѣ ходил разсказ, как в началѣ революціи, когда было принято причислять всѣх к какой-нибудь партіи и А. Н. Бенуа попал в большевики за участіе в «Новой Жизни», К. А. Сомов будто бы полюбопытствовал, кто же он то теперь? «Ты, Костя, отвѣтил Бенуа, меньшевик-интернаціоналист».

Вспомнив Сомова, я уже самостоятельно стал подбирать себѣ кличку и попробовал отвѣчать:

— Не большевик я, а націоналист-интернаціоналист...

Но это никого не убѣдило.

И я остался «большевиком, что и ясно и вразумительно: с «большевиком» соединялось тогда «долой войну», а это так всѣм хотѣлось в той Таганкѣ, куда я попал.

V.

В Таганкѣ мы остановились у моего брата Виктора.

Я думал разспросить его, как там на войнѣ с революціей — но его в Москвѣ не оказалось: гдѣ-то на войнѣ корпѣл.

Мой брат Виктор — из запасных прапорщик, до войны служил в Банкѣ. За войну два года просидѣл в окопах. В послѣднее наше свиданіе — прошлой весной — много чего поразсказал мнѣ. И из его слов я уже тогда понял, что скоро все кончится —

и кончится не просто!

Человѣк он тихій, вытишинный в Банкѣ, — я не раз слышал от него и много горькаго о его службѣ, — и слушая его разсказы о войнѣ, я тогда подумал:

«А когда кончится война и он вернется в Банк, как он примет свою службу — так ли покорно и смолчно как раньше?»

И мнѣ было ясно: если прорвало такого терпѣливаго и безобиднаго и, стало быть, войнѣ конец, то, кончив войну, такіе вот жить по старому на согласятся —

и там, гдѣ они молчали, отвѣтят.
и гдѣ гнулись, не смолчат,
и гдѣ уступали, пойдут против.

Да, жаль, что не застал его, и не узнать.

Нянька Кондевна разсказывала о войнѣ, как с офицерами солдаты расправляются. Про это я уже слышал и читал.

— Да вѣдь он же не настоящій офицер!

— Ну, на это не посмотрят. А В. М. гòриться нечего, он с ними, как свой, его не тронут.

Да — не тронули.

С войны он вернулся в Москву и в началѣ 20-го года — в самый тягчайшій год страды — уже красноармейцем погиб гдѣ-то «под Колчаком».

Что-то в нем было похожее на Льва Шестова.

Не в философіи — никакой философіей он не занимался — он знал бухгалтерію и еще в училищѣ (мы вмѣстѣ учились) умѣл рѣшить любую задачу, и самыя сложныя вычисленія, не как я на бумажкѣ, в умѣ дѣлал.

Нѣт, с Шестовым у него было сходство в житейском.

В рѣдкія наши свиданія он учил меня уму—разуму, желая помочь мнѣ в моей кавардашной жизни, а мнѣ всегда было чего-то чуднò: или потому, что совѣты — «ум-разум» и от самаго добраго желанія, а имѣли очень мало — я чувствовал — житейскаго.

Шестову, занявшему большее мѣсто в литературѣ, удавалось, но Виктору в его подчиненном положеніи банковскаго служащаго — ничего.

И единственно, что он раз сдѣлал, это когда меня в допотопныя времена гнали по этапу через Москву: он пробрался к арестантскому вагону и передал мнѣ карандашей, перьев и ручек, добытых, как говорилось у нас в 19-20-ом году, «через преступленіе».

«Смѣяться тут нечего, — говорил, бывало, — хочешь помочь человѣку, а он дурака валяет: вздумал писать дѣловыя письма с завитушками, а никто вѣдь ничего не понимает! А с воскресенским дьяконом я тебѣ очень совѣтую познакомиться».

Дьякон, конечно, мнѣ не зачѣм был, но у него-то, по каким-то непонятным мнѣ соображеніям житейским, связыва-

лось с этим знакомством полезное для меня во всѣх отношеніях.

И еще: как-то он написал мнѣ — вообще-то он не писал ничего, кромѣ поздравительных писем (святцы знал, как бухгалтерію!) — что если будет уже очень тяжело, чтобы я имѣл в виду, у г о л для меня всегда у него найдется.

Нянька Кондевна уж о своем разсказывала, как ея муж Устин помирал:

как мучился, пріобщить бы! а он язык высынул (колдун был!); ему на шею росный ладан повѣсили, а о н и (черти) его крючьями стащили с лавки и под печку, всѣ кости гремят — — и тут память у нея отошла.

— Дѣти, без хлѣба, три вязанки соломы — одной пришлось гòриться. Ну, а теперь слава Богу: корова у помѣщика в саду пасется, теперь ничего.

Ночью была гроза настоящая: сначала гром гремѣл, потом как запустит дождь — —

*

Иду по дорожкѣ в саду. Вижу череп лежит. Нагнулся: череп. Взял его в руки. Иду и разбираю — и в траву откидываю кости. И когда разобрал весь, говорят мнѣ:

— Это ваш череп.

— Как же так, вѣдь я жив!

— Череп ваш.

И я подумал:

«Мой череп — удивительное дѣло, при жизни! надо сберечь».

И опять я иду, сбираю кости, чтобы череп составить — свой.

VI.

В прежніе годы проѣздом в Петербург мы останавливались в Москвѣ не в Таганкѣ, а у другого моего брата Сергѣя.

Но вот уже нѣсколько лѣт у него не было «угла»: он попал в большую бѣду и два года ходил по Москвѣ без должности и у него самого был «угол» только для ночлега. С войны, когда стали забирать на войну, ему, как «негодному», удалось получить мѣсто сначала на Товарной станціи на тяжелую ра-

боту, потом в управленіи на Домниковской улицѣ. Там же поблизости в Сокольниках он и комнату снимал.

Прямо со службы пѣшком пришел он в Таганку.

Он разсказывал о Москвѣ — о революціи, о нянькѣ Кондевнѣ, которая просила городовова ей показать, «чтобы дать ему хоть подзатыльник», о моем ученикѣ городовом, который хотя и не выдержал экзамена на околодочнаго, зато медали всѣ выслужил, какія только полагались для ношенія, и вот очутившійся на старости лѣт — лучше бы и медалей не носить! — и о своей службѣ на Домниковской: с революціи ему повышеніе.

— Теперь уже не то.

Да, не то: он и одѣт был лучше — не так, как тогда! и смотрѣл не так — прямѣй.

От революціи в Москвѣ разговор перешел просто к Москвѣ — всегдашнее московское.

— Нѣт, ты не любишь Москвы, — сказал он мнѣ, — какая это любовь жить постоянно в Петербургѣ. Вот я — я без Москвы просто жить не мог бы!

Да — это была настоящая любовь.

В началѣ 20-го года — в самую тягчайшую страду — он все-таки рѣшился уѣхать из Москвы: поѣхал к своей дочери в Мелитополь, дорогой захворал тифом и помер.

*

Этот брат мой, ни на кого из нас не похожій, с дѣтства писал стихи, сначала «пушкинскіе», потом «футуристическіе», и никогда ничего не печатал; хорошій голос был у него, одно время учился в Филармоніи, но актером не сдѣлался; вообще никѣм не сдѣлался — просто был вездѣ (а он должен был поступить на службу) случайным, «временным», а когда захотѣл во-что-бы-то-ни-стало сдѣлаться, как всѣ, из этого ровно ничего не вышло. Хуже того, совсѣм плохо — без должности-то ходил по Москвѣ два года, вы это понимаете, имѣя «угол» только для ночлега. С дѣтства гимназистом он начал курить и с папиросой мог часами сидѣт у окна, мечтая. Он пріѣзжал ко мнѣ во всѣ мои ссылки: в Пензу, в Устьсысольск, в Вологду. А в пензенскую тюрьму он передал мнѣ тысячу штук апельсин, — по московски.

Да, без Москвы он не мог жить.

Я пошел его провожать к Новоспасскому монастырю — оттуда трамвай в Сокольники.

Обыкновенно он провожал нас в Петербург, а на этот раз мнѣ пришлось — в первый раз в жизни он получил отпуск на двѣ недѣли и вот собрался уѣхать

«подышать вольным воздухом!»

Трамваи ходили рѣдко, пришлось ждать.

Опять заговорили о Москвѣ — революціи и о прошлом.

И вспомнив, должно быть, свои тягчайшіе годы «без должности», он вспомнил и еще что-то и вдруг точно обрадовался:

— Вѣдь, ты же большевик! — сказал он, — как же по твоему?

Но я не успѣл об'яснить: подошел трамвай.

Так и простились.

Было 8 часов — послѣдній трамвай в Сокольники в 8-мь — я нарочно медленно пошел домой: на Воронцовской можно было у одной старообрядческой «черничкі» получить молоко «в 8 часов».

А придя в 8, молока мнѣ не дали б — часы по-военному времени подведены на час! — потому что грѣх: грѣх давать, раз признаю я новые, а не старые «коровьи», по которым часам корову доят, доили и будут доить «во вѣки вѣков»,

— Большевик!

Я шел мимо трактира — это уж к Спасской заставѣ — трактир третьяго разряда «Гроб» —

И вдруг спохватился:

«Такое время — может, никогда уж не увидимся. Вот посидѣли бы в этом «Гробу» и я раз'яснил бы все это — какой я большевик».

И я еще тише пошел.

На Новоспасском часы как стояли.

VII.

В Москву мы пріѣзжали как на кладбище.

Я ходил по старым мѣстам, о которых только у меня была память. И я видѣл, как с каждым годом остается все меньше этих крестов.

За войну особенно много исчезло, за революцію еще больше — и это как то само собой.

На углу Землянки и Николоямской не было пивной, даже никакого признака не осталось — в других мѣстах с запрещеніем передѣлались в чайныя.

— Тут была пивная Алексѣя Ивановича Горшкова? — спросил я.

И никто ничего не знает.

Какой то догадался:

— Это не тут, это у бань: Горшков! как же, Горшкова знаем.

А я знал твердо, что у бань и пивной-то никакой не было.

Около бань, проходя через мост, заглянул в Яузу —

и Яуза как будто помелѣла.

А кругом пустырь застроен, от огородов и травинки не осталось, и стройка заслонила Андроніев монастырь —

может, и колокола уже не слышно?

Тоже и городововскую деревянную будку снесли — каменный стоит красный дом.

А вот и ворота —

Обыкновенно мы ходили к матери в Сыромятники с братом, этот раз и послѣдній одни.

Сергѣй предупреждал, что в Сыромятниках очень встревожены моим пріѣздом: с годами забытое всплыло теперь с революціей мое прошлое в видѣ пугалы «большевика», который сдѣлал революцію, да то ли еще надѣлает! — смутно всѣми чувствовалась, что идет и непремѣнно придет самая-то настоящая гроза.

Сергѣй смѣялся, будто не велѣно мнѣ чаю давать, если приду. (Мать жила у родственников и хоть совсѣм отдѣльно, но как больная сама не могла распоряжаться). Я не хотѣл вѣрить — отвык за эти годы, но припомнив всякія мелочи из стародавняго московскаго житья, был ко всему готов.

Мать узнала меня.

— Вы родились в февральскую революцію (1848 г.) и вторую дождались февральскую, и еще дождетесь.

И стал ей разсказывать всякія небылицы, чтобы развеселить ее: о китайцах (в Москвѣ о китайцах много говорилось еще в канун революціи), о республиках, об'являвшихся в ту пору самым неожиданным образом, о сыромятинской республикѣ —

— Ты всегда вот такое скажешь . . .

Она не знала, вѣрить или не вѣрить и что правда и что так.

Она не могла уж ходить, а сидѣла. И за год, мнѣ показалось, еще больше сгорбилась и стала совсѣм маленькой.

Она вдруг заволновалась:

отчего так долго не несут чаю?

Прислуга смущенно что-то отвѣтила:

не то с самоваром не ладно, не то самовар не готов.

— Не надо мнѣ чаю! — сказал я, вдруг вспомнив: «не велѣно чаю давать!»

Мать уж не одна была.

И я сразу понял, что появилась гостья из-за меня. И у меня пропала всякая выдумка, всякій разговор — развеселить. И я замолчал.

А она заплакала большими слезами без всяких слов.

*

Очень тяжелая жизнь у нея была, тягчайшая. — Я это еще в дѣтствѣ понял, только поздно уж. И потому виню себя: и мой есть камень. Я всегда помню ее с книгой — первый глаз мой к книгѣ отсюда. И мое пристрастіе к нѣмецкому — с дѣтства я слышал о Германіи и нѣмецкія слова: мать училась в нѣмецкой школѣ и могла «думать» по нѣмецки. Ни мои мечты, выражаемыя мною рѣзко, ни мой «большевизм», ни моя ссылка ничуть не смутили ее. Поздно уж понял я — еще в дѣтствѣ — что мы, дѣти, сломили ея жизнь и я послѣдній «не желанный» послѣдней каплей переполнил мѣру и вот человѣк сломился.

В 1919 году в февралѣ она померла. Похоронили ее мои братья. А я и на похороны не мог пріѣхать — это совпало с моим арестом, когда были арестованы Р. В. Иванов-Разумник, Блок, Петров-Водкин, А. Штейнберг и М. К. Лемке. Выпущенный с Гороховой, я только мог написать (не знаю, дошло ли письмо!) — я просил положить за меня три поклона:

первый — что уж своим появленіем на свѣт переполнил я горе;

второй — что поздно понял: за свой камень;

и третій — за то, что жизнь дала мнѣ, а лучше жизни ничего нѣт на свѣтѣ.

*

Я шел по Москвѣ в Кремль — в Успенскій собор ко всенощной. Шел под звон колоколов — вся Москва звонила: завтра Ильин день.

Мнѣ было чего-то необыкновенно.

И как часто со мною бывает, оттого ли, что привык писать вслух, я все время мысленно разговаривал.

«Революція или чай пить?»

«Чай пить . . .»

«А вот на-ж тебѣ: нѣт тебѣ чаю!»

«Революція взяла свое».

Я шел по старой дорогѣ — мимо дома Вогау, разгромленнаго в канун революціи (а какой был дом! — однѣ стѣны остались), мимо Ивановскаго монастыря — пристанища хлыстов, гдѣ когда-то «радѣл» первый московскій сыщик Иван Осипов — Ванька Каин, Хитровкой — пристанища московской голытьбы, к Варварским воротам мимо часовни Боголюбской и дальше Варваркой мимо палат Романовых с таинственным провалом Зарядья, Старыми рядами — на Красную площадь мимо Лобнаго мѣста к Спасским воротам с медвѣдями на башнѣ —

VIII.

В Успенском соборѣ служба началась.

На стихирах пѣли «знаменитый» догматик — из вѣков повѣяло: какой строй и строгость — русскій стиль! Потом Литія. Я ее особенно ждал. Столповое пѣніе басами.

Это уже до жути вѣковое, точно всѣ поднялись — и Петр. и Алексей, и Іона, и Филипп — и вот тянут с соборянами на басах в унисон:

— Господи помилуй — Господи помилуй —

У ящика за свѣчами стоял знакомый, вмѣстѣ учились.

Он тоже меня замѣтил и улыбнулся: он тоже любил это и чувствовал и строй и строгость — наш русскій стиль.

Послѣ Литіи я вышел.

Вышел и знакомый — он занимал в Москвѣ большое мѣсто; а в Кремлѣ был как дома.

На Иванѣ Великом звонили второй звон — вѣка выговаривали на колоколах.

— Революцію мы встрѣтили звоном. Ты звонаря-то нашего знаешь? — и он назвал не то Гутман, не то Гросман. — ну, и хватил — во всѣ.

Когда я выходил из Собора, я замѣтил около двери на стѣнѣ заборную «гнѣздовую» надпись, и теперь, когда возвращались в Соборъ, я показал знакомому.

И вмѣсто отвѣта он такую загнул крѣпость, даже надпись — мнѣ показалось — сама собой стерлась, как и не бывало.

Повел меня в алтарь. И хоть я не раз видѣл всякія святыни, опять посмотрѣл и все потрогал. В алтарѣ он меня знакомил — раньше, когда случалось бывать, никогда.

Он точно чему-то обрадовался.

— Большевик, — прибавлял он к моему имени. — это у нас большевик.

Из алтаря повел в предѣлы, гдѣ росчищались фрески.

Там постояли — разсказал он мнѣ о работах и о трудностях всяких казенных.

— Если все ладно пойдет, работы уж не тѣ будут. Теперь не то.

Вышли, стали с народом впереди.

— Надо непремѣнно снять с икон ризы. Все равно итак сдерут. А без риз даже лучше.

Уже третій звон звонили.

Колокола врывались в «Хвалите» — «Хвалите имя Господне!» —

своим колокольным «красным» звоном в лад.

Знакомый тихонько разсказывал о старинѣ, о долгой службѣ под Успеньев день, о столповом распѣвѣ — о такой старинѣ русской, которую для гордости же нашей русской «своим добром» беречь надо, как рублевскія иконы.

— Ты как думаешь, много еще чего будет?

— Такое! — и он рукой махнул, надо ко всему быть готову, — подумал, — чего-ж бояться-то? А убьют, так убьют.

Послѣ великаго славословія я простился.

Но домой не пошел, а остался на площади: я все смотрѣл, вглядывался в ночь.

Всенощная кончилась — темными стаями расходился народ.

Только в Архангельском Соборѣ горѣли огни — неугасимыя лампады.

А там на Иванѣ Великом колокол огромный — глазатый пустыми окнами.

А там — звѣзды как осеннія.

И вдруг я понял, что все это — — прошло,
эта Россія — —
прошла.

IX.

Путь из Москвы в Ессентуки был так же неувѣрен, как из Чернигова в Москву.

Все было как-то растормошено: станціи, вокзальная публика, пассажиры.

Но не революція — «революція вездѣ прошла мирно», война, ея хвост, выворачивающій нутрь Россіи — развал, распад, раздробь.

И в вагонѣ не поймешь, о чем больше: о войнѣ или о революціи.

В Ессентуки пріѣхали с большим опозданіем и, оказывается, сейчас же надо билеты обратно —
а то уж на нѣсколько недѣль всѣ распроданы!

Это была новость, куда важнѣе, чѣм Государственное Совѣщаніе и выступленіе Корнилова, и с этими билетами много связано было и хлопот и страхов.

И в санаторіи была, как вездѣ, та же растормошенность и то же «по военному времени».

Революція вылѣзла забастовкой: забастовка «служащего персонала», а во время Корниловскаго выступленія в шпіонствѣ, когда, пользуясь удобным, сводили счеты.

Прошлым лѣтом в санаторіи Зернова жил В. Г. Короленко.

Ни тормошащая война, ни забастовка не изгладили о нем память.

И через год много об этом говорилось и почему-то ждали, что и опять пріѣдет.

— Вот если бы был Короленко, этого не допустили бы! — часто можно было слышать.

На видном мѣстѣ висѣло нѣсколько групп, гдѣ был снят Короленко и с ним всѣ, кто только успѣл записаться у фотографа.

*

В 1916 году лѣтом В. Г. Короленко жил в старом зданіи в санаторіи д-ра Зернова, и дорожка к дому его была протоптана: не было, кажется, ни одного из пріѣзжих, кто бы не прошелся по ней — если и не к самому Короленкѣ, то по крайней мѣрѣ к дому так посмотрѣть, не пройдет ли, не выглянет ли?

Тѣ, кто жил в домѣ по сосѣдству с Короленкой, были счастливѣйшими людьми и столь же счастливыми считались всѣ тѣ, кому удавалось в столовой сидѣть за одним столом с Короленкой.

С Короленкой мог познакомиться всякій и очень просто: или просто подойти к нему, когда он шел к источникам, или через П. А. Митропана.

П. А. Митропан молодой прапорщик, начинающій писатель, лѣчился в Ессентуках; был он из Полтавы, знал Короленку и Короленко любил его: с удивительно чистыми глазами, кроткій, никакой не военный, но и не расхлябанный, крѣпкій и в плечах и в словѣ.

С П. А. Митропаном я сейчас же познакомился, а с Короленкой я только здоровался.

Разговаривать так, как с Митропаном, я не мог: мало ли когда глупость какую скажешь или чего сморозишь, с Митропаном все сойдет, а с Короленкой так неловко.

Мнѣ Короленко представлялся, да так оно и на самом дѣлѣ было, — очень занятым человѣком всякими тяжелыми и трудными дѣлами других людей и не безразлично, а с сердцем — «с желаніем» и с думой о каждом таком дѣлѣ.

Таких людей мало и рѣдки, и бережно подходишь к таким.

Я не знаю, должно быть, это и всегда так было, но начиная с войны особенно стало рѣзко выступать, а уж в революцію совсѣм, «выперло»: самые вопіющіе поступки, самыя позорныя дѣла стали об'яснять, а тѣм самым и успокаиваться, ничего не значущими словами в родѣ «по тактическим со-

ображеніям» или «военное время» или «революція» или «с массовой точки зрѣнія».

И то самое, что без «тактическаго соображенія», без «военнаго времени», без «массовой точки зрѣнія» просто называлось убійством, предательством, подлостью, тут же сходило за обыкновенное и принятое и нисколько не возмутительное, о чем можно было говорить легко и даже с улыбкой.

И это с войной стало входит в самую сердцевину человѣческаго.

И когда я думал о Короленкѣ послѣ встрѣч в столовой, на дорожкѣ и у воды, как он смотрит и отзывается, мнѣ ясно представлялось, насколько чужд он всему этому — и вот в чем отличіе его, и потому-то дорожка к старому зданію санаторіи протоптана и потому же столько счастливых людей ходит в Ессентуках.

Я думаю не потому только, что Короленко знаменитый русскій писатель, так всѣх тянуло хоть пройтись по одной с ним дорожкѣ, конечно, и такіе были, но именно вот это — это отличіе: его встрѣча и его проводы «человѣка», с которым сталкивала судьба —

> человѣк есть человѣк и при всяких «соображеніях» и при всяких стихійных явленіях и при каждой точкѣ зрѣнія остается человѣком, который может не только ѣсть и пить, но которому больно и мучается.

У нас случилось несчастіе: умерла мать С. П. Телеграмму переслали из Петербурга. С. П. была в отчаяніи. А ѣхать все равно невозможно: и поздно и по такому затору (военное время!) в недѣлю не доберешься, да и С. П. больная лежала.

Наша сосѣдка учительница Надежда Павловна из всѣх самая счастливая: она нежданно, негаданно встрѣтила, как выражалась, «свѣтлую личность» и могла разговаривать, а кромѣ Короленки в том же санаторіи жил Ив. П. Чехов, и она, как и многіе, смотрѣла на него, как на Антона Павловича.

Надежда Павловна, хорошая барышня, разсказала Короленкѣ.

И Короленко пришел к нам.

Конечно, и по его мнѣнію, ѣхать невозможно было.

Обыкновенными словами говорил он об этом и так еще разсказывал о деревнѣ, как он когда-то косил.

И от его слов было покойно и мирно.

В тяжелыя минуты даже и без слов один взгляд человѣка может многое сдѣлать для души человѣческой.

Потом когда С. П. оправилась, она часто встрѣчалась с Короленкой.

Я купил краснаго зайца: необыкновенно — красный, а ус черный, глаза — пуговицы черныя и без хвоста. Заяц изумительный: он смотрѣл и все понимал. И я не разставался с этим зайцем и всѣм его показывал, теребил за ус и повертывал.

— Владимир Галактіонович, — не удержался я, какой чудесный заяц, погладьте.

Короленко взял моего зайца и совсѣм ласково спросил меня, смотря еще ласковѣе:

— Вы убѣжденны, что неодушевленные предметы чувствуют?

Для меня в ту минуту было это так несомѣнно, я так носился с этим зайцем, и на такое у меня просто не было слов отвѣтить.

Короленко уѣхал в Полтаву еще в теплые дни.

А мы, сколько нас оставалось, в первые холодные, развозя всякій по своим мѣстам память о необыкновенном человѣкѣ, в душѣ и словѣ котораго столько тепла и свѣта — покоя и мира.

Тут в Германіи уж в 1922 году лѣтом в Breitbrunn'ѣ на Ammersee посчастливилось нам встрѣтить Маргариту Моргенштерн и познакомиться с Otto Bauer'ем, рѣдчайшим человѣком — большого свѣта.

Что-то родственное с Короленкой, только я так бы сказал: у Короленки не было «слова», а у Бауера «слово», которое различает и именует.

К несчастію моему, у меня нѣт такого слова, я чего-то не знаю и только чувствую, и потому, говоря так, я только намекаю, чтобы как-то сохранить образ человѣка.

Встрѣтить *человѣка* — это великое счастье!

*

И вот самыя важныя дѣла — билеты обратно и ванну достать (по военному времени и революціи это стало не так про-

сто!), и всякія событія — Государственное совѣщаніе, Корнилов, пропадали, когда начинал кто вспоминать о прошлом счастливом лѣтѣ — о Короленкѣ, который тут вот жил в старом зданіи, а обѣдал за вот этим самым столом, и всѣ его видѣли и могли с ним разговаривать, а вон и карточка, гдѣ сидит он с Ив. П. Чеховым, а кругом всѣ, кто успѣл записаться у фотографа.

А фотограф, восчувствовав, кого ему посчастливилось снять, вспоминая, хватался за голову: почему не снял больше карточек и во всяких видах и положеніях — а то нѣт ни у источников, ни около ванн, ни в аллеѣ на прогулкѣ.

— Скажите мнѣ, что я дурак! — в отчаяніи уж говорил фотограф, развѣсив и со внѣ и внутри своей фотографіи карточки, гдѣ всѣ мы были с Короленкой и Ив. П. Чеховым.

В разсказах всякій старался: повторял слова и сказанныя Короленкой и не сказанныя Короленкой.

Да, это великое счастье встрѣтиться с человѣком.

И это на всю жизнь.

X.

Из газет:

«Я повторяю, что внутренніе враги именно капиталисты, большіе и малые, и разные торговцы.»

«Я предлагаю с'ѣзду на мѣстах произвести баллотировку и каждый, на кого падет жребій, должен убить одного буржуя.»

«Я готов даже сейчас убить одного буржуя!»

*

На состоявшемся митингѣ было рѣшено: убить трех служащих, а остальных избить хорошенко и прогнать сквоз строй.

*

Минаева нарядили в женскую юбку, на голову надѣли мѣшок, а в руки дали лопату с надписью: «За тридцать серебренников продал свободу!» В таком видѣ до поздней ночи водили Минаева по селу, заставляя кричать:

«Я член продовольственной управы за тридцать серебренников продал Временное правительство!»

*

Иннокентій поселился в саду Липовецкаго монастыря, сад окрестил «раем», а себя Христом: он на бѣлом конѣ поѣдет на фронт и прекратит войну.

XI.

Извините, пожалуйста, вы господин Короленко?

— Нѣ-ѣт, какой я Короленко!

— А мнѣ сказали, тут Корленко.

— Бы-ыл, только это в прошлом году.

— Экая досада... А может, в Пятигорскѣ?

Я посовѣтовал написать в Полтаву, если какое дѣло: Короленко отвѣтит.

Так и разговорились: оказалось, служащій от Перлова, пріѣхал лѣчиться — сколько лѣт собирался и вот с революціей выбрался.

Помню, в Пензѣ был один, днем переряживался он китайцем, и китайцем стоял в магазинѣ для привлеченія публики и ни слова по-русски, и заговорит только послѣ службы, как одѣнется опять в «гражданское» платье.

Я обрадовался встрѣчѣ — что-то мнѣ напомнило того пензенскаго китайца — а с таким разговаривать не соскучишься, он свое дѣло знает, и стал я разспрашивать, какіе бывают чаи и в чем какая разница и всякія названія, что такое «тюльпан» и что такое «роза» и почему «любительскій», почему обертки разныя, разноцвѣтныя и что все это значит?

Об'ясняя мнѣ всякіе чаи — сорта и названія (все дѣло в названіи!) он нѣт-нѣт да чего-то спохватывался.

— Тут одно дѣльце, — не вытерпѣл, наконец, и вынул из кармана лоскуток бумаги, — пріятель в Кисловодск, т. е. не то что пріятель, хотѣл помочь человѣку через господина Короленка, и такой вышел ералаш. Можно вам оставить для просмотра? Человѣк-то хорошій, а сомнѣвается. Что-нибудь исправить или как думаете?

*

«Я нижеподписавшійся московскій купец варшавской фирмы «Свѣт» по взаимному согласію с Маріей Степановной рѣшили жить гражданским браком, а потому я обязуюсь выполнить слѣдующія условія:

1. Во время пребыванія на курортѣ в Ессентуках выдать ей за мѣсяц с 10-го августа по 10-е сентября пятьсот (500) рублей.

2. Когда переѣдем в Москву, я буду выдавать, пока не будем жить вмѣстѣ, по 500 руб. в мѣсяц.

3. В обезпеченіе ея дальнѣйшаго существованія я обязуюсь за каждый прожитый год со мной выдавать ей или вносить на ея имя в Государственный или Частный Банк по 5.000 руб. (пять тысяч рублей), начиная считать первым годом с 1 августа 1917 г. по 1. авг. 1918 год, если между нами не произойдет разногласія.

4. Если Марія Степановна пожелает взять своих двух дочерей, я согласен и обязуюсь дать им полное содержаніе и воспитаніе, а также обезпечить в будущем.

5. В случаѣ моей смерти я завѣщаю ей, как гражданской женѣ, ту часть моего состоянія, какая полагается по закону гражданской женѣ.

6. Марья Степановна со своей стороны обязуется быть любящей и вѣрной гражданской женой, а кромѣ того обѣщает она, пока не будем жить вмѣстѣ, приходить ко мнѣ каждый день.

Подпись.

Я нижеподписавшаяся на всѣ вышеуказанныя условія согласна и обязуюсь все исполнять, как честная гражданская жена».

XII.

Проходил медвѣдчик с медвѣдем — медвѣд Шурка — с медвѣдем и с обезьяной.

Пѣл медвѣдчик медвѣжью пѣсню — пѣсней и начиналось. А медвѣдь показывал —

как кисловодскія кухарки ходят,

как барышни танцуют.

Это я все с балкона видѣл в сосѣднем саду.

*

Иду ужинать в столовую: медвѣдчик вижу — медвѣдчик с медвѣдем и обезьянка — обезьянка идет — старается по-медвѣжьи — —

А сзади ребятишки:

и страшно и любопытно,

и хочется поближе и медвѣдь с'ѣст!

Я пошел с ребятишками сзади.

Впереди медвѣдчик с медвѣдем, за медвѣдем по-медвѣжьи обез'янка, а за обез'янкой нас ватага:

и страшно и тянет!

Не видно ни Бештау, ни Верблюда, ни Быка. Я больше всѣх люблю Верблюда. Дождь.

В Пятигорскѣ за билетами.

Очередь — хвост или, как теперь тут в Германіи, die Schlange — змѣй.

Прошлись по дорожкам Лермонтова, заглянули во всѣ уголки, гдѣ жил он, и туда, гдѣ была дуэль.

И опять в хвост.

Я думал о Лермонтовѣ — о лермонтовской «прозѣ» несравненной неповторяемой — игольчатой, свѣтящейся демонской иглой.

Подходит дѣвочка-нянька и с ней двѣ совсѣм маленькія:

— Запишите!

— А вам куда ѣхать?

— Никуда.

— Зачѣм же вас записывать?

— Запишите!

— Да куда же?

— На матерію.

И только я ей сочувствую — смѣются! —

— Керенскій убит, Корнилов диктатор.

— Диктатор Каледин, а Корнилов об'явлен измѣнником: за то, что солдатам обѣщал в недѣлю кончить войну, а отдал Ригу.

Сегодня Ивана Постнаго — «Пляс Иродіады».

— Если поститься, голова никогда не будет болѣть.

— В Бологовѣ путь закрыт.

— Посредники: Алексѣев и Милюков.

Ну слава Богу, билеты в Петербург есть.

И я в тысячный раз говорю себѣ: никогда никуда!

*

К вечеру прояснилось — билеты тут! — ожил Бык и Веролюд. Я и Быка люблю. А там в туманѣ — дымящійся демонскій «мохнатый» Машук.

Я шел по аллеѣ к лавкам купить табаку.

Меня остановила маленькая дѣвочка.

— Стань — сказала она, — я тебя сниму.

Я посмотрѣл в ея лукавыя глазенки.

— Ну, снимай! — говорю.

Она вынула коробочку, пальчиком там повела, как что-то фотограф дѣлает.

— Готово! — и подает мнѣ листок: вот ваша карточка.

Навстрѣчу шли солдаты: впереди в штатском — вели офицера.

Видно было, очень взволнован, молодой еще, загар в лицо бросился.

— Смотрите, солдаты! А я думала их уже нѣт! — крикнула вдогонку какая-то простая женщина.

А я вспомнил из газеты — Церетелли:

«Несознательные элементы арміи!»

И пошел дальше за солдатами — билет тут и листик!

Точнѣе есть по нѣмецки слово «verhaften» — «задержать» — что-то близкое с нашим «схватить».

И мнѣ неспокойно стало — чего-то неловко.

«Революція — контрреволюція, verhaften — схватить...»

XIII.

В горячіе дни — а теперь опять все горит — я чувствую, идет со свѣжим утром, с туманами, а ночами вся-то звѣздная —

осень.

И в мое окно —

кремнистый путь блестит.

*

Сегодня во время ужина обходил столы какой-то офицер из санаторіи, собирал на больного учителя. И этот учитель с ним же ходил, докторское свидѣтельство показывал: куда офицер, туда и учитель.

Горло завязано и так смотрит — ну, так как-то — и до чего так эта бѣда унижает!

Смотрѣть больно.
Так вот оно что это значить —
— — кремнистый путь блестит.

*

Мы живем в Зимнем дворцѣ, там же и Иванов — Разумник. У меня в комнатѣ замѣчательный ковер — красный пушистый бобрик. Карташов читает свою драму о кофеѣ — «карташовскій кофе»: первый кофе — настоящій, а когда воды подольют — карташовскій. Бывшіе царскіе лакеи обносят кофеем. Отхлебнул — кофе карташовскій! Карташов читает драму. В концѣ перваго акта появляются вѣдьмы. И на самом дѣлѣ онѣ явились, я это почувствовал. А Карташов стал раздѣваться: на нем холщевые штаны, он их снял через голову. И пропал. Пропал и Иванов-Разумник. И хозяин Александр Федорович, который зашел было пьесу послушать. И я остался один. И вот онѣ стали заходить кругом — я не шевелился, как скован, ждал — и одна за другой стали онѣ вокруг. Я видѣл только лица — какія, ой, какія — безпощадныя! Если бы я протянул руку, моя рука отсохла бы. Онѣ смотрѣли — буравчики буравили в стеклах их глаз. А сила их была непод'емная.

Какія слова, какое чувство — — ну что вы? что вы хотите?

И я открыл глаза — луна! — в окно —
— — кремнистый путь блестит.

XIV.

И опять дорога — Ессентуки-Москва-Петербург — и еще неувѣреннѣе и суматошнѣе.

Поѣзд по-долгу стоит в пути — «топлива нѣт». А перед нами было крушеніе: товарный сошел с рельсов.

— По инерціи, — об'яснил кондуктор и чего-то задумался, — нѣт, Василій Иванович, этот номер не пройдет.

И долго повторял, добродушно укоряя Василія Ивановича.

— Не Василій Иванович, — поправил какой-то, — Александр Федорович!

— Александр Федорович, — обрадовался кондуктор, — Александр Федорович *Керенскій*.

По дорогѣ вдогонку, как шлепки, солдаты:

— Бей буржуев!

А в вагонѣ путаница: кто с платцкартой, кто без, не разобрать.

Одну ночь я проспал на верху «схвостившись» (по современному «сконтактовавшись») с сосѣдом, а другую вот сижу на тычкѣ.

*

— Личное оскорбленіе, — тянул какой-то жулик, — совѣсть не позволяет.

— Стыдно и грѣх, за рукав тащут: не поступишь в союз, тебя мѣшком закроют.

— Готовы шкуру содрать.

— А у меня кружку украли: поставил грѣть у источника, хватился, нѣт, украли.

— Рѣчами Керенскаго кричит безсиліе.

— Накачнется на шею, в острог попадешь.

— Солдаты шли из-под палки, а когда палку взяли, они и разѣхались.

— Не всѣ.

— Маша без души осталась из-за штиблетов: украли.

— Хоть в бутылку полѣзай, дѣваться некуда.

— Озаровали ... свобода! свобода для пьянства, лежи на боку!

— Я мальчик молоденькій, пятьдесят лѣт у хозяина служил, без Бога не до порога.

— От одеколону дурман на полчаса.

— Ноги у него обвязаны в родѣ шпіона, солдатскій депутат.

— Нѣт, это хорошая барыня.

— Когда лучше было: при царѣ или теперь?

— И тогда и теперь.

— Нѣт, не так.

— Нѣт теперь лучше: я возьму у тебя мѣшок и мнѣ ничего не сдѣлают, а при царѣ в суд.

— Русское царство затѣснится, русское слово уйдет подспуд, русским людям одно останется — молитва.

— Я больше всего люблю танцы: как они красят самого обыкновеннаго человѣка. А оттого, что в движеніи полет: хоть чуточку от земли.

—Это как бы умер любимый человѣк. И вот эти дни прожил я, как у постели умирающаго. Сердце мое было расколено. А сегодня я понял и принял судьбу, как очищающую кару.

— Да, или умереть или принять.

— А она совсѣм с толку сбилась. Говорит уж сама с собой, и не с собой, а с тряпками. «С людьми, говорит, уже не могу, так с тряпочками!»

— Вот вам безкровная революція.

— Или умереть или принять.

— На трех китах жила земля. Был безпорядок, но и был устой: купцы торговали, земледѣльцы обрабатывали землю, солдаты сражались, фабричные работали. Все перепуталось.

— Пріѣхал батюшка молебен служить. Всегда служил на Троицу. А тут встрѣтили неодобрительно.А двое парней — бѣглые с войны — взяли да и выкололи глаза Николѣ: «Этакую икону, — говорят, — самим можно написать, это дѣло рук человѣческих!» Была засуха да вдруг ливень и с градом. Возвращались парни из деревни, перекувырнуло лодку, они и утонули. И ѣхала с ними дѣвчонка, ту волной к ракитам прибило, она и уцѣлѣла: нашли полумертвую—оглохла и ослѣпла.

— А дѣвчонку-то за что?

— — — —

Я заглянул в окно — Москва! — а ничего не видать: дождь.

XV.

На вокзалѣ в Петербургѣ встрѣтил нас Иван Сергѣевич и Любовь Исааковна: И. С. по обыкновенію молча, а Любовь Исааковна и удивленно (как могли мы назад пріѣхать, когда всѣ уѣзжают и она сама уже на от'ѣздѣ!) и встревоженно.

— Курица 5 рублей!

«Курица 5 рублей!»—дѣло не в курицѣ, и в мирное-то время когда она стоила 75 копеек, когда мы ее покупали! — дѣло в рублях.

И не в пяти рублях, а в ста пятидесяти.

Дома нас ожидало много непріятных вещей и неожиданнаго и все с рублями: сейчас же явился старшій дворник — платить за квартиру, но главное-то эти полтораста...

Перед отъѣздом загодя я дал их знакомому, чтобы тот внес в срок, а знакомый-то, и такой всегда точный, а тут за дѣлами, должно быть, забыл и уѣхал, и вот надо онять платить — требуют! — и нечѣм.

Посмотрѣл я на свою комнату: рыжіе тараканы.

Без нас наползли: плохо. Это нищета ползет.

А все — таки дома, это я так почувствовал в первый же день.

Тяжело там — хотѣл сказать «по заграницам!» — тяжело по «градам и весям», гдѣ всѣм есть до тебя дѣло и никому до тебя.

Осенній ясный день.

И только жуткій вихрь носится над Петербургом.

XVI.

Который день я с утра выхожу из дому —
надо достать этих денег!

Не знаю, что и дѣлается на свѣтѣ, не успѣваю прочитать газету.

Заглянул случайно: «Демократическое совѣщаніе» — и заломнилось из слов:

«Да здравствует безсмертная революція!»

А надо достать денег — 150 рублей. И еще об'ясняться, что нѣт таких денег, но что непремѣнно заплачу.

И всѣ «бѣгут» из Петербурга: кого пугает революція («что еще будет!»), кого голод («с продовольственным вопросом не справятся!»), кого нѣмцы («взяли Ригу, возьмут и Петербург!»), а с нѣмцами — аэропланы! И не знаю уж, кого просить.

— Да здравствует «безсмертная» революція!

XVII.

Сегодня в первый раз с нашего пріѣзда растопил я печку.

Иван Сергѣевич из дому получил посылку: масло, мед и еще что-то, не помню.

Когда я стоял у плиты, — пасмурный день, моросит с утра, — я почувствовал вдруг, как мнѣ — как через голову мою черное что-то прошло, точно черное облако.

Сразу же хватился — это было глубочайшее чувство.

И прошло — и только осталось: чего-то мнѣ тоскливо.

И я подумал, это от всѣх дней бѣготни, об'ясненій, просьб, отказа, от этих дней, когда с утра выходил из дому, чтобы просить.

Вернулась домой С. П. — она тоже всѣ эти дни ходила — сѣли обѣдать.

Иван Сергѣевич посылку получил! — а мнѣ все равно.

Пасмурный вечер. Ко всенощной зазвонили. Завтра воскресенье.

Хотѣли к Федору Ивановичу пройти — это Ф. И. Щеколдин нас выручил: неловко нам было обращаться к нему, вѣдь он и тѣ 150 перед нашим от'ѣздом дал! — Ф. И. на Кронверкском, гдѣ Горькій. Боюсь: сыро, дождик, темно.

И не пошли.

Попили чаю одни.

Позаниматься бы, а ничего не дѣлается. И на мѣстѣ не сидится.

И стал я оклеивать стѣну «серебряной» бумагой — изпод шеколада мнѣ собирали, много у меня ея было.

И так до глубокой ночи — и спать не хочется.

Лег все-таки —

XVIII.

— — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — —

XIX.

Тот день для меня был роковой: я захворал крупозным воспаленіем легких.

Захворал о ту же пору А. И. Котылев, не знаю за что не раз выручавшій меня в литературных дѣлах моих в самое крутое для нас время. И слышу, помер.

А меня спасло.

С. П. ухаживала за мной, не вынесла, и послѣдніе дни мы лежали оба.

И это для меня было самым тяжким: вѣдь из-за меня! — и я ничѣм не мог ей помочь.

За недѣлю, как я поднялся, я написал «Огневицу» — мою память о снах и видѣніях за болѣзнь, и «Слово о погибели» — «вѣчную память» — погребальное слово мое, переговоренное «без слов» тогда еще там ночью в Кремлѣ послѣ всенощной.

У меня такая крѣпь на душѣ — поет. И все мнѣ любо. Сколько во мнѣ сил сейчас. Чего-то радуется. Слушаю, смотрю. Чего-то просится —

и чей-то голос зовет меня —

Дом наш переполнен любовью. И эта любовь свѣтит мнѣ.

А сегодня я встрѣтил человѣка — нѣжнѣйшей души.

Это И. С. Биск — старый знакомый С. П. — приходил прощаться.

XX.

25-го октября.

Вчера опять началось выступленіе. Сегодня арестовано «временное правительство» — узнали послѣ обѣда.

25 минут 10-го вечера (по моим) с Авроры выстрѣл.

*

Видѣл во снѣ земляннику, будто цѣлая корзинка, да мыть надо — грязная. И розу, которую положили С. П. Уписывал, как кот курёнка. А живем мы в гостинницѣ.

*

На другой день из газет:

«В час ночи в квартиру Цвернера, находящуюся в 6-том этажѣ д. № 13 по Демидову переулку, влетѣл артиллерійскій снаряд вѣсом около 10 пудов. Пробив стѣну, снаряд упал на письменный стол. Так как взрыва не послѣдовало, то обошлось без жертв.»

Алексѣй Ремизов.

Отрывки из книги „Земныя примѣты".

Таинственная скука великих произведеній искусства, — одних уже наименованій их: Венера Милосская, Сикстинская Мадонна, Колизей, Божественная Комедія (исключеніе Музыка. «Девятая Симфонія», — это всегда вздымает!).

Точно на них пудами навязла скука всѣх их читателей, чтителей, попечителей, толкователей . . .

И таинственное притяженіе міровых имен: Елена, Роланд, Цезарь (включая сюда и творцов выше названных твореній, если имена их пребыли).

Сказанное относится к звуку имен их, к моему слуховому воспріятію. Касательно же сущности — слѣдующее:

Творенію я несомѣнно предпочитаю Творца. Возьмем Джоконду и Леонардо. Джоконда — абсолют, Леонардо, нам Джоконду давшій — великій вопросительный знак. Но может быть, Джоконда и есть отвѣт на Леонардо? Да, но не исчерпывающій. За предѣлами творенія (явленнаго!) еще цѣлая бездна — Творец: весь творческій Хаос, все небо, всѣ нѣдра, всѣ завтра, всѣ звѣзды, — все, обрываемое здѣсь земною смертью.

Так абсолют (твореніе) превращается для меня в относительность: вѣхи к Творцу.

— «Но это уничтоженіе искусства!» — Да. Искусство не самоцѣль: мост, а не цѣль.

Произведеніе искусства отвѣчает, живая судьба спрашивает (Тоска рожденнаго по воплощенію в искусствѣ!). Произведеніе искусства, как совершенное, приказует, живая судьба, как несовершенное, просит. Если ты хочешь *абсолюта*, иди к Венерѣ — Милосской, Мадоннѣ — Сикстинской, Улыбкѣ — Леонардовской, если ты хочешь дать абсолют (отвѣтить!) иди к Афродитѣ — просто, Маріи — просто, Улыбкѣ — просто: минуя толкованіе — к первоисточнику, т. е. дѣлай то же, что дѣлали творцы этих твореній, безымянных или именных.

Этим ты не умаляешь ни Гёте, ни Леонардо, ни Данте. Твоя нѣмота перед ними — твоя дань им. Что можно отвѣтить на исчерпывающій отвѣт? Молчишь.

Но если ты рожден в мір — давать отвѣты, не застывай в блаженном небытіи, не так творили и не этого, творя, хотѣли Гёте, Леонардо, Данте. Быть опрокинутым — да, но умѣть и встать: припав — оторваться, пропав — воскреснуть.

Колѣнопреклонись — и иди мимо: в мір нерожденный, несотворенный и жаждущій.

В этой *отбрасывающей* силѣ и есть главная сила великих произведеній искусства. Абсолют отбрасывает — к созданію абсолютов же! В этом и заключается их дѣйственность и вѣчная жизнь.

Но между Джокондой (абсолютным толкованіем Улыбки) и мною (сознаніем этой абсолютности) не только моя нѣмота, — еще милліарды толкователей этого толкованія, всѣ книги о Джокондѣ написанныя, весь пятивѣковый опыт глаз и голов, над ней тщившихся.

Мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

Абсолютна, свершена, совершенна, истолкована, залюблена. Единственное, что можно перед Джокондой — *не быть*.

«Но Джоконда улыбкой — спрашивает!» На это отвѣчу: «Вопрос ея улыбки — и есть отвѣт ея.» Неизбѣжность вопроса и есть абсолют отвѣта. Сущность улыбки — вопрос. Вопрос дан в непрерывности, слѣдовательно дана сущность улыбки, отвѣт ея, абсолют ея.

Толковать Улыбку (Джоконду) ученым, художникам, поэтам и царям — безсмысленно. Дана Тайна, тайна как сущность и сущность как тайна. Дана Тайна в себѣ.

Любить — видѣть человѣка таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

Не любить — видѣть вмѣсто него: стол, стул.

Дочь, у которой убили отца — сирота. Жена, у которой убили мужа — вдова. А мать, у которой убили сына?

Всегда крещусь, переѣзжая через рѣку. Подумать не успѣв. Любопытно, есть ли в народѣ такая примѣта? Если нѣт, значит — была.

Родство по крови грубо и прочно, родство по избранію — тонко. Гдѣ тонко, там и рвется.

«Я вас не оставлю!» Так может сказать только Бог — или мужик с молоком в Москвѣ, зимой 1918 г.

Я и Театр:

Я принадлежу к тѣм зрителям, которые, по окончаніи мистеріи, разрывают на части Іуду.

Вся тайна в том, чтобы сто лѣт назад видѣть, как сегодня, и сегодня — как сто лѣт назад.

(Уничтоженіе... я хотѣла написать: пространства. Нѣт, времени. Но «время» не мыслишь иначе как: разстояніе. А «разстояніе» — сразу версты, столбы. Стало-быть: версты, это пространственные годы, равно как год — это во времени — верста.

Так или иначе, но перемѣщать годы и версты — нужно.)

Верста: уводящая! Насколько это лучше «исходящей» (О «входящей» уже не говорю: вошла — так осталась!).

Любов — как заговор:

Zur rechten Zeit,
Am rechten Ort,
Der rechte Mann —
Das rechte Wort.

И главное — Wort! Zeit, Ort, Mann — уступаю.

Когда я уѣзжаю из города, мнѣ кажется, что он кончается, перестает быть. Так о Фрейбургѣ, напр., гдѣ я была дѣвочкой. Кто то разсказывает: «В 1912 г., когда я, проѣздом через Фрейбург»... Первая мысль: «Неужели?» (То есть: неужели он, Фрейбург, есть, рподолжает быть?). Это не самомнѣніе, я знаю, что я в жизни городов — ничто. Это не: *без меня?!* а: *сам по себѣ?!* (То-есть: он дѣйствительно есть, внѣ моих глаз есть, не я его выдумала?).

Когда я ухожу из человѣка, мнѣ кажется, что он кончается, перестает быть. Так и о Z напр. Кто то разсказывает: «В 1917 г., когда я встрѣтился с Z»... Первая мысль: «Неужели?» (То есть: неужели он, Z, есть, продолжает быть?). Это не самомнѣніе, я знаю, что я в жизни людей — ничто...

«Кончается, перестает быть.» Здѣсь нужно различать два случая.

Первый:

Сильно ожитые (оживленные? выжатые?) мною люди и города пропадают безвозвратно: как проваливаются. Не гулкіе Китежи, — глухіе Геркуланумы.

Города и люди же, лишь бѣглым игралищем мнѣ служившіе — застывают: на том самом мѣстѣ, на том самом жестѣ. Стереоскоп.

Когда я слышу о первых, я удивляюсь: неужели *стоит?* Когда я слышу о вторых, я удивляюсь: неужели *растет?*

Повторяю, это не самомнѣніе, это глубокое, невинное, подчас радостное изумленіе. Слушаю, разспрашиваю, участвую, сочувствую . . . и, втайнѣ: «Не Фрейбург. Не тот Фрейбург. Личина Фрейбурга. Обман. Подмѣна.»

Надо, в Революціи, многое запереть на ключ: все, кромѣ сундуков! И, заперев, закинуть этот ключ . . . но и моря такого нѣт!

Нѣт, заперев, молча и мужественно вручить этот ключ — Богу.

Бог я произношу, как утопающій: вздохом. Смутное чувство: не надо Бога тревожить (знать), когда сам можешь. А «можешь» с каждым днем растет . . .

Есть у Мандельштама об этом изумительный (отроческій) стих:

. . .«Господи! — сказал я по ошибкѣ,
Сам того не думая сказать» . . .
и — дальше:
«Имя Божье, как большая птица,
Вылетѣло из моей груди» . . .

Нечаянно. — Но я никогда не дерзну назвать себя вѣрующей, и это — молитвой.

Что я в ущерб чему в жизни ни провозглашала!

Фотографію в ущерб портрету, крѣпостное право в ущерб вообще праву, капусту в ущерб розѣ, Марѳу в ущерб Маріи, старовѣров в ущерб Петру . . . Самое обратное себѣ — в ущерб самой себѣ!

И не из спорта (отсутствует!), не для спора (страдаю!) — из чистой справедливости: прав, раз обижен.

И еще: из полной невозможности со-чувствія (-мыслія, -любія) с лицемѣрами, втайнѣ безспорно предпочитающими: фотографію — портрету, крѣпостное право — просто-праву, капусту — розѣ, Марѳу — Маріи, длиннобородых — Петру!

Но есть еще тайна: вещь, обиженная, начинает быть правой. Собирает всѣ свои силы — и выпрямляется, всѣ свои права на существованіе — и стоит.

(NB Дѣйственность гонимых идей и людей!)

Нѣт вѣдь окончательной лжи, у каждой лжи вѣдь хотя бы один луч — в правду. И вот она вся идет по этому лучу. Обнаруженная и покаранная вина уже становится бѣдою, отвѣтственность спадает на головы судей. Преступник, осужденный здѣсь, перед Богом чист. Но есть еще тайна, и страшнѣйшая, быть-может: заразность караемых нами недугов, наслѣдственность вины. Преступник, насильственно избавляемый нами от болѣзни, передает нам болѣзнь. Каждый судья и палач — наслѣдник.

Есть еще в этом какая то воля крови. Кровь земная проливаться должна. Преступника нѣт, ближайшій родственник палач (или судья, равно!). Недопролитая преступником кровь вопіет к палачу: пролей! Секунда казни — секунда союза. Первая капля брыянувшей преступниковой крови — уже вступленіе во владѣніе ... и обязанности.

Есть браки таинственнѣе мужа и жены.

(Таинственное соотвѣтствіе: алтарь, плаха; топор, крест: народ, хор;судья, священник; палач и жертва — брачующіеся; вмѣсто невидимаго Бога — невидимый Чорт. Чортова свадьба наоборот, с тою же непреложностью безмолвнаго обѣта.)

Ни одна правда (из царства Там) не может не сдѣлаться ложью в царствѣ Здѣсь. Ни одна ложь (из царства Здѣсь) не может не сдѣлаться правдой в царствѣ Там.

Правда — перебѣжчица.

В комиссаріатѣ:

Я, невинно: «А трудно это — быть инструктором?»

Моя товарка по комиссаріату, эстонка, коммунистка: «Совсѣм не трудно! Встанешь на мусорный ящик — и кричишь, кричишь, кричишь» ...

Буржуазіи для очистки снѣга запретили пользоваться лошадиными силами. Тогда буржуазія, не долго думая, наняла себѣ верблюда. И верблюд возил. И солдаты сочувственно смѣялись. — «Молодцы! ловко обошли декрет!»

(Собственными глазами видѣла на Арбатѣ.)

«О ты, единственное блюдо
Коммунистической страны!»
(Стих о воблѣ в газетѣ «Всегда вперед!»)

Люди театра не переносят моего чтенія стихов: «Вы их губите!» Не понимают они, коробейники строк и чувств, что дѣло актера и поэта — разное. Дѣло поэта: вскрыв — скрыть. Голос для него броня, личина. Внѣ покрова голоса — он гол. Поэт всегда заметает слѣды. Голос поэта — водой — тушит пожар (строк). Поэт *не может* декламировать: стыдно и оскорбительно. Поэт — уединенный, подмостки для него — позорный столб. Преподносить свои стихи голосом (наисовершеннѣйшим из проводов!) использовывать *Психею* для *успѣха?!* Достаточно с меня великой сдѣлки записыванія и печатанія!

— Я не импрессаріо собственнаго позора! —

Актер — другое. Актер — вторичное. Насколько поэт — être, настолько актер — paraître. Актер — упырь, актер — плющ, актер — полип. Говорите, что хотите: никогда не повѣрю, что Иван Иванович (а всѣ они — Иваны Ивановичи!) каждый вечер волен чувствовать себя Гамлетом. Поэт в плѣну у Психеи, актер Психею хочет взять в плѣн. Наконец, поэт — самоцѣль, покоится в себѣ (в Психеѣ). Посадите его на остров — перестанет ли он *быть?* А какое жалкое зрѣлище: остров — и актер!

Актер — для других, внѣ других он не мыслим, актер — из-за других. Послѣднее рукоплесканіе — послѣднее біеніе его сердца.

Дѣло актера — час. Ему нужно торопиться. А главное — пользоваться: своим, чужим, — равно! Шекспировскій стих, собственная тугая ляжка, — все в котел! И этим сомнительным пойлом вы предлагаете опиваться мнѣ, поэту?! (Не о себѣ говорю и не за себя: Психею!).

Нѣт, господа актеры, наши царства — иныя. Нам — остров без звѣрей, вам — звѣри без острова. И не даром вас в прежнія времена хоронили за церковной оградой!

(Исключеніе для: пѣвцов, порабощенных стихіей голоса, растворяющихся в ней, — для актрис, то-есть: женщин: то-есть: природно себя играющих, — и для всѣх тѣх, кто, прочтя меня, *понял* — и *пребыл).*

Все это, и несомнѣнно это, а не иное, уже было высказано тѣм евреем, за котораго всѣх русских отдам, продам, предам, а именно: Генрихом Гейне — в слѣдующей сдержанной замѣткѣ:

«Театр не благопріятен для Поэта, и Поэт не благопріятен для Театра».

Мастерство бесѣды в том, чтобы скрыть от собесѣдника его нищенство. Геніальность — заставить его, в данный час, *быть* Крезом.

Москва сейчас смотрит на трамваи с недовѣріем, как на воскресшаго Лазаря. (И, мгновенно забывая и Москву и трамваи: а вѣдь недовѣріе Лазаря к міру — страшнѣе!).

Лазарь: застеклянѣвшіе навѣк глаза. Лазарь — глаза — Glas . . И еще: glas des morts . . (Неужели от этого?)

«Воскреси его, потому что нам без него скучно!» — то же самое, что: «Разбуди его, потому что мы без него не спим» . . . Развѣ это довод? — О, какое мертвое, плотское, чудовищное чудо! Какое насиліе над Лазарем и какое — страшнѣйшее — над собой!

Лазарь, возвращающійся *оттуда:* мертвый к живым, и Орфей, спускающійся *туда:* живой — к мертвым . . . Разверстая яма и Елисейскія поля. — Ах, ясно! — Лазарь *оттуда* мог принести только тлѣн: дух, в Жизнь воскресшій, в жизнь не «воскресает». Орфей же из жизни ушел — в Жизнь. Без чужого велѣнія: жаждой своей.

(А, может быть, просто обряд погребенія? Там — урна, здѣсь — склеп. Орфею навстрѣчу в Аидѣ двинулся призрак, из пепла возставшій. А Маріи и Маѳѣ — труп).

Как мнѣ жаль Христа! Как мнѣ жаль Христа за его насильственныя чудеса! Христос, пришедшій горы двигать — словом! «Докажи, тогда повѣрим!» — «Вѣрим, но подтверди!» Между чудом в Канѣ (по просьбѣ Маріи) и испытующим перстом Ѳомы — странная перекличка. Если бы Марія была зорче, она бы, вслѣд за превращеніем воды в вино, увидѣла другое превращеніе: вина — в кровь . . .

Убѣждена, что Іоанн у Христа не просил чудес.

В Комиссаріатѣ: (З М).

— Ну, как довезли картошку?

— Да ничего, муж встрѣтил.

— Вы знаете, надо в муку прибавлять картошку. ⅔ картошки, ⅓ муки.

— Правда? Нужно будет сказать матери.

У меня: ни матери, ни мужа, ни муки.

«Пражская столовая» на углу Николо-Псковскаго и Арбата. Помню, в военныя времена, бюст Бонапарта. Февральская Революція смѣнила его на Керенскаго. Ах, о Керенском! Есть у меня такой сувенир: бирюзовая картонная книжечка с золотым ободком, распахнешь: слѣва разбитое зеркальце, справа — Керенскій. Керенскій, денно и нощно глядящійся в дребезг своих надежд. Эту реликвію я получила от няньки Нади, в обмѣн на настоящее зеркало, цѣльное, без Диктатора.

Возвращаясь к столовой: Керенскаго Октябрь замѣнил Троцким. Устрашающая харя Троцкаго, взирающая на пожирающих дѣтей. И еще Марксом, который, занятый Троцким, на дѣтей не глядит. Пресловутый и спорный суп, кстати, дѣти выплескивают в миску сэнбернара *Марса*, с 12 ч. до 2 ч. дежурящаго у дверей. Иногда перепадает и в миски нищенок: Марс не ревнив.

Неприлично быть голодным, когда другой сыт. Корректность во мнѣ сильнѣе голода, — даже голода моих дѣтей.

— Ну как у Вас, все есть?

— Да, пока слава Богу.

Кѣм нужно быть, чтобы так разочаровать, так смутить, так уничтожить человѣка отрицательным отвѣтом?

— Просто матерью.

(Сейчас, в 1923 г., ставлю вопрос иначе:

Кѣм нужно было быть, чтобы тогда, в 1919 г., в Москвѣ, зная меня, видя моих дѣтей — так спрашивать?!

— Просто «знакомым»).

(Вторая помѣтка:

Не корректность, — чуткость на интонацію! Вопрос диктует отвѣт. На «ничего нѣт» в лучшем смыслѣ послѣдовало бы: «как жаль!»

Дающій не спрашивает).

Жестокосердые мои друзья! Если бы вы, вмѣсто того, чтобы угощать меня за чайным столом печеньем, просто дали мнѣ на завтра утром кусочек хлѣба . . .

Но я сама виновата, я слишком смѣюсь с людьми.

Кромѣ того, когда вы выходите, я у вас этот хлѣб — краду.

Мои покражи в Комиссаріатѣ: два великолѣпных клѣтчатых блок-нота (желтых, лакированных), цѣлая коробка перьев, пузырек англійских красных чернил. Ими и пишу.

Кривая вывозит, прямая топит.

Вмѣсто «Монплѣнбѣж», задумавшись, пишу «Монплэзир» (Monplaisir — нѣчто вродѣ маленькаго Версаля в XVIII в.).

Мое «не хочу» всегда: «не могу». Во мнѣ нѣт произвола. «Не могу» — и кроткіе глаза.

Мое «не могу» — нѣкій природный предѣл, не только мое, всякое. В «хочу» нѣт предѣла, поэтому нѣт и «не хочу».

Не хочу — произвол, не могу — необходимость. «Чего моя правая нога захочет» ... «Что моя лѣвая нога сможет», — этого нѣт.

Не могу священнѣе не хочу. Не могу, это всѣ переборотыя не хочу, всѣ исправленныя попытки хотѣть, — это послѣдній итог.

Мое «не могу» — это меньше всего немощь. Больше того: это моя главная мощь. Значит, есть что-то во мнѣ, что вопреки всѣм моим хотѣніям (над собой насиліям!) все-таки не хочет, вопреки всей моей хотящей волѣ, направленной против меня, не хочет за всю меня, значит есть (помимо моей воли!) — «во мнѣ», «мое», «меня», — есть я.
мнѣ», «мое», «меня», — есть я.

Не хочу служить в Красной Арміи. Не могу служить в Красной Арміи. Первое предпосылает: «Мог бы да не хочу!» Второе: «Хотѣл бы, да не могу». Что важнѣе: не мочь совершать убійства, или не хотѣть совершать убійства? В не мочь — вся наша природа, в не хотѣть — наша сознательная воля. Если цѣнить из всей сущности волю — сильнѣе, конечно: не хочу. Если цѣнить всю сущность — конечно: не могу.

Корни не могу глубже, чѣм можно учесть. Не могу растет оттуда, откуда и наши могу: всѣ дарованія, всѣ откровенія, всѣ наши Leistungen — руки, двигающія горы, глаза, зажигающіе звѣзды. Из глубин крови или из глубин духа.

Я говорю об исконном не могу, о смертном не могу, о том не могу, ради котораго даешь себя на части рвать, о *кротком* не могу.

Утверждаю: не могу, а не не-хочу создает героев!

Да будет мое не хочу — не могу: великим и послѣдним не хочу всего существа. Будем *хотѣть* самых чудовищных вещей. Ноги, ступайте! Руки, хватайте! — чтобы в послѣднюю минуту: ноги вкопанныя, топор — из рук: не могу!

Будем начинать с хотѣнія! Перехотим все! «Не могу» без всѣх испробованных «хочу» — жалкая немощь и, конечно, кончится: могу.

— Но если я не только не могу (предать, скажем), если я еще и не хочу *мочь?* (предать).

Но в настоящих устах не хочу и есть не могу (не воля моя одна, а вся сущность моя не хочет!), но в настоящих устах не могу и есть не хочу (не безсознательная сущность моя одна, но и воля моя не хочет!).

Не могу этого хотѣть и не хочу этого мочь.

— Формула. —

Не могу: 1) взять в руки червя, 2) не встать на защиту (прав, виноват, здѣсь, за сто верст, днесь, за сто лѣт, — равнò), 3) встать на защиту — свою, 4) любить совмѣстно.

Стоит мнѣ только начать разсказывать человѣку то, что я чувствую, как — мгновенно — реплика: «Но вѣдь это же разсужденіе!»

Чувства, для людей, это какія то простоволосыя Фуріи, нѣчто не в них происходящее: на них обрушивающееся. Вродѣ каменнаго обвала, под которым они сразу — в кашу!

— иначе:

Четкость моих чувств заставляет людей принимать их за разсужденія.

Я не влюблена в себя, я влюблена в эту работу: слушаніе. Если бы другой так же дал мнѣ слушать себя, как я сама даю (так же дался мнѣ, как я сама даюсь), я бы так же слушала другого.

О других мнѣ остается только одно: гадать.

— Познай самого себя! —

Познала. — И это нисколько не облегчает мнѣ познанія другого. Наоборот, как только я начинаю судить человѣка по себѣ, получается недоразумѣніе за недоразумѣніем.

Я не думаю, я слушаю. Потом ищу точнаго воплощенія в словѣ. Получается ледяная броня формулы, под которой — только сердце.

Я не подслушиваю, я выслушиваю. Так же как врач: грудь.

И как часто: стучишь, — глухо!

Есть люди опредѣленной эпохи и есть эпохи, воплощающіяся в людях. (Не Бонапарт — XIX вѣк: XIX вѣк — Бонапарт!)

О бытіи и небытіи в любимом:

Я никогда не хочу на грудь, всегда в грудь! Никогда — припасть! Всегда пропасть! (В пропасть).

«Живой» никогда не даст себя так любить, как «мертвый». Живой сам хочет быть (жить, любить). Это мнѣ напоминает вѣчный вопль дѣтства: «Я сам! Я сам!» И непремѣнно — ногой в рукав, рукой в сапог.

Так и с любовью.

Я хочу в тебѣ уничтожиться, то-есть я хочу быть тобой. Но тебя уже в тебѣ нѣт, ты уже цѣликом во мнѣ. Пропадаю в собственной груди (тебѣ). Я не могу пропасть в твоей груди, потому что там тебя нѣт. Но может быть я там есть? (Взаимная любовь. Души помѣнялись домами). Нѣт, и меня там нѣт. Там ничего нѣт. Меня же нигдѣ нѣт. Есть моя грудь — и ты. Я тебя люблю тобой.

Захват? Да. Но лучше, чѣм товарообмѣн.

Ну, а взаимная любовь? (Товарообмѣн). Единовременный и перекрестный захват (отдача). Два пропада: души X в собственной груди, гдѣ Z, и души Z — в собственной груди, гдѣ X.

Но раз я в тебѣ живу, я не пропала! Но раз ты во мнѣ живешь, ты не пропал! Это бытіе в любимом, это «я в тебѣ и ты во мнѣ», это все-таки *я* и *ты*, это не двое стали одним. Двое стали одним — небытіе. Я говорила о небытіи в любимом.

Двое — одно, то-есть: небытіе в любимом возможно только для одного. Для того, чтобы не-быть в другом, нужно, чтобы другой *был*.

Оговорка: Все сказанное относится, конечно, к нашему воспріятію души другого, к нашей тайной жизни с душой другого.

При условіи, что каждый из двух не знает, что другого нѣт, вѣрит, что другой есть, не знает, что другой в нем уничтожен, — при условіи незнанія взаимное небытіе друг в другѣ, конечно, возможно.

Наш захват другого — только в нас.

«Для меня тебя в тебѣ нѣт, ты вся во мнѣ». Так думает поэт о своей Психеѣ, это не мѣшает ей выходить замуж и любить другого, но ея замужество, в свою очередь, не мѣшает и не может помѣшать поэту.

Больше скажу: сила захвата в прямом соотношеніи с тайной, глубина его — с внѣшней опроверженностью его. Когда уже ничто не мое — все мое! Это прямой дорогой подводит нас к смерти: физической смерти любимаго. Только не смѣшивайте с ревностью! «Не будь» ревности — от нищеты и страха. («Раз в гробу, то уже нѣт соперников!»). Для захвата ни соперников, ни гроба: «не будь» захвата — это послѣдній отказ, дающій послѣднюю власть.

Выдавайте ваших красавиц подальше замуж, поэты! Чтобы ни один ваш вздох (стих) не дошел, не вернулся — вздохом! Откажитесь даже от снов о них.

День их бракосочетанія — ваш первый шаг к побѣдѣ, день их погребенія — ваш апоѳеоз.

(Беатриче. Данте.)

Любовь для меня — любящій. И еще: отвѣтно любящаго я всегда чувствую третьим. Есть моя грудь — и ты. Что здѣсь дѣлать другому (дѣйственности его?).

Отвѣт в любви — для меня тупик. Я ищу не вздохов, а выходов.

У нас на кухнѣ ночует мальчик, сын бабы, которая возит нам молоко.

— «Не думалось мнѣ, что придется мнѣ на пружинѣ ночевать!» От этого «на пружинѣ» у меня сжимается сердце.

— Вот тебѣ и ненависть к простонародью!

Вчера, в Охотном, один мужик другому:
— «Ты не охай! Нынче год то такой — девятнадцатый!»

— «Ну что, — Москву навѣщаешь?»
(как больного).

Смерть страшна только тѣлу. Душа ея не мыслит. Поэтому, в самоубійствѣ, тѣло — единственный герой.

Самоубійство: lâcheté*) души, превращающаяся в героизм тѣла. То же самое, как если бы Дон-Кихот, струсив, послал в сраженіе Санчо-Пансо — и тот повиновался.

Героизм души — жить, героизм тѣла — умереть.

В православной церкви (храмѣ) я чувствую тѣло, идущее в землю, в католической — душу, летящую в небо.

Стихи и проза:
В прозѣ мнѣ слишком многое кажется лишним, в стихѣ (настоящем) все необходимо. При моем тяготѣніи к аскетизму прозаическаго слова, у меня, в концѣ концов, может оказаться остов.
В стихѣ — нѣкая природная мѣра плоти: меньше нельзя.

Двѣ любимыя вещи в мірѣ: пѣсня — и формула.
(То-есть, помѣтка в 1912 г., стихія — и побѣда над ней!).

Я не стою ни за одну свою земную примѣту, то-есть: в словѣ «земныя примѣты» я «земныя» (вещественность) уступаю, примѣту (смысл) — нѣт.
Я не стою ни за одну свою земную примѣту в отдѣльности, как ни за один свой отдѣльный стих и час, — важна совокупность.
Я не стою даже за совокупность своих земных примѣт, я стою только за право их на существованіе и за правду — своего.

Геніальный совѣт С. (сына художника). Как то зимой я жаловалась (смѣясь, конечно!), что у меня совсѣм нѣт времени писать. — «До пяти служба, потом топка, потом стирка, потом купанье, потом укладыванье...»

---

*) Предыдущій отрывок о несуществующих на русском языкѣ словах — пропущен. »Lacheté«, напр., смѣсь трусости и низости, не одна трусость.

— Пишите ночью!

В этом было: презрѣнье к моему тѣлу, довѣріе к моему духу, высокая безпощадность, дѣлавшая честь и С. и мнѣ.

Высокая дань художника — художнику.

Вліяніе коненковскаго Стеньки Разина на умы. Солдат, проходя мимо Храма Спасителя, другому солдату:

— Его бы раскрасить!

На унылом заборѣ гдѣ-то вкривь от Храма Спасителя робкая надпись: «Исправляю почерк».

Это почему-то — безнадежностью своей! — напоминает мнѣ мою распродажу (чтобы уѣхать на Юг).

Эпиграф к моей распродажѣ:

У Катеньки рѣзвушки
Всѣ сломаны игрушки:
Собачки без носов,
Барашки без рогов.
От чайнаго прибора
Навѣрно очень скоро
Не будет ничего . . .

Да ничего и нѣту!

Поломаны, для примѣра: швейная машина, качалка, диван, два кресла, Алины два дѣтских стульчика, туалет . . . У мраморнаго умывальника не хватает бока, примус не горит, термос не хранит, от лампы-молніи — однѣ молніи, граммофон без винта, этажерки не стоят, чайные сервизы без чашек, чашки без ручек, ручки без ножек . . .

А рояль глухой на обѣ педали! А шарманка краснаго дерева — впрочем никогда не игравшая! (В первую секунду обмолвилась было двумя тактами »Schlittschuhläufer« – и замолчала, то-есть зарычала *так*, что *мы* замолчали!). А три бѣличьих клѣтки — без бѣлок и без дверок! (Запах остался). А дѣтская ванна с свороченным краном и продавленным боком! А большая цинковая, зазеленѣвшая как затон, безнадежная как гроб! А Наполеоновскія гравюры: граненыя стекла на честном словѣ бумажных окантовок, ежесекундно грозящія смертью! А мясорубка, а роллики, а коньки!

Ломали, главным образом, Алины няньки и Сережины юнкера. И тѣ и другіе по молодости, горячности: жару сердца и рук. Нянькам надоѣло сидѣть с ребенком и онѣ крутили граммофон, юнкерам надоѣло твердить устав — и они крутили машинку.

Но не юнкера и не няньки, как сейчас — не большевики и не «жильцы». Говорю: судьба. Вещь, оскорбленная легкомысленным отношеніем, мстит: разлагается.

Вот исторія моего «быта».

Плотогоны! — Слово из моего дѣтства! Ока, поздняя осень, стриженные луга, в колеях послѣдніе цвѣточки — розовые, мама и папа на Уралѣ (за мрамором для музея) — сушеныя яблоки — гувернантка говорит, что ей ночью крысы от'ѣли ноги — плотогоны придут и убьют...

По 30-му купону карточки широкаго потребленія выдаются гробы, и Марьюшка, старая прислуга Сонечки Голлидэй, недавно испрашивала у своей хозяйки разрѣшеніе водрузить таковой на антресоли: «а то — неровен час»...

Но бѣдную старуху ждало жестокое испытаніе: розовых (дѣвичьих!) не было, и придется ей, восемьдесят лѣт под ряд безупречно дѣвствовавшей, успокоиться в мужеском голубом.

Карусель:

В первый раз в жизни я каталась на карусели одиннадцати лѣт, в Лозаннѣ, — второй третьяго дня, на Воробьевых горах, в Духов день, с шестилѣтней Алей. Между этими двумя каруселями — жизнь.

Карусель! — Волшебство! Карусель! — Блаженство! Первое небо из тѣх семи! Перегруженное звѣздами, заряженное звонами, первое бѣдное простонародное дѣтское небо земли!

Семь вершков от земли только — но уж нога не стоит! Уж *возврата нѣт!* Вот это чувство безвозвратности, обреченности на полет, вступленія в круг —

Планетарность Карусели! Сферическая музыка ея гудящаго столба! Не земля вокруг своей оси, а небо — вокруг своей! Источник звука скрыт. Сѣв — ничего не видишь. В карусель попадаешь как в смерч.

Геральдическіе львы и апокалипсическіе кони, не призраки ли вы звѣрей, коими Вакх наводнил свой корабль?

Хлыстовское радѣніе — круговая порука планет — Мемнонова колонна на беззакатном восходѣ... Карусель!

Обожаю простонародье: в полях, на ярмарках, под хоругвями, вездѣ на просторѣ и в весельѣ, — и не зрительно: за красныя юбки баб! — нѣт, любовно люблю, всей великой вѣ-

рой в человѣческое добро. Здѣсь у меня, поистинѣ, чувство содружества.

Вмѣстѣ идем, в лад.

Обожаю богатых. Богатство — нимб. Кромѣ того, от них никогда ничего не ждешь хорошаго, как от царей, поэтому просто-разумное слово на их устах — откровеніе, просто-человѣческое чувство — героизм. Богатство все утысячеряет *(Резонанс нуля!)*. Думал, мѣшок с деньгами, нѣт — человѣк.

Кромѣ того, богатство дает самосознаніе и спокойствіе («все, что я сдѣлаю — хорошо!») — как дарованіе, поэтому с богатыми я на своем уровнѣ. С другими мнѣ слишком «униженно».

Кромѣ того, клянусь и утверждаю, богатые добры (так как им это ничего не стоит) и красивы (так как хорошо одѣваются).

Если нельзя быть ни человѣком, ни красавцем, ни знатным, надо быть богатым.

Таинственное исчезновеніе фотографа на Тверской, долго и упорно снимавшаго (безплатно) всѣх отвѣтственных совѣтских работников.

Недавно в Кунцевѣ, неожиданно крещусь на дуб. Очевидно, источник молитвы не страх, а восторг.

На Смоленском хлѣб сейчас 60 р. фунт, и дают только по 2 ф. Того, кто хитростью покупает больше — бьют.

Я неистощимый источник ересей. Не *зная* ни одной, исповѣдую их всѣ. Может-быть и творю.

Нужно писать только тѣ книги, от отсутствія которых страдаешь. Короче: свои настольныя.

Самое цѣнное в стихах и в жизни — то, что сорвалось.

Простонародье никогда не заблудится в городѣ. Звѣриное и дикарское чутье мѣста.

Сейчас все кончается, потому что ничто не чинится: вещи, как люди, и люди, как любовь.

(Чинятся: вещи — ремесленниками, люди — врачами, ну а любовь чѣм? Рублями, пожалуй: подарками, поѣздками,

премьерами. Вмѣстѣ слушать Скрябина. Вмѣстѣ всходить на Везувій.

Мало вѣдь Тристанов и Изольд!).

Тристан и Изольда: любовь в себѣ. Внѣ горячителя зависти, ревности: глаз. Внѣ резонатора порицаній, одобреній: толков. Внѣ глаз и молвы. Их никто не видѣл и о них никто не слышал. Они жили в лѣсу. Волк и волчица. Тристан и Изольда. У них ничего не было. На них ничего не было. Под ними ничего не было. Над ними ничего не было. За ними — ничего, перед ними — Ничто. Ни завтра, ни вчера, ни года, ни часа. Время стояло. Мір назывался лѣс. Лѣс назывался куст, куст назывался лист, лист назывался ты. Ты называлось *я*. Небытіе в пустотѣ. Фон — как отсутствіе, и отсутствіе — как фон.

И — любили.

Всѣ мои жалобы на девятнадцатый год (нѣт сахара, нѣт хлѣба, нѣт дров, нѣт денег) — исключительно из вѣжливости: чтобы мнѣ, у которой ничего нѣт, не обидѣть тѣх, у кого все есть.

И всѣ жалобы, в моем присутствіи, на девятнадцатый год — других: («Россія погибла», «Что сдѣлали с русским языком», и пр.) — исключительно из вѣжливости: чтобы им, у которых ничего не отнято, не обидѣть меня, у которой отнято — все.

Боязнь пространства и боязнь толпы. В основаніи обѣих страх потери. Потери себя через отсутствіе людей (пространство) и наличность их (толпа). Можно ли страдать обѣими одновременно?

Думаю, боязнь толпы можно побѣдить исключительно самоутвержденіем, в девятнадцатом году, напр., выкриком: «Долой большевиков!»

Чтоб тебя отмѣтили — и разорвали.

(NB! Боязнь толпы — боязнь смерти через удушеніе. Когда рвут — не душат.)

Высокая мѣра. Мѣрить высокой мѣрой. Так и Бог дѣлает. С—высока мѣрить и высокой мѣрой. Нѣчто в родѣ очень рѣдкаго рѣшета: маленькія мерзости, как и маленькія добродѣтели — проскакивают. — Куда? — Dans le néant. Высокомѣріе, это полное отсутствіе мелочности. Посему — очень выгодное свойство . . . для других.

О коммунистѣ:

Вчера, у моей пріятельницы:

— «Вѣдь Вы не брѣетесь», сказал коммунист, «зачѣм Вам пудра?»

Коммунист из старых, помирает с голоду. Такой чудесный пѣвучій голос.

Кто-то в комнатѣ: «В Эрмитажѣ — невѣроятная программа!»

Коммунист, пѣвуче: «А что такое Эрмита—аж?»

Ах, сила крови! Вспоминаю, что моя мать до конца жизни писала: Thor, Rath, Theodor, — из нѣмецкаго патріотизма старины, хотя была русская, и совсѣм не от старости, потому что умерла 36-ти лѣт.

— Я с моим Ѣ!

Вчера в гостях (имянинный пирог, пѣнье, огарок свѣчи, разсказ о том, как воюют красные) — вдруг, разглядывая ноты:

Beethoven — Busslied

Puccini — то-то

Marie-Antoinette — »Si tu connais dans ton village« . . .

Marie-Antoinette! Вы написали музыку к стихам Флоріана, а Вас посадили в крѣпость и отрубили Вам голову. И Вашу музыку будут пѣть другія — счастливыя — вѣчно!

Никогда, никогда, — ни в лукавой полумаскѣ, в боскетах Версаля, об руку с очаровательным mauvais sujet d'Artois ни Королевой Франціи, ни Королевой бала, ни молочницей в Тріанонѣ, ни мученицей в Тамплѣ — ни на тачкѣ, наконец, — Вы так не пронзали мнѣ сердца, как:

Marie-Antoinette: »Si tu connais dans ton village . . .«
(Paroles de Florian).

Людовик XVI должен был бы жениться на Маріи-Луизѣ »Fraiche comme une rose« и дурѣ); Наполеон — на Маріи-Антуанэттѣ (просто Розѣ!).

Авантюрист, выигравшій Авантюру, — и послѣдній кристалл Рода и Крови.

И Марія-Антуанэтта, как аристократка, слѣдовательно: безукоризненная в каждом *помыслѣ*, не бросила бы его, как собаку там, на скалѣ.

Москва, 1919 г.

Марина Цвѣтаева.

Молитва Іосифу.

(Глава из книги «Поэтическое хозяйство Пушкина»).

Воспитавшійся в литературных традиціях «галантнаго вѣка», Пушкин с дѣтства усвоил сочувственное отношеніе к «любовникам» и презрительное — к «мужьям». Еще в 1816 г. написал он стихотворную сказку «Амур и Гименей». В ней очень доброжелательно повѣтствуется о том, как

Амур в молчаніи ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от безпечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...

А два заключительные стиха пьесы содержат не двусмысленное поученіе и предложеніе:

Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

Вскорѣ послѣ того, обращаясь «К молодой вдовѣ», поэт точно так же старается убѣдить ее, что безсмысленно сохранить вѣрность мертвому:

Вѣрь мнѣ: узников могилы
Безпробуден хладный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон.
. . . . . .
Спит увѣнчанный счастливец!
Вѣрь любви: невинны мы.
Нѣт, разгнѣванный ревнивец
Не придет из вѣчной тьмы,
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тѣнь
Близ любовника не станет,
Вызывая спящій день.

В 1821 г., напоминая Аглаѣ Давыдовой исторію своего с ней романа, о мужѣ говорит он лишь мимоходом, как о незначительной подробности:

Я вами, точно, был плѣнен,
К тому же скука... муж ревнивый...
Я притворился, что влюблен,
Вы притворились, что стыдливы...

Выходит даже так, что наличіе мужа не только не служило препятствіем, но даже, наряду со скукой, явилось одним из стимулов к возникновенію любовной исторіи. В 1821 г. Пушкина прельщает не только любовная связь сама по себѣ, но и веселая возможность «орогатить» добраго знакомаго.

Перелистывая стихи Пушкина, писанные на югѣ, в ссылкѣ, иного отношенія к «рогачам», кромѣ насмѣшливо-презрительнаго, не встрѣчаем; за стихами к Аглаѣ Давыдовой вскорѣ встрѣчаем эпиграмму:

Иной имѣл мою Аглаю
За свой мундир и черный ус;
Другой за деньги — понимаю;
Другой за то, что был француз;
Клеон — умом ее стращая;
Дамис за то, что нѣжно пѣл:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой муж тебя имѣл?

Для молодого Пушкина муж — это тот, кого можно и должно поскорѣй сдѣлать рогоносцем:

У Кларисы денег мало,
Ты богат; иди к вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ к лицу.

Сидя под арестом, припоминает он кишиневских знакомых и развлекается «невинною игрою»:

А именно — мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры,
Знакомых столько лиц,
Восточныя фигуры
Е...вых куконицъ
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!..

«Муж» — неизбѣжная тема карикатуры. Таким же карикатурным является он и в первой, писанной тоже на югѣ, главѣ «Евгенія Онѣгина». Изображая отношенія своего героя к женщинам, Пушкин разсказывает:

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда-ж хотѣлось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какія сѣти им готовил!

Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фабласа давній ученик,
И недовѣрчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обѣдом и женой.

Эта строфа очень многозначительна. В ней очерчено отношеніе к мужьям с одной стороны — и к «соперникам» с другой. «Соперники» — это такіе же «рыцари лихіе», как сам Онѣгин. Этих соперников приходится «уничтожать», т. е. бороться с ними при помощи «язвительного злословья» и разставляемых «сѣтей». Другое дѣло — мужья. Эти даже не удостоиваются имени соперников. Против них не нужны никакія мѣры, ибо они безсильны, — и с ними можно оставаться «друзьями». Соперник — опасен, муж — только смѣшен, если он сам не принадлежит к числу «лукавых» «учеников Фобласа», т. е. не смотрит на измѣны жены сквозь пальцы, сам в то же время, по отношенію к чужим женам, выступая в роли соблазнителя. Такой муж достоин истинной дружбы — и не смѣшен.

Наконец, пожалуй всего отровеннѣе, насмѣшливое отношеніе к семейственному очагу выразилась в 1825 г., в посланіи к А. Г. Родзянкѣ. Рѣчь идет о конкретном лицѣ; перед нами—бесѣда об А. П. Керн, которую Пушкин знал еще мало и представлял себѣ прелестной супругой стараго мужа — и только. Пушкин пишет:

Хвалю, мой друг, ея охоту,
Поотдохнув, рожать дѣтей,
Подобных матери своей...
И счастлив, кто раздѣлит с ней
Сію пріятную заботу:
Не наведет она зѣвоту.
Дай Бог ,чтоб только Гименей
Меж тѣм продлил свою дремоту!
Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, вѣры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмѣвает
Звѣзду стыдливую любви!

Вскорѣ послѣ написанія этих стихов Пушкин короче познакомился с А. П. Керн. Впечатлѣніе, произведенное ею на этот раз, было сильно и глубоко. То была подлинная любовь, обая-

тельно сказавшаяся в стихотвореніи «Я помню чудное мгновеніе». Но, каким бы «геніем чистой красоты» ни представилась в тѣ дни Пушкину А. П. Керн, — все же поскольку она была женой своего мужа, постольку в отношеніи к ея семейственной жизни поэт сохранил традиціонные навыки. Несмнѣнно, что Керн своим поведеніем давала к тому поводы,—а все-таки благоговѣйный тон стихов, обращенных к ней, плохо вяжется с мелко дон-жуанским тоном, каким в письмах к ней Пушкин говорит об ея мужѣ. Я приведу нѣсколько образчиков.

Первое же письмо, от 25 іюля 1825 г., Пушкин заканчивает язвительным «привѣтствеім» по адресу мужа: »Adieu, ma divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ермолай Федорович et mes compliments à M-r Voulf«. Уже в том, что молодому пріятелю своему, Вульфу, Пушкин шлет обычные »compliments«, а почтенному генералу Керну »mille tendresses«, — звучит явная насмѣшка.

Столь же язвительно Пушкин освѣдомляется 14 августа: »Comment va la goutte de M-r Votre époux? j'espère, qu' il en a eu une bonne attaque le sur lendemain de votre arrivée. По дѣлом ему! Si vous saviez quelle aversion mêlée de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu' il joue et qu'il ait la goutte!...« И далѣе в том же письмѣ: »C'est un bien digne homme que M-r Kern, un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari«.

В слѣдующем письмѣ читаем: »Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien, que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile...«

В письмах от 28 августа указывается простѣйшій путь разрѣшенія семейственных неладов: »Si M-r votr époux vous ennuie trop, quitter-le...«

Наконец, в довольно грустном письмѣ от 8 декабря, Пушкин философствует: »Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris.«

Этой философіи Пушкин остается вѣрен и в «Графѣ Нулинѣ». Разсказом о том, как Наталья Павловна пощечиной отвадила «нѣжнаго графа», Пушкин как будто заканчивает повѣсть благонамѣренным заключеніем:

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣм не дѣло.

Но весь яд этого заключенія в том, что читателю дается понять другое: узнав о «подвигѣ» графа, муж очень сердился, — за то весело смѣялся

Лидин, их сосѣд,
Помѣщик двадцати трех лѣт.

Наталья Павловна оказывается вѣрна не мужу, а Лидину — и муж одурачен вдвое.

* *
*

Знакомые и друзья Пушкина женились, жили в бракѣ, у них рождались дѣти. И обо всем этом в перепискѣ молодого Пушкина нѣт почти ни звука. Только когда дѣло шло о двух очень близких Пушкину людях, — он откликнулся . Но как?

25 іюля 1825 г., в тот самый день, когда впервые пошутил о мужѣ Керн, он пишет Дельвигу: «Ты, слышал я, женишься в Августѣ поздравляю мой милый — будь щастлив хоть это чертовски мудрено — цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее как дочь Салтыкова и жену Дельвига».

Однако, это теплое отношеніе к будущей женѣ друга — не очень искренно: едва ли оно — не дань вѣжливости. Уже в слѣдующем письмѣ, спрашивая у Дельвига совѣта по части печатанія стихов, Пушкин прибавляет: «Как ты думаешь? Отпиши покамѣсть еще не женился».

Свадьба Дельвига состоялась 30 октября. Пушкин его не поздравил. В ближайшем своем письмѣ, в январѣ 1826 г., об этом событіи он тоже не упоминает и даже не посылает поклона женѣ Дельвига. И в слѣдующем письмѣ (первая половина февраля 1826 г.) — снова ни звука ни о свадьбѣ, ни о Софьѣ Михайловнѣ. Только 20 февраля он шлет Дельвигу вполнѣ своеобразное поздравленіе:

«Мой друг Берон, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинял твоим Гименеем.

Jo hymen Hymenaee io
Jo hymen Hymenaee!

т. е. чорт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чорт побери! —

Когда друзья мои женятся, им смѣх, а мнѣ горе; но так и быть: Апостол Павел говорит в одном из своих посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣм идти в геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня Баронессѣ Дельвиг».

По поводу женитьбы Баратынскаго он выразился еще рѣшительнѣй, в письмѣ к Вяземскому: «Правда-ли, что Бар. женится? боюсь за его ум. Законная..... род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты м. б. —изключеніе — Но и тут я увѣрен, что ты гораздо был бы умнѣе, если лѣт еще 10 был холостой — Брак холостит душу —».

Нѣт никакого сомнѣнія (и мы имѣем множество тому доказательств), что подобнаго взгляда на брак и семейную жизнь

придерживались весьма многіе современники Пушкина. Он тут был отнюдь не оригинален. Все это было одним из проявленій россійскаго «вальмонизма» и «ловласизма». И если мы на этом подробно останавливаемся, то лишь потому, что дѣло идет о Пушкинѣ. Намъ важно и любопытно знать не только то, в чем стоял он выше «дѣтей ничтожных міра», но и то, в чем он с ними равнялся. Другая причина нашего вниманія к этому вопросу — та, что именно в этой области около 1830 года произошла с Пушкиным рѣзкая перемѣна, не только интересная психологически, но и оказавшая рѣшительное и роковое вліяніе на его послѣдующую судьбу.

* *
*

«Гавріиліада» заострена в ином направленіи: не в сторону супружеской вѣрности, а в сторону религіи. Отношенія Маріи к ея супругам: земному — Іосифу — и небесному — Богу — не являются центральным мѣстом поэмы. Однако, поскольку автор останавливается на этом моментѣ, мы можем замѣтить, что и на сей раз его собственное отношеніе к старым мужьям именно таково, каким оно всегда было у холостого Пушкина и каким мы его характеризовали. И здѣсь Пушкин радуется *всякому* нарушенію вѣрности со стороны Маріи. Сперва он сочувствует тому, что Бог намѣревается отбить прелестную жену у «лѣниваго» Іосифа. Далѣе он весьма благожелательствует Гавріилу, поскольку его роман с Маріей тоже является адюльтером в отношеніи Бога. Не без удовольствія намекает поэт на то, что и Гавріил, любезный сердцу Маріи, кое-в-чем был опережен Сатаною. В вводном разсказѣ Сатаны о грѣхопаденіи Адама и Евы Пушкин не забывает отмѣтить, что был и там привкус неосуществившагося адюльтера:

Еврейскій Бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...

Наконец, в заключительный момент поэмы, Бог в видѣ голубя является Маріи — и Пушкин вполнѣ удовлетворенно разсказывает о том, как Марія измѣняет любовнику — с небесным супругом, который, в сущности, тоже наставляет рога законнѣйшему супругу — Іосифу. Вся эта сѣть измѣн весьма радует Пушкина, и он еще заставляет Марію лишній раз пересчитать их:

Усталая Марія
Подумала: «Вот шалости какія!
Один, два, три—как это им не лѣнь?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, Архангелу и Богу».

Все это так. Но есть в «Гавріиліадѣ» один знаменательный момент. Сдѣлав, в сущности, рогачами всѣх мужских персонажей своей поэмы, и Бога, и Іосифа, и Архангела, и Сатану (послѣдній, впрочем, вряд ли гнался за вѣрностію Маріи) — в заключительных стихах Пушкин как будто слегка призадумался, когда заговорил *о самом себѣ,* о том грядущем времени, которое

Сѣдиною
Мою главу тишком посеребрит —
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня сосдинит.

Увѣренный в том, что жена всегда и непремѣнно является податливым об'ектом множества посторонних домогательств, Пушкин готов примириться с этим по пословицѣ: «Любишь кататься — люби и саночки возить». В 1821 (или 1822) году, когда писалась «Гавріиліада», Пушкин не сомнѣвался в том, что каждому мужу суждено быть рогачем: «судьба так приказала». Иной участи не ждал он и для себя — и имѣл на сей счет лишь одно, весьма умѣренное желаніе, высказанное в послѣдних стихах поэмы, в обращеніи к Іосифу, как будущему своему патрону:

И я тогда, Іосиф утѣшитель,
Молю тебя колѣна преклоня,
О, рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье.
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сон, в супругѣ увѣренье,
В семействѣ мир и к ближнему любовь.

Но Іосиф его молитвы не услыхал.

* * *

Я уже отмѣтил то отсутствіе интереса, которое холостой Пушкин проявлял к бракам своих знакомых. При отсутствіи уваженія к этому институту иначе быть не могло. В самом дѣлѣ, что ему было до всѣх этих союзов, которые, с его точки зрѣнія, ничего не стоили, ибо неизбѣжно должны были кончаться внутренним развалом?

Но в 1829 году он влюбился в Наталію Николаевну Гончарову и сам вздумал жениться. Он был великій человѣк, но — *человѣк.* В 1830 г., сдѣлавшись женихом, он рѣзко измѣнил свое, так сказать, бракоощущеніе, и брак перестал быть для него величиною, нестоющею вниманія. И замѣчательно, что с момента жениховства он в письмах своих начинает проявлять интерес к чужим бракам. Уже 14 марта 1830 г. он сообщает Вяземскому: «...вот что важно: Киселев женится на Л. Ушаковой». Послѣ же свадьбы вниманіе Пушкина к чужим бракам становится очень пристально. Его очень занимают чужія семейныя дѣла.

1 іюня 1831 г. он пишет Нащокину относительно сватовства нѣкоего Поливанова к одной из сестер Н. Н. Пушкиной. В том же письмѣ, намекая на любовницу, от которой Нащокин хотѣл избавиться, Пушкин спрашивает: «Не отыскался ли жених на извѣстную особу?»

3 авг. 1831 г. он сообщает Плетневу о предстоящем бракѣ А. О. Россети.

8 дек. 1831 г. он сообщает женѣ из Москвы, что «А. Корсакова выходит за К. Вяземскаго».

25 сент. 1832 г. ей же: «Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушкѣ».

Через нѣсколько дней — ей же: «Горскина вчера вышла за к. Щербатова, за младенца. Красавец Безобразов кружит здѣшнія головки... Кн. Урусов влюблен в Машу Вяземскую... Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной-соловѣйкѣ».

26 авг. 1833 г. он сообщает женѣ о сватовствѣ ея брата.

На другой день пишет: «Был я у Погодина, который, говорят, женится на красавицѣ».

2 сент. 1833 г. — ей же: «Обѣдал у Судіенки, моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сдѣлал двух ребят, и он перестал играть»...

12 сент. 1833 г. — снова о матримоніальных дѣлах семьи Гончаровых.

8 окт. 1833 г. — цѣлая философія: «Безобразов умно дѣлает, что женится на К. Хилковой. Давно бы так. Лучше завести свое хозяйство, чѣм волочиться весь свой вѣк за чужими женами».

Таких цитат можно привести еще много. Сообщенія, слухи, сплетни, гаданія о предстоящих и совершившихся браках находим еще в письмах к женѣ от 21 окт. 1833, 30 апр. 1833, 11 іюня 1834, еще в другом письмѣ от того же, приблизительно, времени, в письмах от конца сент. 1835, от 4 мая 1836, от 5 мая 1836... И не только с Наталіей Николаевной: с самим собой, в дневникѣ — бесѣдует он на ту же тему. Под 17 марта 1834 читаем: «Из Италіи пишут, что гр. Полье идет замуж за какого-то принца» — и т. д.

Можно подумать, что до женитьбы Пушкина никто ни на ком не женился, — а послѣ его женитьбы всѣ кинулись вѣнчаться. И замѣчательно, что обо всѣх этих браках Пушкин говорит вполнѣ серьезно, без всяких ожиданій будущих адюльтеров. Женясь, Пушкин рѣшил, что бывают благополучные браки. С его стороны это было непослѣдовательно. Он забыл о своей молитвѣ «Іосифу-утѣшителю», — о молитвѣ, в которой рогачество принимал как нѣчто неизбѣжное — и просил только «смиренія», «терпѣнія» и увѣренности в женѣ — т. е. незнанія об ея измѣнах.

* * *

Приняв брак, он признал и отцовство и материнство. Бывало, ни в одном письмѣ его не встрѣчалось ни слова о дѣторожденіи. Даже рожденія дочери у Дельвига он не замѣтил, счастливаго отца он не поздравил. Другое дѣло — когда забеременѣла Наталія Николаевна. Помимо забот Пушкина, связанных с ея беременностью и родами, забот вполнѣ естественных, — мы теперь встрѣчаем в пушкинской перепискѣ ряд упоминаній о родах, на которые раньше не обратил бы вниманія.

В началѣ января 1832 г., когда Н. Н. Пушкина была на шестом мѣсяцѣ беременна первым ребенком, встрѣчаем первое в пушкинской перепискѣ упоминаніе о родах. Пушкин пишет П. А. Осиповой: »Nous avons appris ici la grossesse de Madame votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heuresement« и так далѣе. Послѣ этого тема беременности и родов становится очень частой, особенно в 1834 и послѣдующих годах. О двух дѣтях, «сдѣланных» Судіенкой (письм от 2 сент. 1833 г.) я уже упоминал. Далѣе, в письмах к женѣ (май 1834) Пушкин пишет о «брюхѣ» Смирновой; 16 мая — опять: «Смирнова ужасно брюхата, а родит через мѣсяц». 3 іюня: «Смирнова на сносях. Брюхо ея ужасно; не знаю, как она разрѣшится» и т. д. В том же письмѣ: «Долгорукая-Малиновская выкинула, но, кажется, здорова». В іюнѣ же — вновь о Смирновой, очень заботливо и подробно: «Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов? — Перваго ребенка такого сдѣлали, что не пролѣз, а теперь принуждены на двое раздѣлить. Сегодня, кажется, девятый день — и слышно, мать и дѣти здоровы». 14 іюля снова о ней же: «Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась в голову, слава Богу, что не молоко». В январѣ 1835 он поздравляет Нащокина с рожденіем дочери, желает здоровья рожениць и заботливо пеняет своему другу за несообщеніе подробностей: «Ты не пишешь, когда она родила». 21 сент. 1835 г. Пушкин разсказывает женѣ об Е. Н. Вревской: «Вревская... толста как Меѳодій, наш псковскій архіерей. И не замѣтно, что она уж не брюхата: все та же как когда ты ее видѣла». 14 апр. 1836 г. он сообщает Н. М. Языкову о той же Вревской, что она «в пятый раз уже брюхата». 14—16 апр. 1836 он разсказывает женѣ: «На днях звал меня обѣдать Чертков. Пріѣзжаю — а у него жена выкинула».

И опять, как о браках, записывает он в дневникѣ о чужих родах: 29 ноября 1833: »Молодая Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах». 17 марта 1834: «Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула». В 1834 г., в среду на святой, он записывает о Смирновой: «Дай Бог ей щастливо родить, а страшно за нее».

И снова такое впечатлѣніе, что пока не рождались у Пушкина дѣти — не рождались они ни у кого, а со времени первой

беременности Наталіи Николаевны всѣ кругом принялись «дѣлать дѣтей».

* * *

В 1830 г., сдѣлавшись женихом, Пушкин измѣнил свое отношеніе к бракам других людей. Как произошел в нем этот процесс, какими думами и чувствами он сопровождался, — вопрос очень сложный, и сейчас мы его касаться не будем. Несомнѣнно лишь то, что брак пріобрѣл в глазах его нѣкую несомнѣнную цѣнность. Естественно, что параллельно с этим измѣнилось и отношеніе Пушкина к супружеским измѣнам. Измѣнилось в обратную сторону. Его веселое и жестокое одобреніе адюльтера смѣнилось осужденіем. Добродѣтель, которая прежде вызывала насмѣшку, — получила теперь признаніе и уваженіе. Не даром VIII глава «Онѣгина» с знаменитым отвѣтом Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду вѣк ему вѣрна —

писана в 1830 г. Не даром тогда же писана и «Метель», в которой Марія Гавриловна и Бурмин не рѣшаются переступить через вѣрность своим супругам, которых они даже не знают и не могут надѣяться встрѣтить. И позже: слова, сказанные Татьяной Онѣгину, в 1833 г. почти буквально повторяет царевна семи богатырям, как в 1832 г. их прозой пересказала Маша Троекурова в XVIII главѣ «Дубровскаго».

До женитьбы Пушкин знавал рогатых мужей, потому, между прочим, что и сам бывал перед ними грѣшен. Но он считал их положеніе хоть и смѣшнным, но естественным, — и проходил мимо них без вниманія. С тѣх пор, как его собственная жена явилась в петербургском свѣтѣ, кишащем Ловласами и Дантесами, он начинает отмѣчать и запоминать знакомых ему рогоносцев. Самое понятіе «рогача», прежде такое забавное и не выходящее за предѣлы веселых эротических стихов, — теперь входит в его житейскій обиход. Слово это является в письмах и в дневникѣ, вслѣд за появленіем записей о браках и дѣтях.

Первая запись о рогоносцѣ относится к 22 сентября 1832 г. и еще хранит оттѣнок былого легкого отншенія к этому вопросу. Разсказывая в письмѣ к женѣ о Нащокинѣ, Пушкин говорит: «он — кокю и видит, что это состояніе пріятное и независимое». Здѣсь легкое отношеніе к рогам Нашокина об'ясняется еше и тѣм, что рѣчь идет не о женѣ, а о цыганкѣ, от которой сам Нащокин старается избавиться, чтобы законным образом жениться на другой женшинѣ.

Однако, примѣчательно, кто вслѣд за этой записью о Нашокинѣ, в слѣдующем гисьмѣ, пять дней спустя, Пушкин пишет Наталіи Николаевнѣ: «Не хорошо только, что ты пускаешься в раз-

ныя кокетства... хоть я в тебѣ и увѣрен, но не должно свѣту подавать повод к сплетням». Это — Пушкин тоже впервые предостерегает жену от кокетства. В письмах, писанных во время их предыдущей разлуки, этого мотива еще не было. Впрочем, пока что, и здѣсь тревога Пушкина еще только намѣчается. Но она несомнѣнно живет в нем, и в слѣдующем письмѣ, хоть и в шутку, а всетаки он впервые примѣняет роковое слово к самому себѣ: «Я ждал от тебя грозы*)... а ты так тиха, так снисходительна, так забавна, что чудо. Что это значит? Уж не кокю ли я? Смотри!»

В письмѣ от 6 ноября 1833 г. — цѣлая страница увѣщаній не кокетничать заканчивается любопытным признаніем: «К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй безпокойств семейственных, ревности etc. etc. — Не говоря о cocuage *о коем прочел я на днях цѣлую диссертацію в Брантомѣ*».

Он не только стал читать диссертаціи о cocuage, но и в дневникѣ своем отмѣчает извѣстные ему случаи чужого неблагополучія на сей счет. 6 марта 1834 он записывает городскіе толки «о связи молодой княгини С. с графом В.» 8 апрѣля — слух о связи Воронцова с О. Нарышкиной.

Всѣ эти записи говорят о напряженном вниманіи женатаго Пушкина к темѣ «рогачества». Ея не должно смѣшивать с ревностью. Холостой Пушкин знавал ревность и порой глубоко терзался ею. Но ревность к Наталіи Николаевнѣ окрашена совершенно иначе. Это не ревность любовника, непроизвольная и порывистая. Это — сознательная, тяжелая, методическая ревность семьянина и, если угодно, собственника. Пушкина все время мучит не столько боязнь потерять любимую женщину, сколько страх, что будут нарушены его законныя права, — и страх оказаться в «забавной толпѣ» обманутых мужей. Этот страх мучил его до тѣх пор, пока ненавистное слово «cocu» не было произнесено о нем самим: 4 ноября 1836 г. он получил анонимный диплом на званіе рогоносца.

Есть вѣскія основанія считать, что сам Пушкин не был вѣрен своей женѣ. Его отношенія с гр. Д. Ф. Фикельмон и с А. Н. Гончаровой, повидимому, были не чисты. Разсужденія на тему о том, как и почему рѣшился он измѣнять женѣ, — вывели бы нас далеко за предѣлы нашей темы. Здѣсь же слѣдует только указать, что измѣняя Наталіи Николаевнѣ и требуя вѣрности с ея стороны, Пушкин не был непослѣдователен. Тут был он вѣрен традиціям своего времени и круга, позволявшим для мужей то, за что принято было казнить жен. Муж, в представленіи Пушкина, был безотвѣтственным главой дома, собственником, никому не дающим отчета в своих поступках. Не даром еще во время женихов-

*) За то, что его предыдущее письмо запоздало. **В. Х.**

ства, в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов», он писал: «Дѣд мой был человѣк пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и котораго он весьма феодально повѣсил на черном дворѣ». Пушкин знал, что разсказ этот недостовѣрен, но записал его, потому что исторія ему нравилась. Сколько бы терзаній ни причинила ему ревность, как ни трагично было его положеніе, — нельзя не признать, что в его отношеніи к женщинѣ и семьѣ было тоже не мало «феодализма», которым в зрѣлые годы замѣнил он галантные взгляды своей юности. Одна неправда смѣнила другую.

* *
*

Да, Іосиф-утѣшитель не услышал его молитвы: не дал Пушкину ни «блаженнаго терпѣнья», ни «спокойнаго сна», ни «увѣренья в супругѣ». Впрочем, и Пушкин как будто не сдержал обѣщанія: он пожелал не только «блаженнаго терпѣнья». Он безумно повысил требованье: он, в молодости не сомнѣвавшійся, что муж не может не быть рогоносцем, — пожелал для себя исключенія. Он захотѣл, чтобы закон, им самим открытый и признанный, — не коснулся его. Его шуточная и кощунственная молитва «заступнику и хранителю рогачей» оказалась роковым образом связанной с его гибелью, как роковым образом еще за три года до смерти записал он в дневникѣ зловѣщія слова: «Барон д'Антес и Маркиз де Пина, два Шуана, — будут приняты в гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщет»... Как роковым образом в том самом сентябрьском письмѣ 1832 г., когда он впервые шутя высказывает предположеніе о невѣрности жены, — уже есть упоминаніе о той самой Идаліи Полетикѣ, у которой впослѣдствіи произошло злосчастное свиданіе Наталіи Николаевны с Дантесом.

Владислав Ходасевич.

Оранжевый дом.

(«В странѣ роз и крови».)

— Я знал, что увижу Вас в Хасково, сказал Стамболійскій. Ѣдемте теперь в Славовицу *), поживете у меня дней десять, а потом вмѣстѣ вернемся в Софію.

— Невозможно, отвѣтил я. У меня времени мало, а планы большіе.

— Какіе же Ваши планы?

Планы у меня были дѣйствительно большіе. Я намѣтил цѣлый ряд маршрутов по Болгаріи, по ея прекрасным долинам, ущельям, лѣсам и горам. Я должен был проѣхать по Долинѣ Роз, с'ѣздить в фантастическій Бѣлоградчик, подняться на вершину Пирин-Планины, Еленин Верх, пройти в Дары-Дере, пересѣчь нѣсколько раз Балканы, доѣхать по Дунаю до Рущука, увидѣть Черное море от Варны до Василико, побывать в десятках чудеснѣйших мѣст. В моем представленіи эти поѣздки слагались в одну феерическую картину, феерическое путешествіе. С Бѣласицы взглянуть на Македонію — на голубое озеро Дойран, на смертоносныя горы и долины, гдѣ от маляріи и пуль гибли наши союзныя войска и, быть может, увидѣть зеленый Салоникскій залив и безумный, больной на его берегах город...

— Феерическое путешествіе? сказал Стамболійскій. Вѣрно... Дѣйствительно феерическое путешествіе!

— Но это еще не все. У меня время распредѣлено не только на путешествіе, но и на изученіе трудовой поземельной собственности.

— Владимир Иванович, — в голосѣ Стамболійскаго прозвучала просьба, — вы на десять дней останетесь больше в Болгаріи — только и всего. А у меня отдохнете, увидите красивыя окрестности, будете, если хотите, писать...

Со Стамболійским меня связывала настоящая дружба, зародившаяся из заочных еще симпатій друг к другу. Еще на македонском фронтѣ в 1915 году я часто думал о смѣлом депутатѣ крестьянинѣ, не побоявшемся сказать в лицо Фердинанду безконечно дерзкую угрозу. Болгарскіе плѣнные солдаты, проходившіе нерѣдко через наш участок фронта, разсказывали

*) Славовица — родное село Ал. Стамболійскаго.

мнѣ цѣлыя легенды о сидящем в тюрьмѣ крестьянском вождѣ. Мои еще не окончательно оформившіяся симпатіи к Болгаріи, моя глубокая вѣра в конечный взрыв революціи в этой земледѣльческой славянской странѣ, укрѣплялись созданным мною по разсказам образом Стамболійскаго и я не боялся посылать во французскую и русскую печать «болгарофильскія» статьи, проникнутыя глубочайшим убѣжденіем в неизбѣжности революціонной развязки болгарской трагедіи, завязанной Фердинандом и его правительством.

Получалось необычное положеніе. Как офицер французской арміи, я бился в ея рядах против болгарских войск. Как революціонер и журналист, я в союзной печати пытался удержать общественное мнѣніе от болгарофобства и будил в нем симпатіи к болгарскому народу. И был не мало обрадован, когда профессор Милев *) впослѣдствіи разсказал мнѣ, что в меморандумѣ болгарской делегаціи, представленном Версальской Конференціи в защиту Болгаріи, имѣлись цитаты из моих статей, статей офицера враждебной арміи . . .

Судьбѣ было угодно, чтобы в наш «отряд русских республиканцев», составленный исключительно из эмигрантов-революціонеров, пошедших добровольцами во французскую армію, и почти цѣликом погибшій в боях, попал молодой отважный болгарин Коста Тодоров, часть своего воспитанія получившій в Россіи и даже отсидѣвшій за участіе в революціи 1905—7 годов нѣсколько лѣт в одесской тюрьмѣ. Я очень подружился с этим смѣлым солдатом и революціонером, тонким поэтом и отличным журналистом. Когда Болгарія волей Фердинанда измѣнила своему нейтралитету и вступила в войну против союзников, Тодоров затосковал. Драться против собственной страны он не мог. И он обратился ко мнѣ с воплем о помощи. Я в это время с бригадой конных африканских егерей был уже на македонском фронтѣ. Мнѣ удалось устроить перевод Тодорова из Шампани в Македонію. Здѣсь перед ним открылась возможность уйти в Болгарію и работать в родной странѣ по ускоренію революціи, в неизбѣжность которой он непоколебимо вѣрил, и которая являлась единственно достойным и единственно спасительным исходом для Болгаріи.

Я видѣл Тодорова перед его фантасмагорическим улетом в Болгарію на аэропланѣ. Знал о многих его планах, горячо сочувствовал им.

И Тодоров исчез. Время от времени доносились слухи, что отважный революціонер схвачен и разстрѣлян. Вскорѣ Россія

*) Профессор Милев один из виднѣйших руководителей нынѣшней правящей болгарской коалиціи. Был автором меморандума, поданнаго Версальской Конференціи. Сыграл в отношеніи Ал. Стамболійскаго предательскую роль.

стала страной революціи. Я уѣхал в Петроград и завертѣлся в трагическом калейдоскопѣ великих событій. Но образ молодого болгарина не исчез из моей памяти.

В 1919 году я снова очутился в Парижѣ и вдруг встрѣчаю... Тодорова! Он был не разстрѣлян, а приговорен военным судом к вѣчному заключенію. В тюрьмѣ Тодоров подружился со Стамболійским и Райко Даскаловым и часто вспоминал о французском фронтѣ и обо мнѣ, разсказывал им о моих симпатіях к Болгаріи, к Стамболійскому, к земледѣльческой партіи. Так заочно Стамболійскій и я составили друг о другѣ нѣкоторое представленіе.

Через нѣсколько недѣль в Париж пріѣхала для подписанія мирнаго договора болгарская делегація во главѣ со Стамболійским и Янко Сакызовым *). Делегацію помѣстили в Нейи во дворцѣ и держали на положеніи плѣнной с запрещеніем встрѣчаться с кѣм бы то ни было.

Мое нетерпѣніе увидѣть легендарнаго по македонским впечатлѣніям Стамболійскаго было велико. Плѣнной делегаціи разрѣшалось кататься на лодках в Булонском лѣсу. Вот тут то я и нашел возможность переступить запрет и познакомиться с еще недавним вѣчным узником Фердинанда, в этот момент уже предсѣдателем совѣта министров Болгаріи.

Прямо на меня, спускаясь к озеру, шел высокій, крѣпко сколоченный, мощный, черноземный человѣк. Оригинальныя рѣзкія черты лица не поразили меня сверх мѣры. Я его таким себѣ и представлял. В его фигурѣ и лицѣ, как в увеличительном стеклѣ, отразились всѣ характерныя особенности болгарскаго крестьянина. Сосредоточенный взгляд способных каждую минуту загорѣться юмором глаз, сжатыя, упрямыя губы, наморщенный, думающій лоб, густыя брови, бритый волевой подбородок и щетинистые черные усы гармонировали с увѣренной, рѣшительной, но чуть мѣшковатой походкой.

Мы крѣпко пожали друг другу руки и одновременно сказали:

— Я так много слышал о Вас.

И нам показалось, будто нашему знакомству десятки, десятки лѣт.

А через нѣсколько минут мы уже говорили о... Югѣ Россіи. Деникин был тогда в расцвѣтѣ славы. Болгарская территорія, оккупированная союзниками, разсматривалась хозяйничавшими на ней представителями Деникина, как собственная. На Стамболійскаго производилось огромное давленіе со всѣх сторон. Бѣлый генерал в тѣ времена в глазах многих и многих был подлинным демократом диктаторской складки. Таким его нарисовали и Стамболійскому.

*) Вождь болгарской соціал-демократіи.

— А вы думаете, он не демократ?

Я разсмѣялся.

— Вы думаете, он не свергнет большевиков?

Почти с математической точностью я сказал ему дату неизбѣжнаго разгрома Деникина.

— Значит, русскіе революціонеры не с ним?

— Против него.

— А как же Милюков с ним?

Авторитет Милюкова в 1919 году был еще очень велик. Я начал об'яснять Стамболійскому, почему Деникин непріемлем для народа. Но в его глазах стоял все тот же вопрос о Милюковѣ.

Время прощаться. Минута — и сильная фигура Стамболійскаго склонилась над веслами.

Через год новая встрѣча, но уже в Прагѣ. На этот раз мы много говорили о проводимых им в Болгаріи реформах, об его и наших надеждах на возвращеніе в Россіи к власти русской демократіи и русских революціонеров, о подлинном сближеніи Болгаріи с такой именно Россіей и с остальным славянским міром...

А когда я пріѣхал в Болгарію изучать реформы, о которых в Прагѣ так увлекательно разсказывал нам Стамболійскій, мы окончательно сдружились и провели не мало времени вмѣстѣ. Затѣм снова встрѣтились в Лозаннѣ во время Восточной Конференціи.

— Ну вот, и прекрасно, сказал Стамболійскій. Переходите в Раковском ко мнѣ в вагон.

Вечером он и остальные гости поѣхали из Хаскова в еще какое-то село, я же избрал благую часть и, вернувшись с Крумом *) на станцію «Раковски», забрался в отведенную мнѣ в вагонѣ кровать с тѣм, чтобы утром проснуться на станціи «Александр Стамболійски» **).

Так теперь называется переименованная по желанію жителей прежняя Чангарли, лежащая у одноименнаго села. В Чангарли живет дѣдо Стоимен***) и бывшій с нами в Хасково Василь †). Пока с платфодмы выгружался министерскій автомобиль, старик с Василем ушли в село. Стамболійскій возился на перронѣ у недавно посаженных и нерастущих растеній, давал совѣты начальнику станціи и разговаривал со станціон-

*) Крум Попов — Софійскій городской голова, один из видных молодых лидеров Земледѣльческаго Союза, был арестован правительством Цанкова, обманным образом увезен из тюрьмы и звѣрски убит.

**) Послѣ убійства Ал. Стамболійскаго переименована в «Свободу».

***) Дѣдо Стоимен — 80-лѣтній отец Ал. Стамболійскаго.

†) Василь Стамболійскій — брат премьера, депутат Народнаго Собранія, звѣрски убит агентами правительства Цанкова одновременно с братом.

ным сторожем. Наконец, двинулись в Славовицу. У отцовскаго дома, в Чангарли, Стамболійскій остановил автомобиль, пошел во двор, поздоровался с бѣгающим в одной рубашенкѣ ребенком Василя, поговорил о хозяйствѣ со стариком и братом и снова помчал нас автомобиль такой знакомой дорогой к Татар-Пазарджику по чудесной, золотой фракійской долинѣ. Пронеслись через Татар-Пазарджик, повернули на запад и вот уже скоро промелькнуло перед нами огромное здание крестьянами построенной по трудовой повинности карамуссальской школы, вмѣстившее в себя и основное училище, и прогимназію, и низшее земледѣльческое училище, и читальню, и театр, и общественные склады, и общественную баню, и удобныя квартиры для учителей... Достойный памятник уму карамуссальскаго крестьянина.

Еще заворот к западу и на зеленом сбѣгающем к нам склонѣ далеко впереди виден бѣлый дом, — это цѣль нашего путешествія. Однако, Стамболійскій совѣтуется с Поборниковым *).

— Айда, рѣшает он, ѣдем в суху баню.

Автомобиль сворачивает с дороги в поле и скоро останавливается. Мы идем к небольшому потоку. Он перегорожен нешироко плотиной. В образовавшейся глубокой лужѣ квакают безчисленныя лягушки и плавают жирныя черныя піявки.

— Это наша купальня, с гордостью об'являет Стамболійскій, Поборников называет ее сухой баней...

— Побойтесь Бога, да в нее же из за лягушек и піявок влѣзть невозможно.

И началась моя жизнь в Славовицѣ. Это собственно не Славовица. Самое село лежит километрах в четырех к западу, в сѣдлѣ между двумя холмами, и за ним далеко на горизонтѣ высится зеленый Еледжик, на котором дралась когда-то с турками летучая чета Бенковскаго. Но так уж повелось—называть и село Славовицей и новый дом Стамболійскаго Славовицей.

Всѣм в домѣ командует родственник Стамболійскаго, юноша Цвѣтане**). Он и на постройкѣ, и на кухнѣ, и в виноградникѣ. Весь в извести, в глинѣ, небольшой, коренастый, небритый Цвѣтане неизвѣстно когда спит и все время торопится во всѣ концы небольшой усадьбы. В качествѣ услужающей — дѣвченка, подросток. Можно себѣ представить гомерическій безпорядок этого дома.

Четыре небольшія комнатенки распрѣдѣлены самым нелѣпым образом. Одна — спальня, кабинет и даже пріемная Стам-

*) Шт.-Кап. Поборников, ад'ютант Ал. Стамболійскаго, за 3 дня до переворота взявшій «отпуск».

**) Послѣ переворота в качествѣ родственника Ал. Стамболійскаго подвергся истязаніям и посажен в тюрьму.

болійскаго. Другая — небольшая, проходная со всѣх сторон, будет превращена по его мысли в какой-то проходной «салон». Мебель — дешевая кушетка и примитивные стулья уже налицо. Третья комната — столовая. А из нея вход в четвертую, предназначенную для гостей. Стамболійскій вѣдь ждет, что к нему в Славовицу будут наѣзжать и тѣ англійскіе лорды, что оказывали ему гостепріимство в Англіи, и его интимные друзья. В эту-то четвертую комнату вселен я.

В ней двѣ расшатанныя походныя кровати с тюфяками тверже камня, покрытыми солдатскими одѣялами, столик, заваленный всевозможными предметами, и в углу небольшой «буфет» со с'ѣдобными продуктами. Бог мой, чего только в нем нѣт! Завернутые в просаленныя бумажки остатки кашкавала *), обрывки пастермы **), какая-то мѣстная, нес'ѣдобная колбаса, соль, ружейные патроны, открытыя бутылки с уксусом и оливковым маслом, куски сахара... Все это лежит в первозданном хаосѣ, выпирает из шкафа и дверцы его, распахнутыя настеж, конечно, не затворяются.

Время от времени в комнату врывается Цвѣтане или проскальзывает услужающая дѣвченка и, порывшись в грудѣ бумажек, извлекает нужный предмет. На полу на подосланной газетѣ вѣчная стопка круглых хлѣбов.

В этих запасах, как только наступит ночь, с усердіем возятся мыши, и их не пугают мирно покоящіеся в уголкѣ рядом с хлѣбной стопкой и покрытые одѣялом два пулемета, недавно привезенные на случай нападенія террористов.

— Вы бы хоть кота завели, говорю я Стамболійскому, а то и спать вашим гостям мыши не дают и пастерму вашу с кашкавалом ѣдят.

— Так, так, говорит хозяин. Вѣрно. Надо завести кота.

— Поборников, совѣтуется он с ад'ютантом, совмѣщающим в своей особѣ все — и его личнаго секретаря, и ад'ютанта, и заботящегося о нем человѣка, Поборников, заведем кота?

Но Поборниковым овладѣвает тяжелое сомнѣніе. Вѣдь кот будет ѣсть пастерму и кашкавал в еще больших размѣрах, чѣм мыши.

— А вы бы шкап закрывали, совѣтую я.

Стамболійскій только рукой махнул.

— Нѣт, заведем уж лучше капан ***).

В «моей» комнатѣ на второй кровати вѣчно мѣняющіеся сожители. Поспал на ней гостившій здѣсь Цанко Бакалов †)

*) Кашкавал — національный болгарскій сыр.

**) Пастерма — сушеное мясо.

***) Капан — капкан, мышеловка.

†) Цанко Бакалов — основатель Земледѣльческаго Союза, любимый народом поэт, старик, брошен правительством Цанкова в тюрьму.

и уѣхал. Его смѣнил дѣдо Стоимен, так и ложившійся в шерстяной одеждѣ и в кожаных царвулях *) под одѣяло. Потом вселился Поборников. А потом и я, и Поборников выселились на балкон, пріѣхал по дѣлам чиновник с женой, остались супруги на ночевку, мы и уступили им почетное мѣсто. Впрочем, при изобиліи гостей, не попавшіе в комнату, спят в «салонѣ» на кушеткѣ, на балконѣ на запасной походной кровати, а также и на столах, подостлавши шерстяныя крестьянскія одѣяла.

Каждый, конечно, сам себѣ чистит одежду, башмаки, стелет постель и ходит умываться во двор к роднику.

Воображаю я англійскаго лорда в гостях у Стамболійскаго . . .

В Славовицѣ Стамболійскій отдыхает от софійскаго «угара». Отдыхает, то-есть сам работает в виноградникѣ, ходит по стройкѣ, вникает во всѣ дѣла Цвѣтане, роет новые родники, на это он большой охоч, обдумывает реформы и пишет ежедневныя статьи для «Земледѣльческаго Знамени».

— Очень помогают статьи в управленіи, говорит он мнѣ. Написал статью, все равно, что «окружно» разослал. Всѣ сразу — знают, каковы намѣренія правительства, что надо дѣлать. В Европѣ за министров продажные журналисты в желтых газетах пишут, ну, а мы сами в нашей земледѣльческой газетѣ оповѣщаем о наших намѣреніях.

Кромѣ комнат жилого этажа, в домѣ имѣется еще «изба». Изба — это цементированный подвал, в котором рядом стоят огромныя бочки с вином. Вино принадлежит частью хозяину, главным же образом, крестьянам села Славовицы, об'единившимся на этой избѣ в винную кооперацію. Изба уступлена под кооперацію безплатно и вообще о всем своем добрѣ, об этом домѣ и виноградникѣ, о небольшой фермѣ под Софіей, Стамболійскій говорит, как о будущей собственности Земледѣльческаго Союза:

— Умру, все Союзу останется . . .

Изба занимает подвал, но, предвидя расширеніе кооперації, Стамболійскій вывел ее за предѣлы подвала и в видѣ зацементированнаго перпендикулярнаго к дому прямоугольника продолжил в виноградник . . . Вид всей постройки получился необыкновенно странный, но Стамболійскій ею очень горд. Над этим прямоугольником будет выстроена веранда. Вокруг веранды разбивается небольшой сад, в котором Стамболійскій хочет собрать всѣ образцы флоры родного округа. А на верандѣ, среди растеній, будут поставлены бюсты мертвых и живых вождей земледѣльческаго движенія. Нѣчто вродѣ музея. В ви-

*) Царвули — кожанные лапти.

ноградникѣ по вечерам работает электрическій мотор, снабжающій дом свѣтом. Рядом с домом Стамболійскій рѣшил поставить на открытом воздухѣ безплатный воспитательный кинематограф и построить навѣсы, гдѣ могла бы ночевать сходящаяся на спектакль по субботам молодежь окрестных сел.

Об этом домѣ в буржуазной Софіи ходят легенды. Особенно об избѣ, в которой, по увѣренію оппозиціонной печати, стоят какія-то особенныя, огромныя, стеклянныя . . . бочки. Эти стеклянныя бочки спать не дают большому числу людей, а дом в их пылком воображеніи разрастается в необычайный по великолѣпію и размѣрам дворец.

Помню, как в первый мой пріѣзд в первый же день в редакціи дружественной мнѣ тогда и враждебной Стамболійскому газеты с увѣренностью непоколебимой, как гранит, заявили:

— А кромѣ того, товарищ, он не только неуч, тиран, и разбойник, но и вор.

Признаюсь, я опѣшил.

— Да, да, вор. Вы видѣли его дома под Софіей и в Славовицѣ? Нѣт? Ну, так это настоящіе, огромные дворцы. Откуда у него на них деньги?

На меня смотрѣли с подвижническаго, но нѣсколько козлоподобнаго лица наивно унылые глаза говорившаго. В тот же вечер я был у Стамболійскаго.

— Прежде всего я хочу видѣть ваши дома под Софіей и в Славовицѣ.

Он засмѣялся.

— Стеклянныя бочки хотите видѣть?

И мы поѣхали сейчас-же в дом под Софіей, в знаменитую «краварницу». Краварница от слова крава, корова.

Представьте себѣ на крохотном клочкѣ земли двухэтажный . . . не дом, а фонарь. В нижнем этажѣ одна комната и в верхнем одна. И больше ничего. Даже кухни нѣт.

— Этот клочек земли я купил вмѣстѣ с зятем еще до войны, говорит Стамболійскій. Очень уж удобное мѣсто. Рядом сахарная фабрика, с нея по дешевкѣ покупаем остатки, а это лучшій корм для скотины.

Мы поднялись в верхній этаж. Стамболійскій не мог в нем стать во весь свой могучій рост.

— Пріѣзжал недавно сюда англійскій писатель, полковник Репингтон. Очень удивлялся моему жилищу.

Потом с фонарем повел меня смотрѣть краварницу. Показал чудесную свинью, подарок не то Лойд-Джорджа, не то какого-то другого высокопоставленнаго англичанина. Показал удивленных визитом в неурочный час коров.

— Буржуазная пресса бог знает что пишет о моем домѣ. Мнѣ ея писанія, конечно, безразличны. Но скажите на милость,

почему мнѣ не разводить свиней и не торговать молоком? Вот я купил этих свиней поросятами, за ними ухаживал по послѣднему слову науки, теперь они мнѣ приносят доход. Почему я должен мое жалованье, мои сбереженія от заграничных командировок тратить иным образом? Я не разбрасываю денег по ресторанам, я не занимаюсь спекуляціей, как многіе из прежних министров. Я вкладываю все в хозяйство, как это дѣлает каждый болгарскій крестьянин. Всѣ остальные наши земледѣльческіе министры поступают таким-же образом, заводят скромныя, но образцовыя хозяйства, служат примѣром всѣм окрестным крестьянам. Вот с'ѣздите, полюбуйтесь на крошечное, но образцовое имѣніе Оббова под Плевной*). Развѣ это плохо?

— Нѣт, отвѣтил я по совѣсти, очень хорошо.

Побывали мы потом и в Славовицѣ, гдѣ только еще строился этот «дворец».

— А денег у меня не хватило, разсказывал, водя меня по стройкѣ, Стамболійскій, так мнѣ их же буржуазные банки оказали кредит. Из этого дома я культурный центр для всей округи сдѣлаю. А тѣ, кто настроили себѣ в Софіи настоящіе дворцы, врут о моем домѣ всякія небылицы.

Дом дѣйствительно скромный. Снаружи он похож на рабочій котедж в предмѣстьи Лондона, внутри же значительно уступает такому котеджу. Вернувшись из Славовицы, я сразу пошел в редакцію дружественной мнѣ газеты.

— Слушайте, сказал я редактору с подвижническим, но нѣсколько козлоподобным лицом, я вѣдь видѣл дворцы Стамболійскаго.

И подробно разсказал все видѣнное.

Но он не выразил никакого удивленія.

— Зачѣм же вы пишете и разсказываете неправду?

— Э, товарищ, вѣдь это политика...

Политика политикой, но когда Стамболійскому надоѣла вся эта ложь и он предложил софійским журналистам устроить анкету об источниках и размѣрах его состоянія и о таковых же его буржуазных предшественников, предшественники и клеветники дружно отказались от анкеты.

Живем мы в Славовицѣ по деревенски. В шесть утра всѣ на ногах и приступаем к чаепитію. Чай, хлѣб, сыр. А потом разсыпаемся, кто куда. Хозяин идет в виноградник, или пишет статью, или дает совѣты рабочим. Дом вѣдь еще не окончательно достроен. Дом, само собой разумѣется, архитектуры... Стамболійскаго.

*) Ал. Оббов, министр земледѣлія в кабинетѣ Стамболійского. За сопротивленіе перевороту 9-го іюня приговорен к 15 годам заключенія. Во время спасся заграницу, иначе был бы убит.

— Наши болгарскіе архитекторы, говорит он мнѣ, ничего не знают.

Но надо видѣть его «архитектуру» . . .

Два безусых маляра красят дом снаружи оранжевой краской. Оранжевый цвѣт — цвѣт житнаго кваса — цвѣт Земледѣльческаго Союза. Внутри они, бог их прости, размалевывают стѣны какими-то архимѣщанскими, кричащими узорами.

Я ухожу на сосѣдніе холмы, или ѣду верхом по селам. Конь ходит в упряжи и под верхом. Стамболійскій хочет заставить его пахать.

А то идем вмѣстѣ со Стамболійским по его любимым родникам. Вода в них опаловая, холодная. И когда напьешься, то кажется, будто не только утолил жажду, но и насытился.

В полдень обѣдаем. Простая чорба,*) какое нибудь «печено» с салатом, домашнее вино, чашка турецкаго кофе.

И снова я ухожу, куда глаза глядят. А Стамболійскій садится писать тронную рѣчь царя.

Мѣстность здѣсь удивительная. Дом поставлен один-одинешенек среди виноградников и разстилается перед ним внизу вся золотая фракійская долина.

Далеко впереди, километрах в двѣнадцати, возвышается страннаго вида гора Святого Ильи, с пріютившимся на ея склонѣ монастырем Святого Николая. Если перейти отдѣляющую дом от горы эту сначала бѣгущую вниз, а потом медленно карабкающуюся кверху долину, всю покрытую пшеницей, виноградниками и молодыми дубовыми порослями, пересѣченную ручьями и потоками, порою несущимися в глубоких оврагах, откроется изумительный вид . . . Влѣво золотосинѣет фракійская долина вплоть до Пловдива. На самом горизонтѣ в золотой дымкѣ маячит своими неожиданными на равнинѣ каменными холмами-скалами древній город. Словно легшій на степи двухгорбый верблюд. И неясно поблескивают вокруг Бонарджика и Сахат-Тепе далекіе дома. По долинѣ извивается, уширяясь в недвижных зеркалах рисовых полей, Марица, и к ней, пересѣкая наискосок хлѣба и виноградники, бѣжит свѣтлая Тополыница. Утопает все в зелени недалекое Карамуссал со своим огромным сельским дворцом науки. И стоят синей грядой, отвѣсной стѣной могучіе Родопы. Гигантским взлетом орлиных крыльев вырѣзывается в них пролом Эли-Дере, ущелье «Волшебных Скал» и «Пятидесяти Рѣк».

Прямо против меня, к юго-западу, по серединѣ поднимающейся долины, между двумя отрогами холмов, почти в правильном полукругѣ стоит единственный во всей долинѣ сегодня уже оранжевый дом Стамболійскаго. Сзади синѣет ве-

*) Чорба — національный болгарскій суп.

селый, покрытый лѣсами и пастбищами Еледжик, а за ним грандіозныя, бѣлыя, как исполинскія глыбы мрамора, снѣговыя вершины Родопов. Влѣво, на юго-восток, пять застывших морских волн — это Овчій Холм, и позади Карамуссала длинный саркофаг великанов.

Я обернулся назад. У подножья Святого Ильи текла Тополница, над ней встали отроги Средней Горы, за ними нависла бѣгущая на соединеніе к Родопам Стара Планина. На Тополницѣ краснѣло черепичными крышами Лисичево.

Все было золотое в предвечернем золотѣ солнечных лучей.

Я спустился ниже к голубому в заросшем буком оврагѣ потоку. Воздух был полон весенних запахов. Под горячим солнцем он стоял недвижно. По всей округѣ звенѣл весенній шум, золотой любовный шум. Соловьиною пѣснью, немолчной, опьяняющей, звучала в этот предвечерній час вся долина, словно сказочный соловьиный сад. Звенѣли нѣжнозвонкіе цикады и мѣрно стучали любовным стуком тяжелой брони друг о друга влюбленныя черепахи. На близкой зеленой полянкѣ, раскрыв широкія крылья, танцовал в каком-то сладком забытьи аист. Его воздушная, стройная фигурка на высоких тонких ногах легко приподымалась от земли, и он прыгал, и раскрывал узорныя крылья, бѣлою грудью к солнцу. Высоко в небѣ медленными кругами парил огромный орел. Стада овец, коров и коз разсѣяны были по всей долинѣ. От них несся удивительный звон. Колокольцы различных тонов непрестанно звенѣли и этот звон сливался в своеобразную, далекую, спокойную мелодію. Пастух «свирил» на свирѣли простую и ясную, грустную и волнующую, восточную пѣсню.

Я затаился и смотрѣл на ручьевую заводь. Над ней по всѣм направленіям носились тонкокрылыя, разноцвѣтныя, радужныя стрекозы. Безчисленныя зеленыя, изумрудныя лягушки пѣли, именно пѣли, какую-то безконечно знакомую пѣсню. Порою, мнѣ казалось, я разбирал слова, порою их крики сливались в один, общій яростный, то затихающій, то разгорающійся необычайно понятный, страстный вопль. Зеленыя, как изумруд, онѣ раздували прозрачные пузырьки у своих зеленых шеек и быстро, быстро двигались одна к другой, и начинались любовная игра и страстная погоня.

По долинѣ кружились, бѣгали друг за другом, боролись, перевертывались и снова вскакивали очаровательные бурундуки-калугеры.

Соловьиная трель, крики изумрудных пѣвуній, звон цикад и колокольцов слились, наконец, во всеоб'емлющій, наполнившій весь золотой недвижный воздух торжественный, побѣдный гимн.

— Я люблю... Я люблю... Какое у вас. русских, прекрасное слово — я люблю. Не так, как у нас, болгар — аз обичам... Я люблю...

И столько вчера напряженнаго чувства прозвучало в этих словах чернокудраго, мощнаго, насупившагося крестьянина.

— Я люблю...

Солнце опускалось все ниже и ниже. Облака стали алыя. По долинѣ и по горам побѣжали иныя краски. И вдруг все окрасилось в лиловый цвѣт и также вдруг покрылось фіолетовыми тонами. Только карамуссальское училище да оранжевый дом Стамболійскаго горѣли раскаленным багрянцем, да сзади все также блестѣли мрамором снѣжные Родопы. Алым мрамором. Я спускался вниз и шел через поля, луга и виноградники прямо, прямо, прямо. Ночь надвигалась быстро и огромный синій алмаз сверкала в небѣ Венера. Застучал далекій мотор, оранжевый дом заблестѣл электричеством. Свѣтились пастушьи кошары, мнѣ навстрѣчу из них понеслись огромные псы и за ними привѣтливые пастухи.

— С Богом, с Богом... прозвучал в темнотѣ голос.

Справа над горой, вспыхивали зарницы. Небо близкое и темное было полно ярких синих звѣзд.

На другой день, рано утром в дом пришел один их пастухов, распрашивал Цвѣтане обо мнѣ — дѣйствительно-ли я живу в оранжевом домѣ? Послѣ моего прохода у обитателей кошары зародилось сомнѣніе — не «македонствующій» ли это изучал подходы к жилищу Стамболійскаго?

— В окрестных селах, пояснил мнѣ Поборников, очень заботливо относятся к Стамболійскому. В случаѣ нападенія на дом на помощь нашей стражѣ сбѣгутся крестьяне со всей округи.*)

В этом году при домѣ имѣется военный караул. Человѣк тридцать солдат из ближняго татар-пазарджикскаго гарнизона охраняет Стамболійскаго. Совѣт министров истоял на этой предосторожности послѣ неудавшагося чудом покушенія на жизнь премьер-министра.

В этот вечер Поборников пускал с балкона оранжеваго дома разноцвѣтныя ракеты — условный сигнал тревоги, провѣрял готовность крестьян защищать их вождя.

Как-то утром мы со Стамболійским пошли вмѣстѣ на сосѣдніе холмы. С них видѣн раскинувшійся внизу Вѣтрен. В Вѣтренѣ когда-то учительствовал мой спутник.

*) Во время переворота крестьяне окружных сел дѣйствительно собрались в большом количествѣ на защиту Ал. Стамболійскаго и понесли жестокія потери в упорном бою против вооруженнаго артиллеріей противника. Во время послѣдних сентябрьских событій болгарская реакція снова вымѣстила свою злобу и большое количество крестьян из этих сел было перебито.

— Помните-ли, сказал я ему, как вы в прошлом году говорили мнѣ про вот эту дорогу: «Судьба человѣческая ... Вся моя судьба прошла по этому пути. Здѣсь я пастушенком гонял стада, здѣсь учеником бѣгал в училище, здѣсь ходил молодым народным учителем, пропагандистом и депутатом Народнаго Собранія, здѣсь провели меня со связанными руками в Софію на суд, требовавшій моей смерти, здѣсь я ѣздил предсѣдателем совѣта министров, здѣсь однажды и пронесут меня ... Вся судьба моя человѣческая прошла по этому пути». Помните?

— Помню, отвѣтил Стамболійскій. Что же — может быть, и недалек тот час, когда пронесут меня по ней мертваго ...*)

— Вы думаете македонцы рѣшатся?

— Македонцы? Одни ли македонцы охотятся за мной ... Македонцы — это только орудіе. Черный блок**) рѣшил убить меня, а наши реакціонныя партіи даже и в своей внутренней борьбѣ не раз использовали македонцев друг против друга, для политических убійств. Я готов ко всему. Убьют меня, другіе замѣнят. Райко Даскалов с товарищами замѣнит***). Я его потому и послал в Прагу, что бы не в Болгаріи был, но и недалеко от Болгаріи.

На Стамболійскаго дѣйствительно ведется упорная, настойчивая охота. Недавно в него швырнули в переполненном театрѣ бомбу. Кто охотится? Македонцы? Реакціонный блок? Как разобраться в этом сложном переплетѣ ненависти? Зимою в Лозаннѣ во время Восточной Конференціи я жил в третьесортном пансіонѣ. Моим сосѣдом по коридору был невысокій, маслиноглазый, тихонькій, молодой еще, интеллигентный болгарин-македонец.

Вряд ли кому нибудь могло придти в голову, что этот скромный корреспондент софійской буржуазной газеты, прекрасно из'ясняющійся на нѣсколькихъ языках, в том числѣ и на русском, есть никто иной, как представитель для Европы страшной «внутренней революціонной македонской организаціи». Тѣм не менѣе это был именно он.

Мы с ним часто и много говорили о Болгаріи, о Македоніи, о политикѣ Стамболійскаго. Мой сосѣд не раз ходил в Отель

*) Стамболійскаго через восемьнадцать дней послѣ этого разговора провели по Вѣтренской дорогѣ, подгоняя ударами ножей, на смерть.

**) Так называется в Болгаріи блок реакціонных партій, принявшій оффиціальное имя «демократическаго сговора».

***) Райко Даскалов, бывшій министр финансов, потом торговли и промышленности, потом внутренних дѣл и, наконец, чрезвычайный посол в Прагѣ. Послѣ переворота стал редактором эмигрантской болгарской газеты «Землед. Знамя» и был убит приверженцем Цанкова на улицѣ Праги.

Бальмораль, скромную гостиницу, обитавшуюся Стамболійским и остальными членами делегаціи. Возвращаясь оттуда, он восхищался умом и государственным разумом Стамболійскаго, но при этом неизмѣнно добавлял:

— Он не пойдет с нами, мы убьем его.

Это был смертный приговор... Но, несмотря на его наличіе, представитель македонской организаціи самым дружеским образом посѣщал Бальмораль, разговаривал со Стамболійским, пытался убѣдить его в своей правотѣ, спорил с ним, и от имени организціи приглашал меня совершить тайную поѣздку по Македоніи, хотя и знал, что я друг приговореннаго ими к смерти Стамболійскаго. Страшный переплет ненависти, злобы и лукавства здѣсь на Балканах...

Дорога шла мимо луга.

— Вот на этом лугу я мальченкой часто пас коров. Бывало по веснѣ к утру — холодно, у меня никакой одежды, кромѣ рубашенки, нѣт, засунешь голову между ног спящей коровы, чуть-чуть согрѣешься, заснешь.

Стамболійскій гдѣ с юмором, а гдѣ и с печалью стал разсказывать исторію своей богатой содержаніем, бурной политически, чистой, прекрасной жизни крестьянскаго вождя, родившагося в коровьем хлѣву, враги зовут его в насмѣшку вторым Іисусом, все дѣтство пробродившаго по этим вот мѣстам пастухом, кое-как пробившагося к свѣту, учительствовавшаго вот в этом самом селѣ, создавшаго всю идеологію земледѣльческаго движенія своей страны, создавшаго центральный орган крестьянской партіи, заполнявшаго его своими статьями и... разносившаго по близким селам.

А там с могучей силой разрослось движеніе, стали «дружбы» земледѣльческаго союза самым страшным врагом монархіи, началась отчаянная борьба Стамболійскаго и его товарищей в парламентѣ и в странѣ против царя, против придворных партій, против военных верхов.

Война войнѣ — вот был боевой клич Союза.

— Мы, да еще соціал-демократы шли одни в этой нашей борьбѣ против войны, против старых партій. А теперь соціал-демократы поддерживают порочных лидеров старых партій, которых они сами же хотѣли судить три года тому назад. Все это — плоды партійной ненависти.

А потом, послѣ балканской военной катастрофы, міровая война, яркое выступленіе Стамболійскаго против Фердинанда, вѣчная тюрьма, вѣроятность убійства, внезапное освобожденіе самим же растерявшимся царем, революціонное движеніе арміи, разстрѣл возставших «демократическим» правительством Малинова, заочное осужденіе на смерть, бѣгство, вступленіе в кабинет министров и трехлѣтнее предсѣдательствованіе этим

кабинетом. И произведенныя реформы, о которых еще недавно только, как о далеком будущем, мечтали земледѣльцы, и быстрое движеніе впередъ родной страны, и побѣды за побѣдами на мирном фронтѣ, и улучшеніе экономическаго положенія Болгаріи, и долгожданное сближеніе с Югославіей . . .

— Ну, что же, если убьют, я оставлю богатое наслѣдство, какого еще никто не оставлял Болгаріи. Наша валюта выше валюты держав-побѣдительниц, Румыніи и Югославіи. В странѣ увеличеніе капиталов, крестьянство богатѣет, кооперація растет со стихійной быстротой, безграмотных нѣт, репараціи на три четверти прощены, с великими силами дружба, с Югославіей неизбѣжное об'единеніе. Не будь безобразнаго поведенія реакціонных партій и македонцев, устроивших кюстендильское возстаніе во время Лозанской Конференціи, нам был бы уже обезпечен, я вѣрю, и выход к Эгейскому морю. Все это создала наша политика, политика крестьян, политика «измета».*) политика простаков, как говорят о нас старыя партіи. Сколько им денег передала за сорок пять лѣт Россія, какую помощь имѣли они все время, а до чего довели страну? До страшных катастроф . . . Мы же, крестьяне, в три года поставили ее на ноги, и, если нас оставят в покоѣ, с кооперацією и трудовой повинностью мы в десять лѣт превратим Болгарію в цвѣтущій сад. Мы, простаки . . .

Я вспомнил, что еще в прошлом году буржуазная оппозиція дѣйствительно крестьян иначе, чѣм «простаками», «глупцами» и «сором» не называла. Теперь всѣ эти эпитеты исчезли со страниц газет. И еще я вспомнил, как в прошлом году, разсказывали мнѣ, смѣясь, важные иностранцы о визитах лидеров старых партій, убѣждавших иностранцев не обращать вниманія на «неграмотнаго Стамболійскаго, еле-еле подписывающаго свое имя». Стамболійскаго, безсмѣннаго редактора «Земледѣльческаго Знамени» и автора десятков оригинальных книг!

Мы взошли на холм. Отсюда далеко видно на всѣ стороны.

— Вот там будет построена общая для нѣсколькихъ сел гимназія, — указывает мнѣ Стамболійскій. Там построим больницу, а там через два года, как только Выча начнет подавать энергію, поставим электрическую мельницу.

Послѣ обѣда в оранжевом домѣ обычная исторія. Приходят в гости доктор из Славовицы, «учителки» и «докторка» из Вѣтрена. Стамболійскому передают какіе-то клочки бумаги, на которых каракулями выведено, что Цоню, или Ганю, или Стоил такой-то из села такого-то хотѣл бы поговорить с «господином министром». И приходит Цоню, или Ганю, обмѣниваются дру-

*) Измет — сор.

жескими рукопожатіями, и начинается разговор на «ты», немногословный, но дѣльный.

Однажды утром в предпослѣдній день моего пребыванія в Славовицѣ к оранжевому дому начали под'ѣзжать один за другим автомобили. Стамболійскій вышел навстрѣчу и радостно привѣтствовал гостей.

Ба! Сколько моих знакомых с'ѣхалось. Вот и Крум со своим мудрым сократовским лицом, и веселый, высокій, могучій Калычев*). и красавец Спас**) и бай Недѣлко***) и вз'ерошенный Омарчевскій, и молодой и важный Муравіев. и всѣ другіе министры.

Это министерскій совѣт собрался в Славовицѣ, и в оранжевом домѣ сразу стало людно и шумно. Сначала всѣ разошлись по винограднику, по стройкѣ, осматривали дом, а потом собрались у Стамболійскаго в комнатѣ. Засѣданіе совѣта министров открылось.

Я осѣдлал универсального коня — ходит в упряжи и под верхом — и поѣхал в Вѣтрен к черноглазому Лапардову †), предсѣдателю вѣтренской «дружбы». Мы медленно пьем с ним турецкій кофе и он жалуется мнѣ на недостаточность школ в Вѣтренѣ. Только что двѣ построили, еще в недостроенных начали учиться, а уже мало. Надо новыя строить. Однѣх учительниц шестнадцать душ и все мало.

Лапардов обуян идеей выстроить в Вѣтренѣ большую больницу имени Ламартина. Часть денег уже обѣщана, остальныя он думает собрать по всенародной подпискѣ. Ламартин и Вѣтрен? Что общаго? Общее оказывается существует.

В Вѣтренѣ когда-то, возвращаясь из Константинополя, остановился Ламартин. Здѣсь он опасно заболѣл, чуть не умер и даже завѣщал похоронить себя у самого села под высоким деревом. А выздоровѣв, написал о Вѣтренѣ, о вѣтренцах и вообще о болгарах нѣсколько очаровательных страниц в своем «Путешествіи по Востоку». У Лапардова эти страницы выписаны в болгарском переводѣ. Он достает их из какой-то ученической тетрадки, и, поблескивая черными глазами, читает вслух безсмертныя страницы. Потом идем смотрѣть жал-

*) Ст. Калычев — редактор «Земледѣльческаго Знамени», член Ц. К. Земледѣльческаго Союза и депутат в парламентѣ, звѣрски убит послѣ переворота вмѣстѣ с Крумом Поповым.

**) Спас Лупаринов — редактор «Земледѣльческаго Знамени», бывшій секретарь Союза, посол в Прагѣ и затѣм министр Юстиціи. Через четыре мѣсяца послѣ переворота при перевозкѣ из одной тюрьмы в другую выброшен конвоем из вагона и звѣрски убит.

***) Недѣлко Атанасов — министр путей сообщенія, так же, как Омарчевскій — министр народнаго просвѣщенія и Муравіев — военный министр, брошен с остальными министрами в тюрьму, гдѣ и томится под угрозой быть звѣрски убитым.

†) Убит в дни переворота 9—14 іюня.

кую хибарку, гдѣ, по мнѣнію Лапардова, лежал об'ятый злой горячкой-огневицой Ламартин.

— А если мы всѣх нужных денег не соберем, говорит Лапардов, нельзя-ли будет устроить подписку во Франціи? Вѣдь Ламартин — француз.

Я смѣюсь над разсчетливой предпріимчивостью Лапардова.

— Вы думаете нельзя?

— Сомнѣваюсь.

Ѣду обратно в палящую жару. Все недвижно, все дышет зноем. И у меня из головы не выходят строфы старинной болгарской пѣсенки:

Два вѣтра вѣют,
Лѣса лелѣют...

Повстрѣчался по дорогѣ славовицкій поп.*) По примѣтѣ надо... Впрочем, это чисто болгарская примѣта:

«Славовица големо село, славно име, велик дом»...

Так говорит вот уж двадцать лѣт полуюродивый какой-то крестьянин, славовчанин. Славовица большое село, славное имя, великій дом.

— Чудно, об'яснял мнѣ эту фразу один из моих славовчанских друзей. Когда он начал говорить свою поговорку, Славовица была совсѣм малым селом, а теперь выросла, и вѣрно — славно имя Стамболійскаго, велик его дом...

В оранжевом домѣ накрывают стол на узком балконѣ над фракійской долиной. Ради пріѣзжих гостей подается зажаренный на палкѣ поросенок. Явство необычайное...

Утром послѣдній взгляд на окрестности и мы снова на станціи «Александр Стамболійски». В дорогѣ мой гостепріимный хозяин говорил мало. Он готовился к открытію Народнаго Собранія и заканчивал писаніе тронной рѣчи царя.

Вл. Лебедев.

---

*) Поп Иван Габерскій — славовицкій священник. С крестом в рукѣ защищал Стамболійскаго. Звѣрски убит.

* * *

Посвящаю V. A.

Порою из синяго неба
Серебряный дождик слетит,
Взбѣжит по ступеням тихонько,
В спокойной листвѣ прошумит.

Мгновенье, — и вновь безмятежно
И воздух, и небо молчат,
И только прибитою пылью
Чуть пахнет взволнованный сад.

Так ты надо мной прошумѣла,
Так ты взволновала меня,
Из яспаго синяго неба,
Средь мирнаго бѣлаго дня.

Здѣсь пахнет тоской и разлукой,
Здѣсь мирному счастью не быть.
И всходит ненужное солнце
Послушную землю сушить.

Нина Берберова.

Возвращеніе варваров*).

«Это вѣрно, часто повторяют теперь, разсуждая о настоящем и о будущем: власть разлагается сейчас в Европѣ, как это было и в 3-м вѣкѣ по Р. Х. Но теперь нѣт варваров, которые могли бы воспользоваться нашей анархіей».

Дѣйствительно, времена измѣнились. В третьем вѣкѣ цивилизація и варвары сражались одним и тѣм же оружіем. Не то сейчас. Варвары безсильны пред цивилизаціей. Их смѣлость и порыв не могут соперничать с силой нашего оружія.

Но увѣренны ли мы, что всѣ варвары живут в шатрах и палатках?

Развѣ не является варварской эпоха, когда властвуют сила и матерія, и их не ограничивают ни законы, ни справедливость, ни любовь, ни общественность, ни красота, ни культура? Развѣ мы не называем варварскими народы, предпочитающіе грубую тиранію страстей и силы организованному царству права и разума?

Но в таком случаѣ сколько варваров существует еще в самом сердцѣ западной цивилизаціи! Их можно встрѣтить повсюду: в университетах и на фабриках, среди ученых и невѣжд, в народѣ и в знати, среди богатых и нищих.

Мы варвары, когда пьем, ѣдим и курим сверх предѣлов безразсудно. Мы варвары, когда расточаем богатства для того только, чтобы ослѣпить ими ближних. Мы варвары, когда с одинаковым пылом восхищаемся прекрасной женщиной и брилліантом, сверкающим в ея волосах. Мы варвары, когда подчиняемся грубой власти машин и скоропалительному безумію нашего времени. Мы варвары, когда лишаем себя величайшаго божественнаго дара—разума, чтобы вдохнуть его в ма-

*) Из-во «Пламя» выпускает в ближайшее время перевод книги извѣстнаго итальянскаго историка *Гульелмо Ферреро* «Трагедія Мира» (от Версаля до Рура). С разрѣшенія автора и издательства заимствуем одну главу из книги Ферреро.

терію, когда мы гордимся, что дѣлаемся глупѣе, ибо создаем с каждым днем все болѣе усовершенствованныя и разумныя машины.

Мы варвары, когда радуемся тому духу уничтоженія, который пробудили в вещах, забыв о собственном первородствѣ, когда стремимся стать царями вселеной, пред которыми должно все пасть ниц.

Мы варвары, когда надѣемся искупить механическими изобрѣтеніями и химическими открытіями наши грѣхи, ошибки, нашу слѣпоту и безуміе. Мы варвары, когда думаем, будто пар, электричество, Х-лучи, безпроволочный телеграф, радій, химическія соединенія, коммерческія предпріятія, дерзкая отвага промышленности и успѣхи земледѣлія приведут ко второму, послѣ Христа, спасенію свѣта, и очистят его от злых страстей, открывая царство мира и мудрости.

Очень часто варвары внутренніе, „ab intus“ страшнѣе варваров извнѣ. Тѣ наступают открыто: их можно увидѣть, сосчитать, побѣдить силой. Но как узнать современных варваров? Вѣдь они сами не подозрѣвают о себѣ, а другим так трудно узнать их, что часто ими восторгаются, как защитниками и столпами цивилизаціи.

И это тоже одна из опасностей, угрожающих нам на головокружительных высотах нашей мощи. Западная цивилизація принимает грубо замаскированные или поддѣланные пороки варварства за признаки прогресса и слишком часто, во имя собственнаго спасенія, обращается к помощи разрушенія и смерти.

Обратите вниманіе, чѣм она гордится: плавающими стальными крѣпостями, раздирающими моря; пушками с жерлами, зіяющими, точно пропасть; пулеметами, поливающими землю дождем мелкой, частой, невидимой смерти; металлическими птицами, сыплющими молніи; милліонами штыков, сверкающими на солнцѣ.

Мы довѣрились этим страшным военным снаряженіям для того, чтобы они держали на почтительном разстояніи от нас народы, которые мы, справедливо или нѣт, называем варварскими. Под защитой этой стѣны желѣза и огня, возведенной нашей изобрѣтательностью, мы могли быть увѣрены, что нам не придется болѣе бѣжать перед лавиной монгольскаго на-

шествія. Но развѣ ураган насилія, пять лѣт опустошавшій Европу, не был порожденіем тѣх самых орудій войны, которыя мы считали оплотом наших надежд и безопасности?

Западная цивилизація в агоніи лежит под тяжестью тѣх вооруженій, которыя в цѣлях защиты она сама на себя надѣла.

Штыки, которыми мы должны были бороться против варваров, обратились против нас — они то и есть истинные варвары наших дней, варвары из желѣза и стали, закаленные нашими руками: мы безсильны против них, подобно тому, как римляне были безсильны против германцев и готов.

Смертоносный разум, который, благодаря нашей гордости и тщеславію, мы пробудили в матеріи; этот смертоносный разум, которым мы восторгались, как чудесным твореніем нашего генія, когда он отразил наших врагов,—уничтожил теперь и нас: мы и побѣдители и побѣжденные. Это самый страшный враг западной цивилизаціи: он безпощаднѣе варварских орд, разрушивших римскую имперію. Нам не спастись от новых варваров желѣзом, потому что сами они — желѣзо; не спастись и золотом, которым Рим часто останавливал нашествіе, когда не мог отразить его, ибо новые варвары домогаются не наших богатств, но нашей гибели.

Видимые или невидимые, эти внутренніе варвары, »ab in tus« могут быть побѣждены лишь невидимым и невѣсомым оружіем: разумом, справедливостью и мудростью. В тот день, когда в мирѣ появятся разум, справедливость и мудрость, варвары, пришедшіе опустошать Европу, повернутся к нам спиной и исчезнут навсегда. Но до этого дня, сколько раз мир будет поворачиваться спиной к словам правды?

Гульѣлмо Ферреро.

Растраченный талант.*)

В наше время надо много смѣлости и, главное, денег, чтобы говорить правду. Но у кого много денег, тѣ совсѣм перестают говорить правду и начинают говорить ложь, а у кого их нѣт, тѣх преслѣдуют, не дают говорить и т. д.
А. С. Суворин, «Дневник», 8. VIII. 1907.

Отец А. С. Суворина был крестьянин, дослужившійся на военной службѣ до военных чинов; мать — дочь священника Л. Соколова. А. С. родился в 1834 г., кончил Воронежскій кадетскій корпус и затѣм два спеціальных класса в Дворянском полку в Петербургѣ. По военной части не пошел. Хотѣл поступить в университет, но выдержал лишь экзамен на уѣзднаго учителя и преподавал исторію и географію сначала в Бобровскѣ, потом в Воронежском училищѣ. В 1857 г. женился на А. И. Барановой. Тогда родилась у него первая дочь Саша. «Нѣсколько мѣсяцев я сам ее купал в корытцѣ в теплой водѣ и покупал при своей бѣдности, при учительском жалованьи в 14 р. 67 к. херес в два рубля и вливал в воду нѣсколько рюмок, думал, что это укрѣпляет маленькое тѣльце». В 61 г. перебрался в Москву для работы в «Русской Рѣчи», в 62 г. в Петербург, гдѣ работал до 74 г. в «СПБ. Вѣдомостях» у Корша. В 1874 г. Корш продал их по приказанію правительства за неблагонамѣренность. Остался не у дѣл. В 1876 г. основал на 30 тысяч рублей, ссуженных варшавским банкиром Кроненбергом «Новое Время» вмѣстѣ с Лихачевым. Сотрудничал в «Отечественных Записках», в «Современникѣ». Богатство и вліяніе дало »Новое Время».

Уже стариком (в 1893 г.) Суворин стал вести «Дневник», вел его неряшливо, неаккуратно. Тетради «Дневника» за 1905 год не нашлось, — может быть, ее и не было. Послѣднія записи относятся к 1909 году. Несмотря на безсистемность записей, «Дневник» навсегда останется одной из замѣчательнѣйших книг в русской мемуарной литературѣ. И то, что Суворин заносил туда о своей эпохѣ, о своих современниках и тѣ признанія, которыя он скупо, но безпощадно дѣлает в «Дневникѣ» о самом себѣ — представляют исключительную историческую и психологическую цѣнность.

*) «*Дневник А. С. Суворина*»; редакція, предисловіе и примѣчанія Михаила Кричевскаго, стр. 408. Москва, Петербург, 1923 г., изд. А. Д. Френкель, тираж 6000 экз. Курсив в цитатах вездѣ наш.

Много грѣхов на совѣсти покойнаго; не мало дѣлал он и хорошаго; большой, широкій, даровитѣйшій был он человѣк. Больше всего грѣхов отпустится ему за то, что как бы из гроба, наконец, явилаєь у него смѣлость и любовь к правдѣ, чтобы сказать много страшных, но вѣрных мыслей. «Если не удалась жизнь, — удалась смерть».

«Внутреннее безпокойство грызет меня, и я не знаю, что дѣлать, как быть... Я прекрасно вижу, что я мѣшок с деньгами, и ничего больше. Интерес ко мнѣ исчерпывается таким образом. Я, впрочем, этому нисколько не удивляюсь, но это тяжело. Вся жизнь потрачена на труд и к старости, когда смотришь в могилу, нѣт никого, кто принимал бы сердечное участіе, кто берег бы». (17. IX. 1893). А деньги давались не легко: «От нашего брата отдает улыбкой деревенской проститутки, давно больной сифилисом» (10. VI. 1907). «Министр Вн. Дѣл Горемыкин призывал сегодня меня и говорил назидательныя рѣчи о «Маленьком письмѣ»... гдѣ я немного осудил девальвацію. С. Ю. Витте пожаловался. Низкій он человѣк. Он (Горемыкин) говорил Кочетову, что назначит на мѣсто Феоктистова главным начальником по дѣлам печати такого человѣка, при котором «Суворину будет петля». Благодарю покорно... Витте жаловался Кочетову, что устроил для меня торговлю на вокзалах жел.-дорог книгами и газетами, а я так его отблагодарил. Я очень сожалѣю, что обратился к нему с дѣлом ,которое он устроил при 8.000 руб. аренды в год и нормальных цѣнах на газеты (14. IV. 96)... Вчера был у Горемыкина по поводу моего «Маленькаго письма»; оно возбудило всѣх. Нашли, что невозможно так говорить (2. XII. 96)...» «Сегодня в газетѣ Трубникова «Міровые отголоски» напечатан удивительный донос на «Новое Время» и на меня... Года три тому он подавал государю прошеніе, в котором говорил о «Н. Вр.» черт знает, что... и совѣтовал запретить «Нов. Вр.», чтобы дать ему, Трубникову, возможность проявить свои силы. Служил в 3 отд. тайным шпіоном, в так называемом литер. столѣ... Вслѣд за статьей о »Н. Вр.» он написал лицемѣрнѣйшую статью «что есть истина» (29. III. 97). В этой статьѣ Трубников писал, что «Новое Вр.» пріобрѣло в теченіи послѣдних 12 лѣт чуть не монополію в столичной большой прессѣ, благодаря тому, что не было разрѣшено новых больших частных ежедневных изданій, могущих с ним конкурировать... Легкомысліе «Н. Вр.» доходит до того, что газета эта ... замѣняет нравственное православно-христіанское ученіе европейским соціализмом (sic!)... Издатель «Нов. Вр.» насильственно ввел в нашу прессу совершенно чуждые и зловредные элементы парижской бульварной и каскадной печати, претендующей на роль выразительницы общественнаго мнѣнія.»

Но вот «монополія» нарушена и при участіи отколовшихся сотрудников »Нов. Вр.» начинает выходить издававшаяся Г. П. Сазоновым «на капиталы Мамонтова и Морозова» «Россія». И Суворин заносит в «Дневникѣ»: «читал «Россію». В ней есть что то свободное и интересное. «Н. Вр.» заплеснѣло, замучено, сѣро» (9. VI. 1899). Сколько горечи в этих строках: «В одной из своих записных книжек я нашел образчик *свободной* статьи. Недурно написано. Попробовать развѣ? . . . Нѣт ничего лучше самодержавія, ибо оно воспитывает цѣлый улей праздных и ни для чего ненужных людей, которые находят себѣ дѣло. Это люди из привиллегированных сословій и самая существенная часть привиллегій их заключается именно в том, чтобы, *ничего не имѣя в головѣ, быть головой над многими*. Каждый из нас, работающих под этим режимом, не может (не?) быть испорченным, ибо только в рѣдкія минуты можно быть искренним. Чувствуеш над собой сто пудов лишних против того столба воздуха, который над всяким. Нѣт, будет. Все это старо» (15. II. 900).

. . . «Клейгельс жаловался на нас. Булгакова призывали. Мы, якобы, систематически нападаем на полицію . . . Очевидно, его недовольство передано частным приставам, которые не пропускают два дня об'явленій, говоря, что их слишком много, и некогда. — Граф Муравьев говорил третьяго дня Витте, что слѣдовало бы всѣ газеты взять в казну, что это было бы выгодным» (17. III. 1900). Через нѣсколько дней Суворин опять отмѣчает, что пристав Литейнаго раіона не пропускает об'явленій: «Коломнин был у него. Он не пропустил, напримѣр, о продажѣ яблок, говоря, что тут под яблоками может быть разумѣется что другое; не пропустил о скорых поѣздках на Парижскую выставку от одной компаніи, утвержденной М-вом Финансов. Добиваться своего права через Сенат — значит ждать 6—8 мѣсяцев». 21. августа 1900 г. Суворин набрасывает в «Дневникѣ» черновик письма Н. Г. Гартвигу: «Нов. Время», говорите Вы, «будирует». Против кого? Против Министерства Иностранных Дѣл? Нѣт, оно не будирует. Но оно старается стать в то положеніе, которое для большой газеты обязательно. Мы печатали часто и свои статьи по данному вопросу и статью, выражавшую мнѣніе М-ства Ин. Дѣл. Но все таки по отношенію к общественному мнѣнію мы исполняли свою роль, т. е. высказывали то, что казалось нам необходимым или правдивым в данном положеніи . . .»

7 марта 1901 года Суворин писал: «Очень тяжело и физически и нравственно. Опять безпорядки молодежи. Чувствуешь, что то дѣлается, что то движется. У нас не как у всѣх. У нас самодержавіе. Придворные совершали переворот и войска. Потом стала к этому пристегиваться молодежь. *Говорить прямо и*

открыто невозможно. Газета становится противною. Хочется отдыха, а его нѣт и не предвидится. Юбилей удался, но меня он ни мало не утѣшил. Напротив. Молодежь, числом человѣк во 100—150, хотѣла сдѣлать перед домом кошачій концерт. Ее не пустили. Я узнал потом. Мнѣ было очень тяжело. В день юбилея сняли два предостереженія. Я с ними жил и водился цѣлых 20 лѣт. И за это еще надо благодарить ... Вел. князь Владимир был на раутѣ. У меня в домѣ были министры ... Я был только сконфужен, а удовольствія никакого.»

Через два мѣсяца Сипягин закрыл «Новое Время» на недѣлю. «Сипягин дожидался случая, чтобы отомстит газетѣ за то, что при вступленіи его в должность, я намекнул, что у него никакой програмы нѣт.» (II. V. 901.) «Журналист нѣчто такое, что полупризнается только. Самозванец в самодержавном царствѣ и правительство его гонит и преслѣдует. — Хирург Троянов говорит мнѣ: «Да, Сипягин животное. Это продукт полнаго вырожденія. Посмотрите на его череп, на его уши». Дѣйствительно, великих людей с такими черепами и ушами не было. В настоящее время продукты вырожденія в цѣнѣ, ибо они умѣют нравиться и совершенно безопасны государю в том отношеніи, что во всем с ним согласны и во всем готовы ему угодить.»*) (17. V. 901.)

2 апрѣля 1902 г. Суворин пишет: «Сегодня убит Д. С. Сипягин. Покойный не был умен и не знал, что дѣлать. Его поставили на трудный пост и во время чрезвычайно трудное, когда и сильному уму трудно найти путь в самодержавном государствѣ. Надо бы свободы совѣсти, личности, печати. Но какая может быть свобода при самодержавіи министров, поддерживающих самодержавіе».

«Сигма говорит, что его пригласили в газету, которую хотѣл создать Сипягин и потратил на нее два милліона. Можно смѣло сказать, что консервативной газетой ничего не подѣлаешь. В ней и сказать то что нибудь трудно. Нѣт, мы подошли к стѣнѣ, которую лбами и усердіем пробить нельзя. Революціонное настроеніе растет, и как оно кончится, сказать трудно.»

31-го іюля, послѣ убійства Плеве, Суворин под впечатлѣніем бесѣды с Витте сознается, что «черт знает, как нами управляют всѣ. Посидишь этак, послушаешь, и так становится скверно, так скверно, что понимаешь все самое гнусное, самое

*) Характерно, что по словам С. И. Шидловскаго («Воспоминанія. часть I, Берлин 1923), когда убили Столыпина и Николай II назначил предсѣдателем совѣта министров В. Н. Коковцева, он сказал послѣднему: «Вѣдь вы не будете меня заслонять, как покойный ... А о программѣ поговорим потом». Это не мѣшает теперь бездарнѣйшему сотруднику Витте быть одним из руководителей русских промышленников.

отвратительное, всѣ эти заговоры и убійства». На 2-ой или 3-ій день послѣ убійства, как разказывал Суворину А. А. Столыпин, у царя был Н. В. Муравьев, откровенно разсказавшій ему о положеніи Россіи. «Оно отчаянное, нельзя управлять без общества... Муравьев выказал мужество и относительно Плеве, котораго он представил государю деспотом, который пользовался именем государя, чтобы дѣлать невозможныя вещи...» Государь плакал, Муравьев также. Слезливые люди...» Затѣм разговор был основательно забыт.

В »Revue Russe« почтовая цензура замазала статью «Московских Вѣдомостей» о самодержавіи», отмѣчает Суворин 9-го августа.

«... *Только еще русскій язык выдерживает статьи о самодержавіи.* От них тошнит на всяком другом языкѣ.»

«Государь», мысленно приглашает Суворин «слабосильнаго деспота» Николая II, — «станьте частным лицом в государствѣ нашем — и спросите самого себя, когда бы подобный вам человѣк мог располагать вами по своему произволу, как вещью. — Служба замѣнилась прислугой» (27. VIII. 1904).

Суворин надѣется, что «новое время» настанет и оно себя покажет. «Оно себя показывает уже тѣм, что правительство совершенно спуталось и не знает, что начать. «Не то ложиться спать, не то вставать». Но долго ли протянется эта безурядица. Хоть умереть с этим убѣжденіем, что произвол подточен и совсѣм не надо бури, чтобы он повалился. Обыкновенный вѣтер его повалит» (29. V. 1901).

И когда революція оказалась еще не достаточно созрѣвшей — у Суворина выливаются эти столь задушевныя, волнующія строки:

«Мнѣ жаль затравленнаго звѣря (революціи). Не то, чтобы я жалѣл его старых зубов, его хищной наскоки, его безумной ярости, — помилуй Бог. Мнѣ жаль улетѣвшей красоты этого единственнаго в своем родѣ русскаго медвѣдя, столь много обѣщавшаго и столь мало давшаго. Мнѣ жаль моих ожиданій, моей грусти, моих восторгов, моей вѣры и ошибок, жаль пролетѣвшей, как сон, молодости. Подкрадывается что то старое, склизкое, корявое. Перед зрѣлищем затравленной революціи я испытываю что то среднее между тошнотой и раскаяніем. Смѣлость сознавшей свою силу и отвагу задорной юности; наглость реакціи, наглость торжествующей, злобно сладострастной, импозантной, но похотливой энергіи старости». (3. VIII. 1907).

Уже на первых страницах «Дневника» чувствуется скептическое отношеніе автора к русскому обществу.

«У нас нѣт правящих классов. Придворные даже не аристократія, а что то мелкое, какой то сброд. Аристократія

была только при старых царях, при Алексѣ Михайловичѣ, этом удивительном, необыкновенно цѣльном человѣкѣ, который собственно заложил новую Россію. Петр начал набирать иностранцев, разных проходимцев, португальских шутов; со всего свѣта являлась разная дрянь и накипь и владѣла Россіей. При императрицах пошли в ход пѣвчіе, хорошіе жеребцы для них, при Александрѣ I — опять Нессельроде, Каподистрія, маркизы де Траверсе, всѣ нерусскіе, для которых Россія мало значила. Даже плохой русскій лучше иностранца. Иностранцы деморализируют русских уже тѣм, что послѣдніе считают себя приниженными, рабами, и теряют чувство собственнаго достоинства». (14. II. 1893). Вѣдь «рабы одинаковаго происхожденія с господами, а иногда и высшаго. Крестьяне, славянскаго происхожденія, а господа — татарскаго, черемисскаго, мордовскаго, не говоря уже о нѣмцах».

Суворин любит заносить в свой «Дневник» черты разложенія династіи. Он передает со слов П. А. Ефремова, что Павел I собирался заточить свою жену в монастырь и сб'явить незаконными Николая Павловича и Михаила Павловича. Императрица жила с кѣм то и Николай II показывал Панчулидзеву портрет ея любовника. Он, смакуя разсказывал, как Александр II, отправляясь на смотр 1 марта, с котораго он вернулся мертвым, повалил на стол Юрьевскую и... Она Боткину сама это разсказывала». (14. IX. 1893). Он сообщает множество эпизодов о воровствѣ и всяточничествѣ великих князей, в особенности Александра Михайловича. Даже К. Р., по мнѣнію его, маленькій бездарный Нерон.

Но нѣт у него вѣры и в русскую интеллигенцію. «Все стало дрянью, именно дрянью. Когда народ голоден, бѣден, невѣжественен, то во имя его может создать что нибудь смѣлый геній, а не поддѣлывающіеся под него, не дворяне с добрыми намѣреніями, но без дѣла, не буржуа-кадеты, у которых гораздо больше капиталов, чѣм таланта и ума». (31. V. 1907). Кадетов он обзывает шумливыми хвастунами. «Их хамелеоновская душа полна плутовства. Свобода без ума и сердца — это Пугачев и Разин... Большая амбиція и малая амуниція». (9. VII. 1907). И еще в первых записках «Дневника», передавая одну из бесѣд своих с Ѳ. М. Достоевским, он разсказывал, что Ѳ. М. собирался написать роман, гдѣ героем будет Алеша Карамазов. Он хотѣл его провести через монастырь и сдѣлать революціонером. Он совершил бы политическое преступленіе. Его бы казнили. *Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революціонером*».

Суворин был сложным человѣком. В нем были несомнѣнно черты «героя из подполья». Он любил революцію, имѣл и другія «тайныя страсти». И в то же время сильна была в нем

черта «соборности»: «Какое глупое положеніе в одиночествѣ. Я совсѣм к нему не привык и в одиночествѣ работать не могу. *Мнѣ все надо на міру, как актеру*». (25. VI. 1893).

Но его влеченія не находили настоящаго выхода, взаимно уничтожали друг друга и он испытывал глубокую неудовлетворенность жизнью, скучал, капризничал, злился, придумывая себѣ «наркотики» и поддавался им: его страсть к театру, к коллекціонированію — он так и говорит о них, как «об алкоголѣ и никотинѣ». И растрачивал свой удивительный талант и без того погибавшій от «ста пудов» лишней нагрузки.

Была у него одна яркая черта. Как очень даровитый человѣк, он не боялся дарованій, тянулся к ним, помогал им. Он помог Чехову, он отогрѣл Розанова. Он искал способную молодежь и не всегда находил: плоховата она стала «или ей надо больше простора?» недоумѣвает он.

Его замѣчанія о писателях, об артистах, о государственных людях необычайно мѣтки; много любопытнаго заносит он о них в «Дневник».

«Тургенев среди общества явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые оставались образцами. Он дѣлал моду . . . Он придумывал покрой, он придумывал душу, и по этим образцам многіе россіяне одѣвались». (8. IV. 1896).

На первом представленіи «Чайки» в Александринском театрѣ Мережковскій «заговорил со мной, что она не умна, ибо первое качество ума — ясность. Я дал ему понять довольно неделикатно, что у него этой ясности никогда не было». (17. X. 1896).

«У Витте большой талант и большой ум. Умѣнье узнавать людей и полное отсутствіе нравственных правил. Он старается подкупить всякаго человѣка тѣм или другим способом и вытянуть из него все, что можно . . .» (23. VI. 1907).

А вот и характеристика Суворинym самаго себя: «Писал, писал и писал и жизни не знал и мало ее чуял. Что это за жизнь, которую я провел? Вся в писаніи. Блестки счастья, да и то больше того счастья, которое дается успѣхом удачной статьи, удачной пьесы, а простого истиннаго счастья — счастья просто — не было . . . Все мимо шло. Некогда было. А я работал, ей Богу, *не для денег*. Поэт поет, как птичка, сказал Гете. Во мнѣ было нѣчто подобное. Все совершавшееся вызывало мысль, будило, раздражало: я негодовал, горѣл, трусил, проклинал себя и других. Но когда все это выливалось на бумагу и я имѣл успѣх — был удовлетворен. А это было напрасно. Что было в душѣ правдиваго, честнаго, горячаго, то выливалось в указанныя формы; мысль и чувства сжимала цензура, сжимала то, что путем десятилѣтій накоплялось под давленіем нашего режима». (8. II. 1893).

Жаль, что эта замѣчательная книга издана не достаточно тщательно. Предисловіе топорно доказываетъ полезность «Дневника» для читателей «обновленной в революціонной купели Россіи». В текстѣ попадаются опечатки и, повидимому, не вездѣ рукопись расшифрована правильно. Нѣкоторыя фразы неясны и редактор не потрудился по этому поводу дать об'ясненій и предположеній. Записи о семейных дѣлах Суворина «по мѣрѣ возможности выброшены совершенно». Между тѣм для біографіи покойнаго выясненіе его семейной жизни, очень драматической, крайне важно. Недаром Суворин говорит:

«Сегодня страстная суббота. Был с Чеховым в Александровской Лаврѣ и по обыкновенію пошел на могилу моих мертвых. Сколько трагическаго зарыто в этих могилах. Сколько скорби и ужаса. Если бы они встали и разсказали всю правду. ничего не скрывая, ни о себѣ, ни о других своих близких, какая бы это повѣсть вышла . . .»

Примѣчаній недостаточно, они случайны и не всѣ удовлетворительны. К книгѣ не приложены ни указатель, ни даже оглавленіе.

Во всяком случаѣ и в этом видѣ «Дневник А. С. Суворина» чрезвычайно значителен. Было бы желательно, чтобы вслѣд за «Дневником» опубликована была и переписка Суворина. Пока изданы были (еще до революціи) лишь письма Суворина В. В. Розанову. Послѣдній снабдил их тогда любовно, с блѣском написанным введеніем. Суворин был интересный корреспондент — и из всей, напримѣр, переписки Чехова наиболѣе ярки письма его Суворину. Послѣдній, конечно, в долгу не оставался . . .

Суворин не только крупен, он *характерен* для своей эпохи. И им пора заняться.

Д. Лутохин.

Дѣла и дни бѣлаго адмирала.

(Е. Е. Колосов. Сибирь при Колчакѣ).

Період правленія адмирала Колчака в Сибири, его приход к власти и сверженіе являются одной из наиболѣе интересных, поучительных и в то же время наименѣе освѣщенных глав исторіи россійской революціи. Кромѣ об'емистой, но малосодержательной и тенденціозной книги *Гинса* «Сибирь, союзники и Колчак», (собственно говоря, II-го его тома), Собранія документов, изданных *В. М. Зензиновым* под названіем «Государственный переворот адмирала Колчака», двух трех глав интересных воспоминаній *Л. А. Кроля* «За три года», да нѣсколькихъ очерков партизанскаго движенія в Сибири 1918—20 гг., появившихся в Совѣтской Россіи, о Колчаковском періодѣ в печати почти ничего не имѣется. Напечатанныя в X томѣ Архива Революціи показанія адмирала Колчака перед слѣдственной комиссіей в Иркутскѣ, хотя и представляют значительный интерес, но, к сожалѣнію, достаточных гарантій элементарной, об'ективной истинности и даже суб'ективной правдивости не представляют. Появившаяся в 1919 г. брошюра «В застѣнках Колчака», правдивая и интересная, касается почти исключительно условій тюремной жизни и не дает достаточнаго представленія о жизни на волѣ. Наконец, книжечка *Б. Солодовникова* «Сибирскія авантюры и генерал Гайда», останавливается преимущественно на эпизодѣ ноябрьскаго выступленія Гайды во Владивостокѣ, в остальной же части дает для характеристики Колчаковскаго періода лишь отдѣльные любопытные штрихи, главным образом, посредством выдержек из различных документов, рисующих ужасы Колчаковщины во всей их наготѣ. Однако, в виду сумбурности книги Солодовникова и путанности ея изложенія, она также не дает читателю достаточно опредѣленнаго представленія о том, что собственно переживала Сибирь в это время. Таким образом, слѣдует признать, что вообще до сего времени указанный період был освѣщен в литературѣ совершенно нудовлетворительно.

Имѣющаяся в этом отношеніи пробѣл в значительной мѣрѣ восполняется с выходом в свѣт книги *Е. Е. Колосова* «Сибирь при Колчакѣ», изданной в Петроградѣ в настоящем году издательством «Былое». Хотя книга эта, воспроизводящая отчасти очерки, напечатанные в №№ 20 и 21 журнала «Былое», представляет лишь первую часть всей его работы, но, так как вторая часть по-

слѣдней, судя по замѣчаніям автора, будет посвящена уже ликвидаціи Колчаковщины, а не ея характеристикѣ, то появившійся труд представляет самостоятельный интерес и подлежит особой оцѣнкѣ. Сдѣлать это тѣм болѣе необходимо, что заграницей этой любопытной книги в продажѣ пока что не имѣется и о выходѣ ея в свѣт даже мало кто знает.

Исторія сибирской реакціи, олицетворенной в злополучной фигурѣ «бѣлаго адмирала» Колчака, получает в книгѣ Колосова в значительной степени новое освѣщеніе и дает очень много совершенно новых данных, которыя необходимо имѣть в виду всякому, кто желает этот період исторіи Россіи уяснить себѣ об'ективно, хотя сам автор сочиненія «Сибирь при Колчакѣ» такую об'ективность сохраняет не всегда, обладая для этого слишком пылким темпераментом.

Внѣшне эта книга распадается на четыре отдѣльные очерки: «Крестьянское движеніе при Колчакѣ», «Как это было?», «Адмирал Колчак в борьбѣ с крестьянством» и «Кризис чехословацкой арміи в Сибири». Однако, по содержанію своему изложенный в книгѣ матеріал правильнѣе было бы распредѣлить совсѣм иначе. Центр интереса в ней представляет несомнѣнно, как общая характеристика сибирской реакціи, так и личная роль в ней адмирала Колчака. Хотя никакой послѣдовательности в изложеніи фактов и событій Колосовым не соблюдаются, но возстановить таковую мы все же попытаемся, так как иначе смысл событій читателю уловить будет трудно. Зарожденіе »колчаковщины», борьба диктатуры с демократіей за власть, силы, выдвинувшія и поддерживавшія Колчака, характеристика политической природы и соціальной сущности правительства бѣлаго адмирала, в частности его борьба с демократіей и крестьянством, и силы, ему противоборствующія в Сибири — вот основные элементы главной темы сочиненія Колосова. Относящіяся сюда данныя разбросаны им по всѣм четырем очеркам, хотя по преимуществу сосредоточены в двух средних. На ряду с этой основной темой Колосова интересуют три спеціальныя, как бы дополнительныя, хотя и связанныя логически с основной. Одна из них — крестьянское движеніе при Колчакѣ, которому с точки зрѣнія развитія общей темы отведено непропорціонально большое мѣсто. Ему посвящен спеціально весь первый очерк, составляющій болѣе четверти книги, и нѣкоторая часть третьяго. Вторая тема — это позиція чехословаков в отношеніи сибирской реакціи. Этой темѣ по преимуществу посвящен четвертый очерк, хотя и не цѣликом. Обѣ указанныя темы связаны с основной в порядкѣ изслѣдованія сил, боровшихся с Колчаком или поддерживавших его. Наконец, особый интерес автора из всѣх дѣяній Колчака привлекают к себѣ

декабрьскія убійства «учредиловцев» в Омскѣ, составляющія непосредственный предмет его второго очерка. Для читателя и критика наиболѣе интересно, конечно, развитіе основной темы, к чему мы и обратимся.

Нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Колосовым относительно генезиса Колчаковщины и совершенно неизвѣстныя еще читающей публикѣ, относятся к самым первым дням существованія так называемаго Омскаго Сибирскаго Правительства, возглавлявшагося П. В. Вологодским и составлявшаго осколок Правительства, избраннаго в январѣ 1918 года Сибирской Областной Думой, но уѣхавшаго в большей своей части на Дальній Восток. Правительство Вологодскаго, как вѣроятно извѣстно читателю, приняло власть от эсеровскаго Западно-Сибирскаго Комиссаріата, непосредственно возглавлявшаго противобольшевистскій переворот, только 30 іюня 1918 г., а уже 3-го іюля Колосов, прибывшій в тот день в Омск из Россіи, присутствовал на засѣданіи Совѣта Министров, гдѣ один из главных дѣятелей переворота, член Учредительнаго Собранія Н. В. Фомин, убитый потом колчаковцами, дѣлал в качествѣ политическаго уполномоченнаго при арміи довольно пессимистическій доклад о политическом настроеніи послѣдней и, глядя в упор на начальника главнаго штаба — будущаго сподвижника Колчака —Бѣлова-Виттенкопфа, отмѣчал наличность в сибирской арміи элементов, угрожавших уже тогда перебить кромѣ большевиков и демократических членов сибирскаго правительства.

Интересны свѣдѣнія о салонѣ жены Управляющаго Военным Министерством, Гришиной-Алмазовой, «омской красавицы, представлявшей из себя нѣчто среднее между м-м Сталь и Сонькой Золотой Ручкой». Здѣсь собирались нѣкоторые министры, офицеры и дѣльцы, пили за здоровье Михаила Романова, выражали надежду на его скорое пришествіе и строили разныя политическіе комбинаціи и планы. Относительно самого Гришина, аннексировавшаго фамилію Алмазова в конспиративный період подготовки противобольшевистскаго выступленія, мы узнаем, во-первых, что он еще до открытія Областной Думы подготовлял отряд для ея разгона и, во-вторых, что в первую сессію Думы во фракціи сибиряков-областников он развивал идею военной диктатуры. Повидимому в диктаторы мѣтил сам Гришин, но шансов на успѣх у него было, кажется, мало. В этот первый період сибирская реакція, выдвинувшая лозунг диктатуры очень скоро послѣ сверженія болшевиков, свои помыслы уже обращала на Восток, откуда должен был пролиться свѣт, исходящій от генерала Д. Л. Хорвата. Послѣ того, как радостная вѣсть о провозглашеніи им себя на станціи Гроденово «Всероссійским Правителем» проникла в западную Сибирь, его кандидатура встрѣтила поддержку и здѣсь, особенно со стороны так называемаго «потанинскаго»

кружка, возглавлявшагося в это время редактором «Сибирской жизни» А. В. Адріановым.

В августѣ 1918 года послѣдній повел в своей газетѣ энергичную кампанію в пользу Хорвата на американскій образец и предполагал даже организовать поѣздку на Д. В. маститаго Г. Н. Потанина для пріобщенія Хорвата к сибирскому областничеству. Эта поѣздка, правда, не состоялась, но зато в октябрѣ состоялась поѣздка особой делегаціи дальневосточных «несоціалистических организацій» (во главѣ с видным владивостокским биржевиком) по линіи Сибирской жел. дороги для пропаганды все той же кандидатуры. Однако, в это время другой кандидат в диктаторы адмирал Колчак уже был транспортирован в натурѣ из Владивостока в Омск в вагонѣ генерала Гайды, на котором игрою случая сохранилась дощечка с символической надписью: Владивосток — Москва, которой, однако, почему то не суждено было стать пророческой, на что нѣкоторые возлагали в свое время не мало надежды. Роль генерала Гайды в подготовкѣ кандидатуры Колчака не ограничилась его перевозкой в Омск: он не только провозил, но и проводил Колчака в диктаторы и, по словам Колосова, в бесѣдѣ с В. Н. Пепеляевым на ст. Манджуріи, договорившись о необходимости диктатуры, будто бы даже прямо заявил «диктатор ѣдет со мною в этом же поѣздѣ. Это — адмирал Колчак».

Приведя в разных мѣстах эти данныя, Колосов на основаніи их приходит к выводу (стр. 60), что и самый тип власти, который потом создался в Сибири, и методы ея управленія, и даже пріемы борьбы с оппозиціей — всѣми средствами вплоть до похищенія и убійства ея представителей были, импортированы в Сибирь с Д. Востока, согласно древней истинѣ »ex oriente lux« Однако, этот вывод представляется нам довольно спорным, во-первых, — потому, что сам Колосов разсказывает, что идею диктатуры лидер центровиков Жардецкій развивал в Омскѣ, еще в іюлѣ и можно допустить что при этом плагіата у Хорвата не совершил, ибо, как извѣстно »les beaux esprits se rencontrent«; во вторых, потому, что попытка импорта в Сибирь идеи бѣлой диктатуры, как извѣстно и Колосову (стр. 59), еще раньше, чѣм с востока, была сдѣлана с запада, откуда в апрѣлѣ с порученіем от Корнилова к военным и областникам пріѣхали полковник Глухарев и генерал Флуг, (доклад котораго об их работѣ в Сибири напечатан в IX книгѣ Архива Революціи); а, в третьих, потому, что идея единоличной власти вообще не может почитаться особенно новой и оригинальной, а в ходѣ русской революціи она отчетливо выступила на сцену еще с августа 1917 года.

Относительно періода, предшествовавшаго Колчаковскому перевороту, у Колосова, кромѣ отмѣченнаго выше, имѣются довольно любопытныя свѣдѣнія насчет политической позиціи союз-

ников, полученныя им во время поѣздки его вмѣстѣ с кн. Г. Е. Львовым по порученію Уфимскаго Государственнаго Совѣщанія во Владивосток в качествѣ делегата к союзному командованію для привѣтствія его и ускоренія союзной помощи.

Уже в Забайкальѣ Колосов встрѣтил японцев, которых довольно мѣтко опредѣлил, как «десант для поддержки тѣх, кто что то замышляет» в Омскѣ. Встрѣча с японским начальником военных сообщеній, заходившим на ст. Оловяной в вагон кн. Львова, подтвердила Колосову правильность его предположеній: прощаясь с Львовым, любезный генерал спросил его проникновенно: «А что, не замѣчается ли в вашем отечествѣ желанія возстановить свергнутую монархію?». Аналогичныя впечатлѣнія получались и от представителей союзников во Владивостокѣ, которые нисколько не думали о военной помощи русским для возстановленія на Уралѣ противугерманскаго фронта, но охотно брались рѣшать политическія судьбы Сибири, считая для нея наиболѣе подходящей формой власти «конституціонно-монархическій строй при предварительном установленіи военной диктатуры». А в диктаторы мѣтили японцы Хорвата, англичане же, повидимому, Колчака. Любопытно, что это было еще в сентябрѣ 1918 г.

Из других событій, относящихся к періоду, предшествующему колчаковскому перевороту, Колосов сообщает новыя данныя относительно безслѣднаго исчезновенія в Омскѣ 24-го октября 1918 года члена Учредительнаго Собранія Б. Н. Моисѣенко. Через нѣсколько мѣсяцев послѣ этого событія в Красноярскѣ начальник штаба атамана Красильникова капитан Шемякин, явившійся предупредить Колосова об опасности, угрожающей его жизни со стороны военных кругов, разсказал ему, при каких обстоятельствах погиб Моисѣенко. Оказывается, что у под'ѣзда Коммерческаго Клуба, откуда он вышел, его арестовали нѣсколько военных и увезли на автомобилѣ на частную квартиру. Здѣсь у него стали добиваться, гдѣ сохраняются деньги С'ѣзда членов Учредительнаго Собранія, казначеем и секретарем котораго он был. Офицеры хотѣли захватить эти деньги и, чтобы выяснить, гдѣ онѣ спрятаны, пытали Моисеенко всю ночь, а под утро задушили и бросили труп в Иртыш. Это дѣло Шемякин считал не политическим, а уголовным и ему, конечно, не сочувствовал. Но, однако, он удостовѣрил, что убійцы и ему, и другим военным были хорошо извѣстны и тѣм не менѣе остались безнаказанными. Сам Шемякин был не крайне правым, а членом Омскаго «блока», поступившем по рѣшенію послѣдняго в штаб Красильникова, чтобы сдерживать его хулиганство.

В самую исторію омскаго переворота 18-го ноября работа Колосова не вносит почти ничего новаго.

Но характеристика его послѣдующих взаимоотношеній крайних реакціонеров и Колчака, представляет большой интерес.

До сего времени господствовало убѣжденіе, что Колчак, как бы ни расцѣнивать его с моральной и политической точек зрѣнія, был и оставался опредѣленным противником, как крайней монархической реакціи, так и того ея своеобразнаго сибирскаго проявленія, которое извѣстно под именем «атамановщины». В отличіе от этого взгляда, по мнѣнію Колосова, Колчак, если и отличался кое чѣм от крайних правых, то вскорѣ стал не то плѣнником, не то союзником ультра-реакціонеров. Произошло это, главным образом, благодаря Омскому декабрьскому возстанію 1918 года и сопровождавшим его предательским убійствам ни в чем неповинных «учредиловцев», в том числѣ упомянутаго Н. В. Фомина, каковым убійствам наш автор придает очень большое политическое значеніе. В главѣ «Чѣм заплатил Колчак за 18 ноября» (стр. 101) Колосов, доказавшій перед тѣм на основаніи собранных им данных, что «учредиловцы» были убиты не в порядкѣ офицерскаго самосуда (как это принято думать), а в порядкѣ военно-полевого суда, инсценированнаго именем Колчака ген. Ивановым-Риновым, приходит к выводу, что послѣдній чуть не по соглашенію с Семеновым, с которым незадолго до того видѣлся, «сознательно бросил ему (Колчаку) в лицо трупы «учредильщиков», как вызов и как залог кроваваго сообщничества в дальнѣйшем. Тут имѣли мѣсто не личные счеты, а своего рода расплата по векселю, явившаяся результатом цѣлаго сплетенія внутренних и международных общественных отношеній.

«18-го ноября Колчак получил власть при участіи нѣкоторых ультра-правых элементов в Сибири, настроенных монархически и японофильски, но принявших его кандидатуру благодаря благопріятному для него стеченію обстоятельств, «тщательно скрываемых цензовой прессой» (тут, вѣроятно, рѣчь идет о поддержкѣ англичан омских промышленников и Омскаго Совѣта Министров В. Г.). Но, пользуясь поддержкой не одних крайних, а и умѣренных правых, а также «союзников», Колчак не достаточно считался с правыми и попробовал даже пойти на конфликт с будировавшим против него Семеновым; не были удовлетворены повидимому и всѣ личныя притязанія разных реакціонных генералов. Поэтому, когда в правых оппозиціонных кругах Омска выяснилось, что готовится большевистское возстаніе (в организаціи коего, повидимому, играла роль и провокація В. Г.), было рѣшено использовать послѣднее и для воздѣйствія на Колчака, а, быть может, и для его сверженія. Имѣлись данныя, что к моменту большевистскаго выступленія было пріурочено и монархическое, орудіем коего должен был стать Иванов-Ринов, воспользовавшись для того полнотой власти в момент подавленія мятежа. Однако, событія приняли нѣсколько неожиданный оборот: большевистское выступленіе произошло лишь частично и подавлять его почти не пришлось, квартира верховнаго правителя была взята под

охрану англичанами, а Иванов встал на его сторону, выпустив приказ, что не позволит никому его свергать.

Вмѣстѣ с тѣм, однако, этот славный усмиритель (проявившій свои таланты еще во время войны с Германіей при подавленіи волненій туземцев в Туркестанѣ, кажется, в гор. Джизакѣ В. Г.) рѣшил все же использовать благопріятный момент. «Сибирскіе погромщики оказались готовыми вторично услужить адмиралу и вторично признать его власть, но вмѣстѣ с тѣм, в видѣ компенсаціи, рѣшили его болтавшаго там что то о національном собраніи (чуть что не учредительном), помазать на царство кровью этих самых «учредильщиков», забросать его их трупами, сдѣлать это его собственным именем в расчетѣ, что он не посмѣет отказаться от солидарности с ними, и все это свяжет его круговой кровавой порукой с порочнѣйшими из реакціонных кругов». «Это была дьяволская, сатанинская программа, счет к уплатѣ по векселю, выданному еще 18 ноября убійцам. Вексель был пред'явлен, счет погашен, убійства именем самого Колчака совершились, а затѣм, чтобы скрыть истинных виновников и всю суть происшедшаго, была пущена по всему свѣту лживая легенда о простом офицерском самосудѣ».

Мы не станем здѣсь входить в подробную оцѣнку этой гипотезы Колосова, кажущейся нам нѣсколько искуственной в части приписыванія Иванову - Ринову цѣлаго сложнаго политическаго плана, в то время, как его извѣстная жестокость, ненависть к соціалистам — «учредильщикам» и увѣренность в безнаказанности были вполнѣ достаточными мотивами для его дѣйствій. Для нас гораздо интереснѣе тѣ политическія послѣдствія, которыя явились об'ективным результатом декабрьских убійств, и в оцѣнкѣ Колчака к власти, при чем нѣкоторые из них, в частности убійства порки, разныя насилія и безчинства практиковались в Сибири военными властями до декабрьскаго возстанія и даже до прихода Колчака к власти, при чем нѣкоторые из них, в частности убійств Новоселова 22 сентября 1918 г. и похищеніе Моисѣенко 24 октября того же года имѣли крупное политическое значеніе. Однако, событія, разыгравшіяся в ночь с 22 на 23-е декабря в ложбинѣ на правом берегу Иртыша, являются исторически куда болѣе значительными и характерными для той власти, при которой они произошли. Дѣло не в том, что погибшіе здѣсь люди были завѣдомо не причастны к возстанію большевиков, одновременно с которыми их убили, что они, будучи насильственно освобождены повстанцами из тюрьмы, сами добровольно в нее вернулись, повѣрив в гарантированную им властью неприкосновенность, даже не в том, что убили их исключительно звѣрским образом по распоряженію тѣх, кто эту неприкосновенность обѣщал. Дѣло в том, что, несмотря на то, что и физическіе, и интеллектуальные убійцы были извѣстны и не думали скрываться (как это было послѣ

убійства Новоселова), слѣдствіе, начатое приказом Верховнаго Правителя, было по его же распоряженію замято, как только дѣло стало раскрываться и выяснилась роль Иванова-Ринова. Колчак, по разсказам приближенных к нему лиц, истерически рыдавшій по полученіи извѣстія о гибели «учредиловцев», был вынужден покрыть убійц и тѣм солидаризироваться с ними, несмотря на свое торжественное обѣщаніе раскрыть истину и покарать виновных. Этим престижу его был нанесен сильнѣйшій моральный удар и многіе сторонники его власти, готовые до того считать его в самом дѣлѣ чуть не русским Вашингтоном, поняли дѣйствительную природу его власти и сущность военной диктатуры. На бѣлом адмиральскмо кителѣ Верховнаго Правителя остались несмываемыя пятна крови и грязи.

Этому кошмарному дѣлу Колосовым удѣлено в его книгѣ весьма значительное мѣсто и надо отдать ему справедливость, что собранныя им данныя представляют весьма большой интерес. При изложеніи фактической стороны дѣла им воспроизведены подлинныя воспоминанія вдовы покойнаго Н. В. Фомина, написанныя вскорѣ послѣ смерти послѣдняго. Они полны захватывающаго интереса и подлиннаго трагизма. Но еще интереснѣе матеріалы, добытые самим Колосовым в Омскѣ вскорѣ послѣ убійства путем особаго частнаго разслѣдованія, приведшаго его к безспорному убѣжденію в ложности оффиціальной версіи об офицерском самосудѣ. Свои предположенія Колосову случайно удалось провѣрить путем неожиданной встрѣчи и бесѣды, с колчаковским министром Юстиціи Старынкевичем, который, в концѣ концов, при вторичном свиданіи наединѣ подтвердил ему и роль Иванова-Ринова в убійствах и факт суда над «учредиловцами» за неизвѣстныя преступленія. (Дѣло о них было еще раньше направлено на прекращеніе за отсутствіем какого либо состава преступленія в их работѣ при Уфимском Совѣтѣ Управляющих вѣдомствами, являвшимся вполнѣ законным органом государственнаго управленія В. Г.). Попутно Старынкевич разсказал ему весьма любопытный случай, пожалуй, не менѣе выявляющій сущность Колчаковщины, чѣм декабрьскія убійства. Оказалось, что личный агент Министра Юстиціи, командированный им в Семипалатинск для секретнаго разслѣдованія преступленій атамана Анненкова и его сподвижников, был вынужден, получив матеріал, тяжко компрометирующій атамана, бѣжать в Омск, чтобы спасти себѣ жизнь, но здѣсь все же по дорогѣ к министру, к которому шел со своим письменным докладом, был неожиданно арестован агентами военнаго контроля и посажен в тюрьму; освободить его Министр был не в состояніи. Что касается дѣла об убійствѣ «учредиловцев», то Министр доказывал невозможность его провести из-за «общаго страха перед военной партіей». В дѣйствительности дѣло заключалось не только в «общем страхѣ», но и в отношеніи са-

мого Правителя, из'явшаго дѣло от энергичнаго слѣдователя Кузнецова и похоронившаго его в комиссіи Висковатова.

Господство и полная безнаказанность военщины, засиліе атаманов в Сибири Колосов об'ясняет, однако, не только тѣм, что Колчак морально и политически находился у них в плѣну, будучи связан с ними и переворотом, приведшим его к власти, и круговой порукой невинно пролитой крови, и необходимостью опираться на их поддержку, чтобы власть свою сохранить. И по существу своих принципов, политических взглядов и пріемов управленія он почти ни в чем с ними не расходился. Только в сферѣ международной его позиція опредѣленно отличалась от сторонников японской оріентаціи, в вопросах же внутренних напротив «он усвоил чисто японскіе методы управленія и особенно подавленія» (стр. 63). Всѣ разговоры о том, что бѣлый адмирал будто бы обладал глубоким государственным умом, был неподкупным стражем закона, прогрессивно настроенным другом народа, а главное врагом атаманщины и «звѣрских репрессій, от которых тогда стонала вся Сибирь» (стр. 109), Колосов считает опредѣленно легендами, сложившимися вокруг имени Колчака или вѣрнѣе сознательно выдуманными сторонниками военной диктатуры, чтобы скрасить по возможности неприглядную дѣйствительность.

В противоположность Гинсу, Колосов весьма низко расцѣнивает и государственные таланты, и умственное развитіе, и политическую подготовленность, и силу воли Верховнаго Правителя. Он считает его «истеричным и безвольным существом», постоянно награждавшим своих министров, а потом и представителей союзников истериками и нервными припадками. «На пріемах он стучал кулаками, кричал: «разогнать», «повѣсить», если ему кто перечил». На ст. Тайга, послѣ паденія Омска, когда генералы Жанен и Нокс посовѣтовали ему пойти на уступки и сложить званіе Правителя, он на это «отвѣтил дикой истерикой; доходило до того, что дикій и истерическій крик не удовлетворял уже адмирала, и он начинал бросать попадавшіеся ему под руку предметы и производить иного рода неистовства». «Его политическіе взгляды поражали своей анекдотической наивностью». «Он вовсе не был правителем, понимающим хоть сколько нибудь психологію народа и умѣющим оріентироваться в его интересах». «Революція для Колчака была сплошным дурманом, навожденіем, напущенным сіонскими мудрецами. Ни о каких реформах, ни о каких перемѣнах он не желал и слушать. Он признавал систему только чисто военнаго управленія страной, как она намѣчена была еще старыми полевыми уставами времен царской власти и ни о каком ином строѣ он органически не мог себѣ составить представленія» (стр. 108). Когда ему говорили о необходимости организовать жизнь в тылу и пойти на уступки, «он терялся перед

лицом таких страшных требованій и, теряясь, впадал в истерику», «кричал, что ему нужны военные припасы, танки, бѣлье для арміи, а не совдепы и не парламенты, что опираться он может только на штыки, а все остальное — праздный разговор».

Мы не беремся судить, насколько эта личная характеристика Верховнаго Правителя является правильной, тѣм болѣе, что сам Колосов лично его почти не знал, но, не говоря о том, что свою оцѣнку Колчака он основывает на многочисленных отзывах лиц, близко знавших послѣдняго, приходится отмѣтить, что много аналогичнаго о злополучном адмиралѣ говорится и в книгѣ Л. А. Кроля «За три года».

Свою характеристику Колчака, как человѣка и правителя, Колосов подтверждает анализом и его политики. Власть, создавшаяся послѣ ноябрьскаго переворота в Сибири, по его мнѣнію была военно-кастовой диктатурой, так как «хозяевами положенія являлись верхніе слои военных кругов, в частности казачьих». В дѣйствительности это не совсѣм точно, так как в Сибири и мелкая военная сошка проявляла себя во всю; часто даже какой нибудь хулиганствующій черносотенец - прапорщик играл большую роль, чѣм какой нибудь корректный пожилой генерал, несвязанный с тайными военными организаціями. Но суть дѣла от этого мало мѣняется — система управленія несомнѣнно была военная и гражданскія власти совершенно пасовали перед «уполномоченными по охранѣ государственнаго спокойствія и общественнаго порядка», каковыми были начальники мѣстных гарнизонов. Они являлись полными хозяевами положенія и творили все, что хотѣли: пороли раскаленными шомполами, разстрѣливали, вѣшали, и даже пытали и жаловаться было некому. Диктатура существовала своеобразная, децентрализованная и власть, как у большевиков в началѣ их царствованія, была на мѣстах. Этого Колосов не отмѣчает, но что вытворяла эта власть показывают многочисленныя иллюстраціи, приводимыя им, главным образом из практики злополучной Енисейской губ., гдѣ свирѣпствовал пресловутый Розанов, искупавшій свою вину перед адмиралом и окруженный людьми исключительно жестокими и безсовѣстными.

Он прибыл сюда в началѣ марта 1919 г., когда крестьянскія возстанія и партизанское движеніе в губерніи было уже в полном разгарѣ, и энергично взялся за дѣло усмиренія. Уже 26 марта он отдал приказ, в котором требовал от мѣстных властей безпощаднаго преслѣдованія повстанцев, угрожая за вялость предавать агентов правительства полевому суду. 27 марта послѣдовал другой приказ начальникам военных отрядов, дѣйствовавших в раіонѣ возстаній. Приказ, предложенный к неуклонному исполненію, состоял из семи параграфов, кратких, но выразительных. Колосов приводит из него нѣсколько характерных выдержек, но я поз-

волю себѣ здѣсь воспроизвести его полностью, заимствовав его текст из книги Солодовникова.

ПРИКАЗ

Начальника военных отрядов, дѣйствующих в раіонѣ возстанія.

Приказываю неуклонно руководствоваться слѣдующим:

1. При занятій селеній, захваченных ранѣе разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достовѣрныя свѣдѣнія о наличности таковых имѣются — разстрѣливать десятаго.

2. Селенія, населеніе которых встрѣтит правительственныя войска с оружіем, сжигать; взрослое мужское населеніе разстрѣливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлѣб и т. д., отбирать в пользу казны.

Примѣчаніе: все отобранное должно быть проведено приказом по отряду.

3. Если, при проходѣ через селенія, жители по собственному почину не извѣстят правительственныя войска о пребываніи в данном селеніи противника, а возможность извѣщенія была, на населеніе накладывать денежныя контрибуціи за круговой порукой. Контрибуціи взыскивать безпощадно.

Примѣчаніе: всякая контрибуція должна быть проведена приказом, при том по отряду.

Суммы впослѣдствіи сдать в казну.

4. При занятій селеній, по разбору дѣла неуклонно накладывать контрибуціи на всѣх тѣх лиц, которыя способствовали разбойникам, хотя бы косвенно, связав их круговой порукой.

5. Об'явить населенію, что за добровольное снабженіе разбойников не только оружіем и боевыми припасами, но и продовольствіем, одеждой и проч., селенія виновныя — будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Населеніе обязано увозить свое имущество или уничтожать его во всѣх случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное таким образом имущество населенію будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмѣщаться из реквизированнаго имущества разбойников.

6. Среди населенія брать заложников, в случаѣ дѣйствія односельчан, направленнаго против правительственных войск, заложников разстрѣливать безпощадно.

7. Как общее руководство, помнить: на населеніе, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотрѣть, как на врагов и расправляться безпощадно, а их имуществом возмѣщать убытки, причиненные военными дѣйствіями той части населенія, которая стоит на сторонѣ правительства.

Генерал-Лейтенант **Розанов.**

27 марта 1919 г. Гор. Красноярск.

Приказ этот, требующій в одних случаях поголовнаго разстрѣла всѣх жителей, в других разстрѣла каждаго десятаго, в третьих взятія заложников, в четвертых наложенія контрибуцій, предписывая вмѣстѣ с тѣм сжигать селенія и конфисковать имущество крестьян, производит впечатлѣніе чего то сумасшедшаго и в комментаріях не нуждается. Он оставляет за собой далеко всѣ неистовства большевиков.

Затѣм было выпущено «обязательное постановленіе» об охранѣ желѣзной дороги, налагающее на крестьян придорожной

полосы натуральную повинность по охранѣ желѣзной дороги от мятежников «непрерывно днем и ночью» с суровыми карами за нерадивость. «За каждое крушеніе поѣздов крестьяне несли ответственность, либо денежную, либо с преданіем военно-полевому суду с усиленіем наказанія по 90 ст. закона 18 февраля 1919 г. до смертной казни» (стр. 126).

Всѣ эти приказы не остались только на бумагѣ, а были проведены в жизнь еще болѣе жестоко и безпощадно, чѣм это предписывалось, так как отвѣчать перед полевым судом за вялость и бездѣйствіе власти никому не хотѣлось. По всей Енисейской губ. начался правительственный террор, которому, кажется, не было примѣров даже в нашей гражданской войнѣ. В Ачинском уѣздѣ, гдѣ дѣйствовали партизанскіе отряды Щетинкина, близь раз'ѣзда Тарутина на полотнѣ желѣзной дороги были поставлены 6 дюймовыя пушки, начавшія разгром деревень, занятых раньше партизанами, ушедшими при приближеніи правительственных отрядов на сѣвер. Мѣстные крестьяне разбѣжались по лѣсам. Розановскій отряд занял деревни Малую Козловку и Ольховку, гдѣ раньше держались повстанцы, и сожгли их. Когда через нѣкоторое время крестьяне, не причастные к движенію, оправившись от испуга, вернулись на свои пепелища, то был собран сход; затѣм каждаго десятаго разстрѣляли, а остальных выпороли. Так же поступили и в других деревнях раіона, при чем при сожженіи их погибло не только домашнее имущество, но хлѣб, рабочій скот и даже не успѣвшіе выбраться из домов старики и старухи.

Однако, имущество погибло не все понапрасну: производившіе усмиреніе крестьян казаки были из ближних станиц той же Покровской волости и предусмотрительно пріѣзжали на экзекуціи в сопровожденіи обозов, на которых жены и отцы усмирителей увозили к себѣ домой крестьянское добро.

Не менѣе жестокія и еще болѣе безсмысленныя репрессаліи примѣнялись и в других уѣздах, в частности Канском и Красноярском. Здѣсь в іюнѣ мѣсяцѣ послѣ паденія так называемаго «комарчагскаго» повстанческаго фронта была выжжена вся Степно-Баджейская волость, являвшаяся центром крестьянскаго возстанія. При этом в с. Степной Баджей, несмотря на просьбы крестьян, были спеціально сожжены больница и школа, при чем из послѣдней не разрѣшили даже вынести учебныя принадлежности.

При ликвидаціи возстанія в Енисейском уѣздѣ в мартѣ того же года «усмиреніе» производилось еще энергичнѣе, хотя партизанскіе отряды, оперировавшіе здѣсь и даже мѣсяц державшіе в руках Енисейск, будучи вытѣснены отсюда, благополучно ушли на Ангару. В отместку за гибель 20 мѣстных обывателей, а также офицеров и казаков, начальником гарнизона была учинена неслыханная расправа. Число казненных только за первое время по оффиціальным данным составляло 700 человѣк, при общем

числѣ жителей в городѣ 7033 человѣка. Чтобы не тратить пуль на разстрѣлы, обреченных иногда штыками и нагайками гнали на Енисей к прорубям и в них топили. Среди погибших были женщины и дѣти. Казнили по доносам без провѣрки, при чем часто, конечно, сводились личные счеты или донос дѣлался с какими либо корыстными цѣлями. То же практиковалось в с. Казачинском, гдѣ было убито или сброшено под лед 60 человѣк, в том числѣ мать с ребенком на руках. В селѣ Большая Мурта по дорогѣ из Красноярска в Енисейск был слѣдующій случай: там разстрѣляли 40 крестьян, сбросили их в общую могилу и стали закапывать. «Совсѣм уж закопали, но земля начала шевелиться: закопали еще живых». (стр. 140).

Еще болѣе замѣчателен случай с Канским городским головой Степановым, повѣшенным весной 1919 года атаманом Красильниковым в присутствіи огромной толпы народа и своей семьи, на фонарном столбѣ, около желѣзнодорожнаго вокзала, гдѣ он висѣл на виду у проходивших поѣздов в теченіе 29 часов. Арестован был Степанов по подозрѣнію в причастности к попыткѣ Канскаго возстанія в концѣ 1918 года, но спеціальная военно-слѣдственная комиссія, разсматривавшая его дѣло, была вынуждена признать его полную непричастность к большевистскому выступленію, что было по существу и так ясно, так как Степанов был не большевик, а эсер. Но Красильнников, офицеры котораго и раньше пытались расправиться с городским головою, не смог примириться с его освобожденіем и по телеграфу испросил у Розанова разрѣшенія с ним раздѣлаться. Розанов разрѣшил, и Степанова среди бѣла дня повели на казнь через весь город пѣшком мимо его дома, откуда выскочили его жена и дѣти и побѣжали за ним к вокзалу. Перед тѣм, как на Степанова набросили петлю, он крикнул: «Да здравствует Учредительное Собраніе». «Но людям, его убивавшим, едва ли было не безразлично, кто он и каковы его убѣжденія», справедливо заключает Колосов, поясняя, что с ним через Красильникова свели счеты бывшіе царскіе охранники, разоблаченные им в 1917 г.

Впрочем, добавим мы от себя, Степанов был не единственным висѣвшим в то время на столбѣ близь желѣзной дороги в Енисейской губ. Пассажиры поѣздов, проходивших по линіи, в ея предѣлах часто могли видѣть людей, развѣшенных на телеграфных столбах для устрашенія как повстанцев, так и нерадивых охранителей дороги из мѣстных крестьян и желѣзнодорожных служащих. Это стало тогда почти бытовым явленіем.

Таким же бытовым явленіем в Енисейской губ. стал разстрѣл заложников, заключенных в тюрьмах, за убійства партизанами Колчаковских офицеров и солдат или за желѣзнодорожныя крушенія. Колосов приводит нѣсколько случаев таких расправ с указаніем имен и дат.

Приведенныя описанія подвигов генерала Розанова в Енисейской губ. не оставляют мѣста никаким сомнѣніям в их правдивости и точности и можно было бы даже сказать, что они далеко не исчерпывают всего, что было. Однако, для характеристики Колчаковскаго режима этого вполнѣ достаточно. Почти такія же безобразія творились в то время по всей Сибири и жители других ея раіонов, пережившіе 1918—1919 годы (в том числѣ и автор настоящих строк) могли бы без конца дополнять Колосова. Впрочем, и сам он оперирует не только енисейской практикой. а ссылается и на такіе краснорѣчивые факты, как упражненія в рубкѣ голов на р. Оби. «Считалось большим искусством одним ударом отрубить голову». «Лѣтом 1919 г. в раіонѣ Усть-Чарыцской пристани, на Оби, на пароходѣ, служившем карательному отряду, приговоренных ставили на самый край борта, заставляли нагибать голову над водой и срубали ее ударом сабли. Труп и голова падали в рѣку. Иногда забавлялись, говорили, напр., приговоренному: «Сними носки-то» И когда он наклонялся, — все было кончено». (стр. 139).

Но несет ли отвѣтственность за всѣ эти ужасы сам Колчак? — может задать вопрос читатель, и в книгѣ Колосова найдет не только положительный отвѣт, но и опредѣленное доказательство, что несет. На стр. 127 разбираемой книги приведена телеграмма командующаго войсками Иркутскаго военнаго округа ген. Артемьева начальнику Енисейскаго гарнизона поручику Толкачеву от 23 марта 1919 г. за № 0175—632, в которой имѣются слѣдующія мѣста:

«Передаю слѣдующія повелѣнія Верховнаго Правителя: «Возможно скорѣе, рѣшительнѣе покончить с Енисейским возстаніем, не останавливаясь перед самими строгими — даже и **жестокими** мѣрами в отношеніи не только возставших, но и **населенія** поддерживавшаго их: в этом отношеніи **примѣр японцев в Амурской области, об'явивших об уничтоженіи селеній, скрывающих большевиков,** вызван повидимому необходимостью добиться успѣхов в трудной партизанской борьбѣ.

2) Требовать чтобы в населенных пунктах мѣстныя власти сами арестовывали, **уничтожали агитаторов и смутьянов.**

3) **За укрывательство большевиков-пропагандистов** и шаек должна быть **безпощадная расправа,** которую не производить только в случаѣ, если о появленіи тѣх лиц (шаек) в населенных пунктах было своевременно сообщено ближайшей воинской части, а также о времени ухода этой шайки и направленіи ея движенія было своевременно донесено войскам.

7) Для развѣдки и связи пользоваться мѣстными жителями, **беря заложников. В случаѣ невѣрных несвоевременных свѣдѣній заложников казнить, а дома, им принадлежащіе, сжигать.** При остановках, на ночлегах, при расположеніи в деревнях части держать сосредоточенными, приспособлять занимаемое помѣщеніе к оборонѣ, сторожевое охраненіе выставлять, держаться принципа качественности, а не численности охраненія, причем должна быть постоянная провѣрка несенія службы; брать **заложников из сосѣдних незанятых красными селеній. Всѣх способных к боям мужчин,** собирать в какое нибудь небольшое зданіе, содержать

подъ охраной и надзоромъ во время ночевки, в случаѣ измѣны и предательства **безпощадная расправа».**

Приведенной телеграммой вопрос о личной отвѣтственности Колчака за дѣйствія и Розанова, и других его слуг разрѣшается вполнѣ исчерпывающе, до конца, равно как и вопрос о методах его управленія Сибирью. Провести какое нибудь принципіальное различіе между ним и Ивановым-Риновым или Семеновым дѣйствительно совершенно невозможно.

Но не только в пріемах управленія, а и в политической программѣ трудно установить грань между Верховным Правителем Сибири и крайними реакціонерами. Его соціальной опорой, кромѣ оголтѣлой военщины, были омскіе спекулянты и дѣльцы, гнѣздившіеся в Военно-Промышленном Комитетѣ и возглавлявшіе «цензовую общественность Сибири», да приволжскіе помѣщики — бѣженцы во главѣ с пресловутым кн. Крапоткиным. Центром реакціи в правительственных кругах была именно ставка Верховнаго Главнокомандующаго, т. е. того же Колчака. Из Совѣта Министров к нему долгое время стояли ближе такіе безпринципные авантюристы, как Иван Михайлов и Гинс, державшіе курс направо, а внѣ Совѣта закусившіе удила монархисты-кадеты В. Пепеляев и Жардецкій, такіе же неуравновѣшенные и истеричные, как и сам адмирал. Все это Колосов отмѣчает правильно и характеристика, сдѣланная им Верховному Правителю и приведенная выше, в общем и цѣлом является им обоснованной. Однако, искать в его книгѣ детальнаго анализа государственных мѣропріятій, проведенных в правленіи Колчака, было бы напрасно, равно как и той борьбы различных «общественных группировок», которая вокруг него как ни как все же велась. Правда, по существу, с той политической точки зрѣнія, на которой стоит автор «Сибири при Колчакѣ», нюансы Омской полтики 1919 года не имѣли практическаго значенія и единственной позиціей и в отношеніи самого Правителя и его правительства могла быть лишь позиція «борьбы до побѣднаго конца», которую Колосов довольно скоро и занял. Но исторически такой подход все же недостаточен и подвергнуть государственную работу Омскаго правительства подробному разбору и оцѣнкѣ все же необходимо, хотя бы для того, чтобы выяснить полную несостоятельность, антигосударственность и совершенное творческое безсиліе не только Колчака персонально, но и всего государственнаго аппарата, который он возглавлял. Лишь выяснив это до конца, можно понять неизбѣжность его быстраго внутренняго разложенія, явившуюся основной причиной его скорой гибели, а также выяснить неизбѣжность крестьянскаго повстанческаго движенія в Сибири и политически оправдать, как его, так и ту позицію, которую инстинктивно заняла в отношеніи правительства Колчака чехословацкая солдатская масса. Но такой историко-политической за-

дачи Колосов себѣ не ставит, равно как не задается цѣлью исторически об'яснить ход событій 1918—1920 гг. и результат гражданской войны. Зато книга его дает нам вполнѣ опредѣленный моральный и политическій облик Колчаковщины, выпукло и ярко изображает дѣла и дни злополучнаго бѣлаго адмирала.

Чрезвычайно удачно и довольно полно выполнена автором другая поставленная им себѣ задача — описаніе и характеристика крестьянскаго движенія при Колчакѣ, хотя и здѣсь имѣются, конечно, кое-какіе недочеты.

Кризис в чехословацкой арміи намѣчен напротив лишь довольно бѣгло, общими линіями и здѣсь фактическая освѣдомленность Колосова гораздо слабѣе. Вся книга в цѣлом читается с интересом и надо пожелать, чтобы автор возможно скорѣе выпустил в свѣт вторую часть своего труда.

В. Гуревич.

Политическое положеніе Франціи*).

Для того, чтобы дать себѣ отчет в современном политическом положеніи Франціи и тактикѣ ея партій, необходимо бросить бѣглый взгляд назад и вспомнить о ноябрьских выборах 1919 г. и об условіях, в которых они совершались.

Это было тотчас же послѣ войны, а всѣ знают, что во время нея дѣятельность различных политических партій была почти что сведена к нулю.

Два обстоятельства исказили выборы: во первых их неожиданность и быстрота, а во вторых, новая избирательная система: тогда впервые, вмѣсто окружных выборов на основаніи простого большинства была введена система пропорціональных выборов — и, несомѣнно, самая дурная из всѣх существующих систем. По ней абсолютному большинству принадлежат всѣ мѣста, а относительное большинство пользуется такими преимуществами, что частью разрушается самая основа пропорціональности.

Ускоренные выборы не позволили соціалистической партіи, тогда еще не пораженной расколом, развернуть всѣ свои силы в ея отчетливой и страстной избирательной борьбѣ. С другой стороны, недостатки избирательнаго закона вели к союзам партій, в виду значенія абсолютнаго и относительнаго большинства, и огромное количество радикалов соединилось с реакціонерами. Благодаря этому — побѣда так называемаго «*національнаго блока*».

Это не значит, однако, что соціалисты, потерявшіе ряд мѣст по сравненію с выборами 1914 года, получили меньшее количество голосов. Наоборот: в 1914 году они получили 1.396.744 голоса, а в 1919 г. — 1.615.466, т. е. на 218.722 голоса больше, и это в гораздо болѣе тяжелых условіях борьбы и при уменьшеніи числа избирателей на 1.700.000, павших на войнѣ.

При справедливой пропорціональной системѣ соціалисты должны были бы получить 130 депутатских мѣст. Не слѣдует искать причин того, что это не случилось, в мнимом ослабленіи соціалистическаго движенія. Напротив, никогда еще усилія рабочих масс не были столь опредѣленны и стройны.

*) Настоящая статья написана для «В. Р.» генеральным секретарем французской соціалистической партіи — П. Фором.

Для побѣды «національнаго блока» понадобились, во первых, скверный закон, открывшій возможность настоящему избирательному шулерству, во-вторых, трусость радикалов республиканцев. Вмѣсто того, чтобы выступить со своими собственными кандидатскими списками, и, таким образом, привести в движеніе всю пропорціональную систему, они вступили в союз с правыми и шли в их спискахъ для того, чтобы воспользоваться выгодами, которые закон предоставляет абсолютному и относительному большинству и о которых шла рѣчь выше.

* * *

Итак «національный блок» пришел у нас к власти. Сперва — министерство Бріана.

Дѣло шло о ликвидаціи войны, а это было нелегко. Вопрос о возмѣщеніях и о возстановленіи разрушенных областей царил во внѣшней политикѣ и вліял на внутренюю и в экономической, и в финансовой области.

Несомѣнно, что Германія весьма неохотно шла на выполненіе своих обязательств. Но политика союзников и, в частности Франціи, отнюдь не облегчала ей этого выполненія.

Межсоюзныя конференціи слѣдовали одна за другой, а трудности увеличивались и положеніе становилось все болѣе запутанным.

Теперь можно с увѣренностью утверждать, что соціалисты сдѣлали все, от них зависящее, чтобы добиться соглашенія между Франціей и Германіей; если бы им удалось это, многія катастрофы были бы предупреждены.

Французскому премьер-министру было достаточно хорошо извѣстно, насколько тяжело экономическое положеніе Германіи, ухудшающееся с каждым днем. Однажды лицо, имени котораго я не могу раскрыть, в бесѣдѣ с Бріаном, указало на срочную необходимость согласованія противоположных интересов и принятія международных мѣр во имя общаго спасенія. Бріан сдѣлал усталый и безнадежный жест и отвѣтил: «Быть может, вы правы... я полагаю, что вы правы. Но палата депутатов «національнаго блока» никогда не позволит мнѣ дѣлать подобную политику».

Через нѣсколько дней Бріан уже не был болѣе у власти.

Нельзя сказать с увѣренностью, что палата депутатов, которой не довѣрял уходившій премьер, была совершенно неспособна пойти по иному пути, чѣм тот, по которому она все время слѣдовала. Парламентскіе круги Франціи не облалают настолько твердокаменными принципами, чтобы нельзя было разсчитывать на их смягченіе или даже на рѣзкіе скачки взглядов. Тѣм болѣе, что запутанность положенія вполнѣ оправдывала смѣну оцѣнок и точек зрѣнія.

Но Бріан имѣл основанія скептически относиться к нынѣшнему составу палаты: она не умѣет управлять сама собою и потому неизбѣжно должна была подчиниться вліянію тѣх политических дѣятелей, которые заговорили с нею на языкѣ непримиримости и шовинизма.

Пуанкарэ прекрасно знал это, и именно на этой почвѣ ему и удалось «свалить» Бріана.

Но эта побѣда имѣла свою оборотную сторону: новый кабинет стал плѣнником и жертвой тѣх «адских сил», которые он сам развязал и вызвал.

Психологія этого періода политической исторіи Франціи довольно проста, хотя и ужасна в силу послѣдствій, которыя она вызвала и величины которых мы не можем еще измѣрить.

Пуанкарэ опрокидывает Бріана, обвиняя его в мягкости, в отсутствіи энергіи, в неумѣніи рѣшительно воспользоваться Версальским договором, чтобы заставить Германію выполнить его требованія. Большинство привѣтствует это обвиненіе. И Пуанкарэ — побѣдитель.

Быть может, войдя в соприкосновеніе с дѣйствительностью, он возымѣл смутное предчувствіе трудностей и опасности насильственнаго разрѣшенія вопросов. Но отступать было поздно. Если бы он заколебался, другіе обратили бы против него то самое оружіе, которым воспользовался против Бріана и обвинили бы его в том, что он тверд и рѣшителен только на словах.

Тардье и Мандель, бывшіе «подручные» Клемансо, повели против него наступленіе, направили против него свои насмѣшки.

Пришлось идти вперед без оглядки. И вот, сломя голову, пустились в Рурскую авантюру.

Соціалисты повели ожесточенную борьбу против этой политики. Шаг за шагом, цыфра за цыфрой, они доказывали, что это одновременно невыгодное и недостойное предпріятіе.

Пуанкарэ, имѣя к своим услугам всю французскую печать, начал защищать свой образ дѣйствій. Он завоевал сочувствіе огромнаго большинства французскаго общественнаго мнѣнія, ибо соціалисты располагали слышком слабыми средствами, чтобы заставить услышать свой голос.

Но, скажут нам, вѣдь во Франціи имѣется парламентская трибуна. Конечно, но нельзя упускать из виду, что всѣ крупныя и среднія буржуазныя газеты всѣх оттѣнков умалчивали о соціалистических выступленіях, и наши взгляды, наши цифры и доказательства совсѣм не доходили или доходили в искаженном видѣ до широкой публики.

Наша пропаганда не была настолько сильна, чтобы устранить послѣдствія этого заговора молчанія или, вѣрнѣе, этих

«преній», при которых чуть ли не один лишь голос оффиціальных мнѣній раздавался из тысячи уст органов печати.

Однако, обстоятельства приводят теперь к нѣкоторому сдвигу общественнаго мнѣнія. И в городах, и в деревнях, слушатели, пред которыми мы развиваем наши взгляды, встрѣчают нас все болѣе и болѣе благожелательно. Мѣстные выборы в большинствѣ случаев указывают на растущее недовольство и на близкій развал «національнаго блока».

Впрочем, есть вопрос, то или иное разрѣшеніе котораго может опрокинуть самые тщательныя предвидѣнія: по какой системѣ будут произведены парламентскіе выборы в концѣ апрѣля и началѣ мая?

* * *

Если нынѣшній закон будет сохранен, то весьма возможен «союз лѣвых».

Вот что говорят тѣ, кто его предлагают и подготовляют.

Успѣх «національнаго блока» на ноябрьских выборах 1919 г. обясняется коалиціей правых партій, центра и большинства радикалов. Избирательная система предоставляет такія преимущества, что вопрос о блокѣ становится для партій вопросом первостепенной важности.

Если опредѣленный кандидатскій список получает абсолютное большинство (т. е. половину голосующих + 1 голос), ему достаются, как я уже указывал, всѣ мѣста.

Если он получает относительное большинство, он имѣет право на всѣ мѣста, которые остались свободными послѣ примѣненія «избирательнаго мѣрила».*)

Я не буду останавливаться подробно на этих хитроумных вычисленіях, противных здравому смыслу, логикѣ и справедливости.

В лѣвых кругах теперь говорят: если мы обратим этот закон против тѣх, кто им воспользовался четыре года тому назад, мы раздавим их радикально-соціалистическим блоком.

Само собою разумѣется, что тѣ, кому угрожает эта опасность, готовятся к защитѣ.

Быть может, чтобы спасти положеніе, они измѣнят закон и рѣшат провести настоящую пропорціональную систему. Но это не остановит неизбѣжнаго хода событій — неудачи «національнаго блока», из которой он навѣрное выйдет значительно ослабленным, а, может быть, даже настолько общипанным и

*) Предположим, что 50.000 избирателей должно выбрать 10 депутатов. Избирательное мѣрило (коеффиціент) — 5000. Голоса разбились слѣдующим образом: список А — 20.000, В — 8000, С — 7000, Д — 6000, Е — 4000, Г — 3000 и І — 2000. Списки Е, Г и І не имѣют мѣст; списки В, С и Д получают по 1 мѣсту, а остающіеся 7 мѣст достаются списку А.

побитым, что сдѣлается совершенно неопасным. Я желаю этого моей странѣ, Европѣ, всему міру.

Что касается соціалистической партіи, успѣх ея может быть большим или меньшим, но он *будет*. Мы с твердой вѣрой идем в бой, какова бы ни была, в концѣ концов, избирательная система.

Есть лишь одно темное пятно у нас: бѣдность. О, если бы всѣ соціалисты, обладающіе средствами, поняли значеніе и смысл того сраженія, которое предстоит на французском политическом фронтѣ, они бы поспѣшили снабдить нас боевыми припасами!

В моем бѣглом обзорѣ я ничего несказал о коммунистах. Я вкратцѣ упомяну о них.

Как и во всѣх странах міра, они льют воду на мельницу жесточайшей реакціи своими крайностями и крикливой демагогіей.

Если бы их не было, французской буржуазіи слѣдовало бы их выдумать.

Но они быстро идут к упадку. Если бы они не располагали значительными денежными средствами, их вліяніе в самый краткій срок дошло бы до нуля.

Приведу наглядный примѣр, каким гнусным дѣлом они занимаются. В октябрѣ (27 и 28) и ноябрѣ (10 и 11) 1923 года мы организовали в шестидесяти департаментах, манифестаціи и собранія против внѣшней и внутренней политики національнаго блока. Почти повсюду коммунисты, к величайшему удовольствію реакціи, выставили ораторов против нас и пытались сорвать наши собранія. Это им не удалось, но они этого желали.

Нѣт никакого сомнѣнія, что не будь раскола, продиктованнаго и осуществленнаго Москвою и ее агентами в соціалистической партіи и во Всеобщей Конфедераціи Труда, во французском рабочем классѣ наблюдался бы сейчас огромный под'ем. Можно предположить, что в этом случаѣ Рурская оккупація была бы или совершенно невозможна или сильно затруднена.

Таков, думается мнѣ, точный очерк положенія современной Франціи. Оно далеко не блестяще. Но на горизонтѣ сверкают проблески надежды, возвѣщающіе о зарѣ новаго дня.

Полъ Фор.

Париж.

Разрушеніе вмѣсто созиданія.

(Полное собраніе сочиненій В. И. Ленина.)

Вышло в свѣт полное собраніе сочиненій Ленина в восемнадцати толстых томах, из которых нѣкоторые к тому же двойные. Сюда вошли его книги, статьи, рѣчи, порою даже письма. В Россіи создается особый институт изученія Ленина. Его ученики и почитатели имѣют теперь полную возможность впитать в себя всю теоретическую и практическую мудрость учителя. Но и для нас — это богатѣйшій матеріал для размышленія. Вмѣстѣ с «Экономикой переходнаго періода» Н. Бухарина, служащей как бы сухим, сжатым конспектом к этим томам, полное собраніе сочиненій Ленина — почти неисчерпаемый кладезь данных для подведенія итогов большевизму во всѣх путях его и для его всесторонней характеристики.

На первый раз я хотѣл бы подѣлиться только самым общим впечатлѣніем, остающимся послѣ внимательнаго штудированія послѣдних шести-семи томов, охватывающих весь період великой русской революціи. Кратко его можно суммировать в четырех словах: деструктивный соціализм вмѣсто конструктивнаго.

Я понимаю, что с самого начала такая формулировка может вызвать недоумѣніе. «Деструктивный соціализм — это есть какое то воплощенное concradictio in adjecto. С одной стороны, соціализм по самому существу своему предполагает грандіознѣйшую перспективу творчества новых форм. С другой стороны, всякій реформатор ломает и разрушает старое, и в этом смыслѣ всякій соціализм неизбѣжно «деструктивен». Его формула: destruont dedidicalam разрушаю, чтобы построить. И как будто не может быть теченія в соціализмѣ, которое характеризовалось бы исключительным признаком «деструктивности».

Однако, взаимное соотношеніе разрушительной и созидательной, деструктивной и конструктивной стороны в соціализмѣ требует болѣе глубокаго анализа, чѣм тот, вся суть котораго исчерпывается трюизмами о том, что созиданіе и разрушеніе суть родные братья, или двѣ стороны одного и того же дѣла.

Здѣсь мыслимы, прежде всего, в высшей степени серьезныя разногласія о том, что чему должно предшествовать: разрушеніе творчеству, или творчество разрушенію?

На первый взгляд отвѣт прост: чтобы «построить» что нибудь, надо сначала расчистить для этого мѣсто. Соціальное зданіе прошлаго — разсуждает вульгарный революціонизм — должно быть прежде всего пущено на слом; только послѣ этого на его мѣстѣ может быть воздвигнуто зданіе будущаго. Если спросить, гдѣ же и как будет жить человѣчество в тот промежуток времени, когда старое зданіе уже будет снесено, а новое *еще* не воздвигнуто, то вопрос этот устраняется ссылкой на краткость этого періода, а короткое время, разумѣется, можно прожить и на биваках, под наскоро сколоченным навѣсом, а не то — так и просто под открытым небом.

Всѣ эти фигуральныя выраженія и грубыя аналогіи, конечно, никуда не годятся, и дѣлают анализ крайне плоским. Однако, даже из приведеннаго грубого и поверхностнаго разсужденія уже видно, что мыслимо и такое направленіе в соціализмѣ, которое предполагает между капитализмом и соціализмом нѣкоторую переходную эпоху, которая будет не эпохой органическаго перерожденія и систематической перестройкой капиталистическаго режима в соціалистическій, а эпохой как бы краха всей современной цивилизаціи, всеобщаго сниженія, культурнаго опрощенія, в котором от стараго не останется камня на камнѣ. Этот опрощенный быт, своего рода экономическій первозданный хаос, в котором расплывутся развитыя формы современнаго капитализма и будет той исходной точкой, из которой, наконец, постепенно начнут выбраживать новыя соціальныя образованія.

Как античную цивилизацію постигло великое всеобщее крушеніе, и новая жизнь, с высшими соціальными формами, стала возрождаться лишь из мглы средневѣковья, — так ждет подобная же великая катастрофа и современную буржуазную цивилизацію. Соціализм будет не ея перестройкой, а новой постройкой на развалинах, на пустырях, созданных новой величайшей міровой соціальной катастрофой.

Именно в этом родѣ давно уже представлял себѣ конец капитализма главный теоретик романскаго революціоннаго синдикализма, Жорж Сорель. Революціонные синдикаты были для него той Авентинской горой, на которую должен удалиться пролетаріат, отряхнув от ног своих прах буржуазнаго Рима, обреченнаго на гибель и запустѣніе. Универсальная всеобщая стачка для него выростала в грандіозный «соціальный миѳ», в род новаго всемірнаго соціальнаго потопа, приканчивающаго с дряхлым міром. Новая жизнь должна начаться как бы с совершенно новых исходных точек земного шара. Синдикаты — своего рода ковчег Ноев — послѣ потопа пристающій к горѣ Арарату, чтобы оттуда начать овладѣніе очищенной от буржуазной нечисти землею.

Как ни кажется на первый взгляд туманно-романтическим и не реальным это воззрѣніе, но міровая война и вызванныя ею опустошенія и соціальныя потрясенія показали, что и в нем были какіе то элементы провидѣнія будущаго, что оно было лишь *преувеличеніем* дѣйствительно наличных тенденцій; преувеличеніем ничуть не большим, чѣм противоположная ему маниловски-реформистская концепція о таком мирноэволюціонном, постепенном, безболѣзненном перерожденіи капитализма в соціализм, что трудно будет даже сказать, когда же собственно капитализм перестал быть капитализмом, и с какого момента начать соціалистическую эру жизни человѣчества.

По крайнѣй мѣрѣ Россія дѣйствительно дала міру картину величайшаго краха и развала всего, что было создано довоенной эпохой, картину величайшаго экономическаго и культурнаго «опрощенія». Развитыя формы хозяйства как бы распались на свои составные элементы. Возврат к примитивизму стал одно время общим явленіем.

Неудивительно, что в Россіи же явились и теоретики, готовые возводить этот факт в неизбѣжный закон. Лидер лѣвых коммунистов, Н. Бухарин, посвятил его выведенію и доказательству значительную часть своего теоретическаго труда «Экономика переходнаго періода», при чем под «переходным» періодом он разумѣет тот, который отдѣляет капитализм от коммунизма. И вот что у него получается:

«Производственная анархія, или, как ее обозначает в своем трудѣ о «Послѣвоенных перспективах русской промышленности» проф. Гриневецкій, *революціонное разложеніе промышленности* есть исторически неизбѣжный этап, от котораго нельзя отдѣлаться никакими ламентаціями.»*) «Старое общество и в его государственной, и в его производственной формулировкѣ раскалывается, *распадается до самых низов, вплоть до самых послѣдних глубин.*»**)

Крахи предшествовавших цивилизацій сравнительно с крахом буржуазной культуры должны выглядѣть, с точки зрѣнія Бухарина, как дѣтская игра. В исторіи «*никогда еще не было такой грандіозной ломки*». Строить будущее общество придется «*из распавшихся элементов*» через «неизбывные муки переходнаго періода» мы идем к «соціализму, выростающему на грудѣ обломков».***)

И сам глава большевистско-коммунистической школы, Н. Ленин, еще болѣе настойчиво приглашает всѣх взглянуть мужественно прямо в глаза этой трагической правдѣ. Если ра-

*) Н. Бухарин. «Экономика переходнаго періода», Москва 1920, стр. 48.
**) Н. Бухарин. «Эконом. перех. періода», стр. 5.
***) Там же, стр. 5, 6 и 102.

нѣе всѣ соціалисты — правые, лѣвые — безразлично, сам Ленин не был исключеніем — в своей проповѣди сулили от шагов к соціализму немедленное улучшеніе положенія рабочих масс, то современный коммунизм, наоборот, по долгу революціонной совѣсти должен предупреждать рабочих, что в теченіе долгаго инкубаціоннаго періода их ждут, послѣ ликвидаціи капитализма, тяжелыя времена «неизбѣжных мук». Кто их боится — тому нечего и думать о соціализмѣ, как и соціализму нечего с ним дѣлать. Ядом сарказмов осыпает Ленин «сладеньких соціалистов», которые отвергают *такой* путь к соціализму. «Они слыхали и признавали теоретически, что революцію слѣдует сравнивать с актом родов, но когда дошло до дѣла, они позорно струсили.» Но вѣдь «рожденіе человѣка связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумѣвшій от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса». Вот, что надо ясно представлять себѣ, когда говоришь и думаешь о «старом обществѣ, которое беременно новым». «Роды бывают легкіе и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научнаго соціализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбѣжно связанных с переходом от капитализма к соціализму». Революцію же послѣ войны Энгельс считал «*особенно тяжелым* случаем родов». Ленин не забывает даже и о том, что «трудные акты родов увеличивают опасность смертельной болѣзни или смертельнаго исхода во много раз»; но, вмѣсто того, чтобы продолжить это давно набившее оскомину сопоставленіе с родами до невыгоднаго пункта о преждевременных родах и *выкидышах*, спѣшит скорѣе прервать аналогію и заявить, что «если отдѣльные люди гибнут от родов, новое общество рождаемое старым укладом, не может погибнуть».*) Этот квази-научный декрет не подлежит критикѣ: ему надо внимать и слушаться.

Для Ленина всякія сомнѣнія в концепціи соціализма, как феникса, рождающагося из пепла, есть идейная трусость, есть лишь «хныканье дрянных душонок». Однако, при всем своем непреклонном, закаленном оптимизмѣ, и ему приходилось не раз при зрѣлище «неизбывных мук переходнаго періода бить тревогу, восклицая: «Мы стоим перед катастрофой» . . . «*Страна гибнет*, оттого, что послѣ войны в ней нѣт элементарных условій для нормальнаго существованія». «Когда слышишь сотни тысяч жалоб на голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильны,» — тогда приходится даже не «хныкать», а криком кричать, воплем вопить — так, как завопил однажды сам Ленин, — что при такой разрухѣ «не только соціализма не будет, а просто околѣют всѣ с голоду, как собаки, в то вре-

*) Собраніе сочиненій, т. XV, стр. 362—363.

мя, как хлѣб лежит рядом» *). И порою, вмѣсто привычных пророчеств о близком торжествѣ коммунизма, с его уст срывались невольно другія полупророчества: «как будто с цивилизаціей, с культурой страны *опять возвращаются к первобытному варварству*, опять переживают такое положеніе, когда дичают нравы, звѣрѣют люди в борьбѣ за кусок хлѣба» . . .**) Но эти черныя мысли он отгоняет снова и снова прочь от себя, чтобы дать торжество все тому же *надрывному коммунизму отчаянія*, боящемуся отдать себѣ ясный отчет в своей собственной сущности и воображающему себя порою *коммунизмом вѣры*.

Есть такія же ноты и у Н. Бухарина. Он допускает даже, что дорога *распада*, разрушенія стараго «вплоть до самых послѣдних глубин» не обязательно проведет к рожденію новаго общества. «Теоретически мыслимо дальнѣйшее разложеніе, «гибель культуры», возвращеніе к примитивным формам средневѣковаго полунатуральнаго хозяйства, словом, та картина, которую рисует Анатоль Франс в концѣ своего «Острова Пингвинов» . . .***)

Крайности сходятся. Этими оговорками крайній лѣвый, страдающій гипертрофіей деструктивнаго элемента фанатически вѣрующій коммунизм становится в опасную близость с самыми скептическими и пессимистическими теченіями современности.

А их много, очень много. Всѣ они в большей или меньшей мѣрѣ сходятся на идеѣ краха, гибели нашей культуры. Здѣсь и «Untergang des Abendlandes» Шпенглера и «Сумерки Европы» Ландау и «Катастрофическое міровоспріятіе» так называемых евразійцев, с их исходом к Востоку; здѣсь в особенности идеи проф. Виппера, который убѣжденно и твердо говорит: «Да, мы откинуты в глубину средневѣковья и это не только метафора.»

Концепція возврата к средневѣковью здѣсь всего интереснѣе. Она считает неизбѣжным то, что для Бухарина было лишь теоретически мыслимо. «Нам приходится вспоминать об этой эпохѣ не только потому, что мы силою вещей повергнуты в хаотичность и первобытныя условія жизни, которыя были ей присущи, — говорит Виппер, — но еще по одной причинѣ.» И здѣсь проф. Виппер, исходя из иной отправной точки и приходя к иным выводам, говорит слово в слово, как Бухарин: «О том, как будут обособляться и ссориться между собою распавшіяся части большого цѣлаго», как «разлаженные колеса и рычаги колоссальной машины, вышибленные из своих соеди-

*) Там же, стр. 243 и 247.
**) Там же, стр. 331.
***) «Экономика перех. періода», стр. 49.

неній, будут ломаться и крутить другъ друга», какъ медленно будут создаваться новыя коллективныя связи при общей ослабленности государства, при слабости первоначальныхъ и неокрѣпшихъ ростковъ возрождающейся общественности, при общей «варваризаціи», но и при наличности нѣкоторой доли «здороваго варварства», примѣсь котораго въ концѣ концовъ дастъ свою пользу одряхлѣвшей, подорвавшейся изнутри цивилизаціи . . .» Все начнется сначала. С исходной точки начнется какой то въ незначительной варіаціи «круговоротъ исторіи» . . .

Чрезвычайно характерно, что именно въ Россіи, гдѣ огромная страна цѣлыми годами была превращена въ арену экспериментовъ «деструктивнаго» соціализма, явились и самыя пессимистическія теоріи «гибели культуры» и наступленія эпохи «новаго средневѣковья» — теоріи, для которой исторія человѣчества есть «какія то дьяволовы качели»: взадъ—впередъ, взадъ—впередъ. В Россіи капитализмъ былъ все время весьма худосочнымъ и оранжерейнымъ и крушеніе его произошло особенно легко, стремительно и полно. Вся ея хозяйственная система первою затрещала по всѣмъ швамъ, не выдержавъ всемірной затяжной войны на истощеніе. В ней «деструктивному» соціализму задача была особенно легка, ибо почва для него была подготовлена «деструктивнымъ» капитализмомъ . . .

В самомъ дѣлѣ, соціалистическая теорія уже давно и чрезмѣрно злоупотребляла гимнами творческой роли капитализма. Дѣлами его десницы заслонялись дѣла его шуйцы. Конструктивная, созидательная, организаціонная дѣятельность капитализма била всѣмъ въ глаза. А его подкопъ подъ всѣ основы бытія человѣчества былъ глухой подземной работой, до поры и до времени прикрытый условностями дипломатической лжи, тьмой и молчаніемъ. Правда, имперіалистическій періодъ развитія капитализма давно превратилъ состояніе міра въ состояніе скрытой войны — и бѣгъ въ запуски по пути вооруженій въ колоссальную непроизводительную растрату народно-хозяйственныхъ рессурсовъ. Но только война, всемірная война, война на всеобщее истощеніе показала міру во весь ростъ деструктивныя тенденціи капитализма.

Деструктивный соціализмъ есть законное дѣтище деструктивнаго капитализма. Онъ буквально загипнотизированъ созерцаніемъ своего родителя и доходитъ до полнѣйшей мимикріи, до самого рабскаго копированія его особенностей. Множество его положеній до міровой войны показались бы чудовищными, свидѣтельствующими о психической ненормальности. Послѣ этой войны они оказались въ порядкѣ вещей. Психологическая почва для нихъ была разрыхлена.

Тѣмъ рѣшительнѣе должны мы, убѣжденные сторонники конструктивнаго соціализма, дать отпоръ этимъ подрывающимъ

все наше дѣло глубоко враждебным всей нашей сущности тенденціям. Если мы не хотим, чтобы при нашем соучастіи человѣчество дѣйствительно погрузилось во мглу новаго средневѣковья, мы должны подвергнуть деструктивный соціализм уничтожающей критикѣ в самых его духовных истоках. И прежде всего мы должны покончить с предразсудком, имѣющим видимость труизма: будто бы в работѣ соціализма *разрушеніе* неизбѣжно предшествует *созиданію*, расчищая для него почву.

Конструктивный соціализм отметает от себя соблазн красивой анархистсской фразы: «Дух разрушенія есть созидающій дух». Дух созиданія не может не быть в то же время и духом отрицанія и разрушенія: всякое новое неизбѣжно отрицает старое, но обратная теорія невѣрна, дух разрушенія *может и не быть* сознательным и устрояющим духом. И даже если *по заданію своему* дух разрушенія является (точнѣе, хочет быть) духом созидающим, успѣх не в одинаковой степени может увѣнчивать эти двѣ стороны его работы. И нельзя себѣ представить ничего худшаго, как для отдѣльнаго реформатора, так и для цѣлой новаторской партіи, партіи будущаго, чѣм роковое *отставаніе его созидательной работы от разрушительной*. Помимовольный, культурно-соціальный регресс вмѣсто намѣченнаго прогресса является неизбѣжной карой исторической Немезиды за всякое проявленіе конструктивной незрѣлости.

И так для конструктивнаго соціализма с самого начала дана одна великая заповѣдь: — Должно быть соблюдено суровое равновѣсіе между созидательной и разрушительной стороной преобразовательной работы. И другая, подобная ей: созиданіе должно не слѣдовать за разрушеніем, тѣм самым неизбѣжно пермаментно *отставая* от него, но вездѣ, гдѣ это возможно, даже *предшествовать* ему.

Историческіе прецеденты, предшествовавшія революціи, говорят именно за эту великую заповѣдь. Ошибочно было бы думать, что величайшее из соціальных потрясеній прошлаго, Великая Французская Революція сначала уничтожила феодализм, а затѣм начала создавать основы буржуазнаго капиталистическаго уклада жизни. Этот новый уклад уже был на лицо, совершенно готовым, он гнѣздился, так сказать, в порах стараго режима. Городская жизнь *уже* давно исподволь перерабатывалась в новыя формы; в цехах и гильдіях созрѣвал новый промышленный мірок, ничего общаго не имѣющій с феодально-іерархической системой; и лишь когда удѣльный вѣс этого новаго мірка возрос, а старый режим стал путами для его растущей молодой и самоувѣренной силы, революція разорвала эти путы не для того, чтобы «творить из ничего, а лишь для того, чтобы *распространить на всю страну* основы жизни, *уже созрѣвшія* в классовых организаціях бюргерства, в его приват-

ном «міркѣ». Отмѣна крѣпостного права в Россіи произошла тогда, когда уже сильно возрос слой «вольных хлѣбопашцев», и наряду с фабриками, употреблявшими крѣпостной труд, выросли и такія, на которых был труд вольнонаемный, и когда практика показала, что вольнонаемный труд продуктивнѣе крѣпостного. Политическая свобода, конституціонное народовластіе было распространеніем на всю страну начал скромнаго мѣстнаго самоуправленія, сложившагося в нѣдрах автократическаго режима, и казавшагося на первых порах всего лишь нѣкоторым подспорьем ему в дѣлѣ управленія страною. Соціализація земли в Россіи была лишь распространеніем на всю страну, на весь аграрный строй принципов, в неразвитом видѣ лежащих в основѣ скромной поземельной общины, с ея равным правом на землю всѣх новородившихся членов общины, и равным правом всякаго вложеннаго в землю труда на вознагражденіе соотвѣтственным эквивалентом. Подобно этому и цѣлостная система не может быть «творчеством из ничего» на руинах безпощадно-уничтоженнаго прошлаго. Рабочіе синдикаты, чей голос имѣет все больше и больше значенія при установленіи внутренних распорядков в промышленных заведеніях; коллективные договоры, эти зачатки временных фабричных конституцій; земельныя общины и товарищества; кооперативы, организующіе потребленіе и вокруг них работающіе на это организованное потребленіе, по его заказам, мастерскія; рабочія «гильдіи», пытающіяся об'единить представителей труда физическаго и духовнаго, мускульнаго и технически организаціоннаго, в организаціях, являющихся синтезом кооперативизма и синдикализма; новое трудовое право, трудовая мораль, трудовая культура и трудовая идеологія, зрѣющая, как в этих организаціях, так и в союзной с ними партійно-политической организаціи труда — все это суть ростки новой жизни, живые эмбріоны, государство будущаго, или лучше сказать, дифференцирующіеся органы этого эмбріона. В их лицѣ подготовляется и зрѣет соціализм. Революція, великая, рѣшающая революція, а не преждевременный выкидыш — может быть лишь плодом зрѣлости этого эмбріона, не довольствующагося больше зародышевым прозябаніем на частно-правовых началах в лонѣ стараго строя, почувствовавшаго, что ему тѣсен мірок классовых учрежденій. «Мірок» должен завладѣть міром и стать новым міром. Бьет час распространить на все общество выработанныя в его нйдрах новыя нормы бытія. Буржуазныя формы жизни в самых основаніях своих могут быть отнынѣ потрясены, снесены, отмѣнены, разрушены. Человѣчество не очутится ни на биваках, ни под открытым небом. Оно не совершит авантористическаго «прыжка в неизвѣстное». Оно пойдет *вперед*, а не *назад*. Таков нормальный порядок здороваго развитія. Пере-

вернуть его вверх ногами — значит «дух разрушенія» сдѣлать злым геніем всеобщей разрухи.

Мыслить о соціализмѣ иначе, это значит — вѣрить в «творчество из ничего», чудодѣйственную власть над жизнью насилія, принужденія, государственной власти и ея «декретов». Это значит вѣрить в соціальное чудо. Когда то, до міровой войны, всѣ эти «дѣтскія болѣзни соціализма» казались давно пройденною стадіей. Лишь немногіе, выжившіе из ума, старцы, рисовавшіе себѣ соціальную революцію пролетаріата в привычных образах буржуазных якобинцев девяносто третьяго года, да не успѣвшіе «вжиться в ум» зеленые юноши примитивно представляли себѣ соціализм, как овладѣніе властью — этой чудесной лабораторіей государственной алхиміи, гдѣ любой металл можно превратить в золото, гдѣ декретная черная и бѣлая магія прикажет жизни из буржуазной превратиться в соціалистическую, и жизнь послушается магических слов властнаго приказа. Война воскресила всѣ эти угасшія иллюзіи. Весь дух имперіализма, весь дух войны — крайнее напряженіе «воли к власти». Война сдѣлала государство диктатором страны. Война заставила всѣ силы націи испуганно сжаться, сплотиться вокруг государства и послушнѣе, чѣм когда либо, повиноваться его указаніям. Чуть не каждая из воевавших націй знала моменты, когда она чувствовала себя осажденной, блокированной крѣпостью наканунѣ штурма. Всеобщее безпрекословное повиновеніе диктовалось инстинктом самосохраненія. Сомнѣнія, критика, ропот были роскошью, которую нельзя позволить и которая граничила с преступленіем. Принудительное начало торжествовало по всему фронту общественной жизни, опутывая и использывая всѣ активныя силы націи. Говорили о «военном соціализмѣ», якобы уже почти осуществленном в порядкѣ осаднаго положенія. Никогда еще «военная власть» не была такой «верховной» и всемогущей. Удивительно ли, что ее созерцаніе загипнотизировало и многих соціалистов?

В Россіи этот гипноз власти над умами даже самих революціонеров должен был встрѣтить меньше всего психологических препятствій, ибо Россія была страной, менѣе всего воспитанной в традиціях народовластія, менѣе всего впитавшей в плоть и кровь его принципы, болѣе всего привыкшей к господству всевѣдующей, вездѣсущей и всемогущей автократіи. Вѣковое господство самодержавія врѣзалось в психологію, коварно впивалось нежалящими когтями в души, самих революціонеров дѣлала втайнѣ духовными автократами. Подполье с его узким кругом профессіоналов революціи, похожих на членов своеобразнаго монашескаго воинствующаго ордена и с тре-

бованіем желѣзной дисциплины, довершало дѣло. Русскій большевизм и был тѣм крылом революціонной демократіи, на котором накопиился путем естественнаго подбора элементы с этим специфическим настроеніем.

Отсюда и особое положеніе русскаго большевизма с начала русской революціи среди других фракцій революціонной и трудовой демократіи. Одна черта болѣе всѣх других выдѣляла большевиков и отличала их от их «друговрагов» по революціи и соціализму. Этою чертою была «воля к власти».

Всѣ другія фракціи относились к власти, к участію в ней, с большой осторожностью, иногда даже чрезмѣрной, переходящей в настоящую эпидемію «властебоязни». Одни думали, что уже одного совпаденія войны с революціей достаточно, чтобы сдѣлать задачу соціалистическаго правительства задачей, подобной квадратурѣ круга. Казалась неизбѣжной дилемма: либо война убьет революцію, либо революція убьет войну; но революція, происходящая только на одну сторону фронта, убивает войну лишь односторонне; в военном смыслѣ она может стать самоубійством, и потому не дать странѣ достойнаго, революціонно-соціалистическаго выхода и дать лишь постыдный: капитуляцію перед имперіалистическим сосѣдом. Другіе главным образом вставали втупик перед общей некультурностью и хозяйственной отсталостью Россіи. Эти считали эфемерными и миражными стихійные взрывы туманно-соціалистических симпатій, эпидемически быстро охвативших сверху до низу народныя массы. Большинство соціалистов полагало, что их время, вопреки всѣм обманчивым видимостям, еще не пришло что надо резервировать себя для будущаго: с их точки зрѣнія, *настоящее* было так смутно, тревожно и запутано, что ни одна партія не в силах взвалить исключительно на свои плечи все тяжелое бремя власти, но поперек дороги этой тяги к «большой коалиціи» стояло раздѣленіе отвѣтственности. И в то же время отсутствіе в Россіи такой буржуазной партіи, которая сознавала бы весь трагизм положенія и готова была бы надлежащим образом возвыситься и над партійным самомнѣніем и над обычным уровнем буржуазных предразсудков и аппетитов, еще болѣе запутывало положеніе, и без того запутанное до самой послѣдней степени. Вот почему в теченіи 1917 года в Россіи не раз бывало совершенно парадоксальное положеніе. Борьба между партіями не прекращалась, но эта борьба шла болѣе *вокруг* власти, чѣм *за* власть. Или, если хотите, это была как будто борьба за власть навыворот: чуть не каждая партія старалась свалить власть в возможно большей степени на чужія плечи... Бывали моменты, когда «власть валялась на улицѣ», и всѣ, упираясь, спорили, кому и на каких основаніях подобрать ее.

Уже на первом всероссійском с'ѣздѣ совѣтов, когда Церетели, порицал безотвѣтственную оппозицію, говоря, что партія «всѣми недовольная» должна имѣть свою осуществимую положительную государственную программу, которую она готова выполнить одними собственными силами, взяв в свои руки безраздѣльно власть, и что такой партіи в Россіи нѣт, — Ленин произвел большую сенсацію, крикнув с мѣста, что такая партія в Россіи есть, и что эта партія — есть большевистская партія.

Эти дерзкія слова первоначально вызвали дружный смѣх большинства. И даже сами большевики казались сконфуженными «безтактной выходкой» своего вождя. Но Ленин знал, что говорил и продолжал стоять на своем [illegible]: «Политическая партія вообще, а партія передового класса в особенности — не имѣла бы права на существованіе, была бы недостойна считаться партіей, была бы жалким нулем во всѣх смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имѣется возможность получить власть»*). «Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революціи» — не устает твердить он **).

Его оцѣнка возможности, которая предоставляет власть, чрезвычайно характерна: «Самым главным вопросом всякой революціи является вопрос о государственной революціи. В руках какого класса власть — это рѣшает все» ***).

Власть — это все. Захват власти — ключ ко всему. Это старо-бланкистская манящая идея владѣет умом Ленина. Он прививает ее всей партіи, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Тѣ же историческіе образы, которые вдохновляли французских бланкистов, начинают вдохновлять русских большевиков. Своей вѣрой в могущество государственнаго принужденія, они все больше и больше напоминают якобинцев Великой Французской Революціи. Все чаще и чаще ссылаются на них, цитируют их или просто говорят их словами, примѣряют к себѣ роли Марата, Робеспьера и Дантона. От большевиков тѣм же заражаются и лѣвые эсеры, один из которых даже в наши дни пытался иносказательно обрисовать большевистско-лѣво-эс-эровскую распрю, сведя ее к прототипам и открыв принципіальную рознь «Робеспьерова и Дантонова начала в революціи». И аналогія с якобинством имѣют свой raison d'être Революціоннаго якобинства не могло бы быть, если бы Франція не была до революціи страной величайшей чудовищной централизаціи. Париж, дуктующій всей Франціи свою мятежную волю, был только революціонной передѣлкой до-революціоннаго строя. Диктатура якобинцев была только инсурек-

*) Ленин, Собр. соч. т. XIV, стр. 217.
**) Там же, стр. 12.
***) Там же, стр. 102.

ціонной версіей королевскаго «государства — это я». Большевизма в Россіи тоже не могло бы быть, если бы не было вѣками внѣдреннаго престижа и очарованія мощи исконнаго самодержавія. Без режима, — «помазанника Божія» не могло бы быть и режима «помазанников собственной революціонной воли». Незамѣтно, медленно, но вѣрно, происходила психологическая мимикрія и она сдѣлала свое дѣло. Ленин даже чистую демократію в оффиціальной большевистской программѣ не умѣл опредѣлить иначе, как искажающими ея сущность словами «самодержавіе народа». Диктатура пролетаріата, в опредѣленіи Ленина, вполнѣ и безусловно выглядит своеобразным классовым абсолютизмом и даже деспотизмом.

Как зачарованные одной свѣтящейся во тьмѣ свѣтлой точкой, не оглядываясь по сторонам, не зная сомнѣній и колебаній, принимая, что всѣ средства хороши, если они ведут к цѣли — большевизм упорно шел к захвату власти. Труден ему казался только первый шаг: овладѣваніе государственным механизмом. Но раз эту задачу каким нибудь фокусом удастся разрѣшить, все прочее приложится. Вѣдь «революція состоит в том, что пролетаріат разрушает аппарат управленія и весь государственный аппарат, замѣняя его новым, состоящим из вооруженных рабочих» *). Проще и радикальнѣе этого ничего быть не может. Впрочем, Ленин спеціально занимался вопросом: «Удержат ли большевики государственную власть» и в брошюрѣ под этим заглавіем дал классическій образец разсужденія, если не геніальнаго, то во всяком случаѣ простого, как все геніальное.

«Россіей управляли послѣ революціи 1905 года 130 тысяч помѣщиков, управляли посредством безконечных насплій над 150 милліонами людей, посредством безграничных издѣвательств над ними, принужденія огромнаго большинства к каторжному труду и полуголодному существованію.

«И Россіей, будто бы, не смогут управлять 240,000 членов партіи большевиков, управлять в интересах бѣдных и против богатых. Эти 240 тысяч человѣк имѣют за себя уже теперь не менѣе 1 милліона голосов взрослаго населенія, ибо именно такое соотношеніе числа членов партіи к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом Россіи, хотя бы, напримѣр, августовскими выборами в Питерскую Думу. *Вот уже у нас государственный аппарат в один милліон людей*, преданных соціалистическому государству идейно, а не ради полученія 20 числа ежемѣсячно крупнаго куша» **).

Конечно, если всѣ, голосующіе за партію, есть потенціальный государственный аппарат, если партію и ея периферію раз-

*) Там же, стр. 391.
**) Там же, стр. 236.

сматривать, как эмбріон будущей правящей касты, а страну считать готовой к соціализму, потому что она, привычная ввѣрять свои судьбы той или иной правящей кастѣ, в данный момент эту готова предпочесть всякой другой, то вопрос так прост, что проще и быть не может.

И цѣль была достигнута. Власть была взята. Оставалось испробовать на дѣлѣ всемогущество государственнаго принужденія. Машина — новая машина, импровизированная из «вооруженных рабочих», из двухсот сорока тысяч членов партіи, опирающихся на милліон «примыкающих», — заработала. Как из рога изобилія, посыпались на страну декреты, по своему содержанію один значительнѣе другого. Каждый разсѣкал какой нибудь из гордіевых узлов современности. «Мы помним, — говорил впослѣдствіи Ленин, — как в Смольном мы проводили зараз по десять, по двѣнадцать декретов» *). Законодательная плодовитость, не имѣющая себѣ равной в исторіи.

Впрочем, скептики — к их числу принадлежал и пишущій эти строки, — тогда же отмѣтили, что декретный ливень перваго періода послѣ октябрьскаго переворота с дѣйствительной законодательной работой имѣет чрезвычайно мало общаго. Почти всѣ крупные законодательные акты, являющіеся вѣхами на пути созиданія новых форм жизни, предполагают созданіе соотвѣтственнаго аппарата для проведенія в жизнь: без этого аппарата они подобны удару шпагой по водѣ. Большинство первых декретов были именно декретами такого рода: взять хотя бы для примѣра декрет о землѣ. Не имѣя аппарата для проведенія новаго земельнаго строя в жизнь, новая власть декретом своим тѣм самым приглашала населеніе самостоятельно осуществить его «снизу». Декрет гласил о соціализаціи земли, об уравнительном землепользованіи, но не устанавливал ни опредѣленных норм землепользованія, ни точнаго способа их опредѣленія. В результатѣ получился *расхват* земли с самым грубым, глазомѣрным и при том узко-локальным соблюденіем «уравнительности». Все происходило хаотически, сумбурно, с безконечным количеством треній. Впрочем, ни к чему иному декреты и не стремились. Сам Ленин, разсказывая впослѣдствіи об эпохѣ приготовленія декретов дюжинами зараз, прибавлял: «То было проявленіе нашей рѣшимости пробудить опыт и самодѣятельность пролетарских масс**). С этой точки зрѣнія неопредѣленность, чрезмѣрная общность, неразработанность и недостаточная конкретизированность декретных «императивов» были даже не недостатком, а достоинством: «Когда декрет говорит такую вещь — комментировал

*) Том XVI, стр. 103.
**) Там же, стр. 103.

Ленин — это значит: вы попробуйте так сдѣлать, а мы потом взвѣсим итог вашего пробованія. Мы потом разберем, что именно вышло. Когда мы разберем, мы будем двигаться впередъ»*). Декреты, слѣдовательно, часто бывали просто приглашеніями рабочих и крестьян дѣйствовать, как бог на душу положит, в извѣстном направленіи. Иными словами, захватившіе власть еще не освоились с ролью законодателей и вмѣсто законов выпускали полу-прокламаціи, с той разницей, что ими уполномочивали кого-то — всѣх вообще и никого в частности — устанавливать новыя юридическія состоянія и отношенія.

Соціалисты не большевистскаго толка подвергли с самого начала это декретное творчество уничтожающей критикѣ. Они указали, что его императивы без подготовленія аппаратов, проводящих их в жизнь, превращаются либо в мертвую букву, либо влекут за собою послѣдствія, не имѣющія ничего общаго с задуманным. Они указали, что декретами даруются народу всѣ блага міра без всякаго соображенія с их реальной наличностью. Пародируя их широковѣщательную форму, соціалисты-небольшевики спрашивали, что же собственно останавливает новую власть от изданія декретов хотя бы в таком родѣ: «сим дарується каждому гражданину право на труд», или «право на равную с прочими долю в національном доходѣ Россіи», или даже еще проще: «сим вводится соціализм». Указывали и на то, что многіе из этих декретов были, в сущности, ничѣм иным, как безплатно, на государственный счет издаваемыми партійными избирательными плакатами, полными заманчивых посулов и обѣщаній. Ибо в то время вѣдь большевики не даром торопились до конца выборов в Учредительное Собраніе. Смысл этой торопливости — в соблазнѣ самим провести выборы под громкій аккомпанимент декретнаго облагодѣтельствованія всей страны, обезпечивая этим себѣ большинство. Вѣру в декретныя чудеса соціалисты-небольшевики сурово расцѣнивали, как демагогическій трюк наверху, недомысліе внизу. Констатировалось шумное нарожденіе какого-то своеобразнаго «декретнаго соціализма» или «соціалистическаго декретинизма».

Прошло пять лѣт, и Ленин вынужден был задним числом подтвердить безусловную справедливость этой суровой критики. Ничего иного ожидать было нельзя. Ибо все это искусственное втискиваніе грандіознаго соціальнаго потрясенія Россіи в старыя знакомыя формы Великой Французской Революціи с ея декретами не выдерживает никакой критики.

Великая Французская Революція разрушала устарѣвшія формы феодально-цехового соціальнаго регулированія народ-

*) Том XVIII, ч. 1-ая, стр. 17.

наго хозяйства, чтобы дать полный простор в свободной игрѣ индивидуальных сил и стремленій. Она просто раскрывала новую, так сказать, самопроизводительную систему общественнаго хозяйства; систему, в которой, как распредѣленіе сил и средств между разными отраслями хозяйства, так и установленія національных цѣн на продукты хозяйственной дѣятельности и всѣх взаимоотношеній разных факторов производственнаго процесса — все представлялось стихійной игрѣ конкурирующих сил. В этом был основной соціальный смысл революціи — в этом, а не в тѣх чрезвычайных регулировках, чисто «осаднаго» характера (таксы, конфискаціи и иные способы деспотическаго вмѣшательства в имущественныя отношенія), которыя обуславливались переходящими условіями военно-революціоннаго времени. Полную противоположность этому основному заданію Великой Французской Революціи представляют собой основныя заданія «пролетарской коммунистической революціи». Здѣсь наоборот идет дѣло о прекращеніи «самопроизводной» системы общественнаго хозяйства, в планомѣрно и всесторонне регулированную; о том, чтобы общество, как цѣлое, стало из раба господином хозяйственных отношеній; о том, чтобы общественное сознаніе впервые сдѣлалось не только стихійным рефлексом общественнаго соціальнаго быта, но и его регулятором.

Особенный характер Великой Французской Революціи сдѣлал естественным преобладаніе в экономической области разрушительной дѣятельности над созидательной. А власть, принужденіе, приказ, декрет всего дѣйственнѣе именно в области запрета, уничтоженія. Однако, и в этой области властный приказ еще не всесилен. «Всякому, даже не учившемуся в семинаріи» извѣстно, напримѣр, что самые суровые законы против ростовщичества, не достигали цѣли, пока ему одновременно не было предоставлено позитивной работой — организаціи доступнаго и дешеваго государственнаго и кооперативнаго кредита; та же судьба постигла законы и против пьянства без противопоставленія ему организованной системы разумных развлеченій; или запрет свободной торговли хлѣбом без организаціи в достаточных размѣрах государственнаго снабженія. Запрет ненормальной формы удовлетворенія той или иной человѣческой потребности без одновременнаго создания иной нормальной — не уничтожает, и только удорожает ея оплату, в которую включается опредѣленный процент «за риск предпріятія» — пропорціонально размѣрам этого риска.

Видя ключ ко всему в государственной власти, в приказѣ, в декретѣ, большевизм сознательно или несознательно избрал слѣдующій основной метод работы. Намѣтив то русло, по кото-

рому «рѣшено» властно направить теченія жизни, большевизм начинал с того, что перегораживал рогатками, запружал плотинами всѣ другіе возможные пути и русла. Не оставить для жизни никакого другого выхода — это и значило для большевиков создать желанный для них выход. Для них было ново, что может получиться и еще один — совсѣм иной — абсолютно ими непредвидѣнный результат: а именно, что жизнь просто упрется в тупик абсолютной безвыходности.

Многочисленны и разнообразны были свидѣтельства жизни о безсиліи голаго декрета в области созидательной работы — начиная с примѣров самых элементарных. Об'является «ликвидація безграмотности» в самом чрезмѣрном, ударном, «военно-полевом» порядкѣ. Нѣт достаточно учителей? Ничего: мобилизуем всѣх образованных людей, не хватит их — мобилизуем всѣх грамотных и предпишем им в теченіе такого-то срока обучать всѣх безграмотных. Мобилизуем и безграмотных, в порядкѣ поголовнаго ополченія поведем всѣх, старых и малых, на обученіе к новопожалованным учителям, покорно исполняющим свою миссію («прикажут — акушером буду»). А надолго ли продолжится «грамотность», сообщенная человѣку в порядкѣ как бы всеобщаго обязательнаго оспопрививанія, и как скоро она перейдет в рецедив безграмотности — об этом можно не очень задумываться. Необходимо провести систему рабочаго контроля — декретом обратим заводской митинг в спеціальную контрольную инстанцію. Нужно обобщить этот контрол? Для этого не хватает правильно организованных профсесіональных союзов? «Огосударствим» эти союзы, сдѣлаем членство в них для рабочих обязательным, — и рабочіе, заснув неорганизованными, на другой день утром проснутся «профессіонально сорганизованными». Там же «огосударствим» потребительныя общества, так же сверху по всему фронту «принудительно кооперируем» населеніе. Так же выработаем сѣть электростанцій, достаточную для электрофикаціи всей Россіи и т. д. и т. д. И только под конец замѣтим, что пробавлялись фикціями, что хотя и «гладко писано в бумагѣ», а по справкѣ оказывается, что прочерчены лишь внѣшнія линіи голых форм, для заполненія которых нѣт реальнаго культурнаго содержанія, и которыя поэтому остаются пустопорожними формами... И наконец, сам Ленин додумывается до великой истины: кромѣ предписанных декретами форм жизни, есть еще открытая новым Колумбом Америка: это «культурный уровень», через который нельзя перескочить в порядкѣ декретов, в который нужно вжиться, чтобы с ним расти. И вот в один из самых послѣдних своих «свѣтлых моментов» Ленин бросается из одной крайности в другую: он требует, чтобы всѣ коммунисты превратились ни больше, ни меньше, как в про-

стых «культурников». В культурничествѣ, в самом простом и обыкновенном культурничествѣ — все спасеніе.

Болѣе того. Ленин с опозданіем пришел к «просіянію своего ума», открыв, что « у нас в концѣ 1917 года было написано весьма достаточно вещей, оказавшихся в весьма достаточной степени только исписанной бумагой» *). Декретная манія у него прошла. «Ни малѣйшей влюбленности в декреты у меня нѣт», — заявил он: «что мы сдѣлали много ошибок, в этом нѣт сомнѣнія; точно так же может быть, что большая часть наших декретов подлежит измѣненію; я не защитник всѣх декретов и не хочу изображать декретов лучшими, чѣм они есть». Болѣе того, под давленіем своего рода декретнаго катценямера он даже иронизируется: «Такая печальная штука эти декреты, которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются...»**) Болѣе уничтожающаго приговора не мог бы произнести и злѣйшій врат октябрьскаго переворота.

Даже, когда Ленин пытался, хотя бы лишь с исторической точки зрѣнія, защищать декретную полосу в большевистском прошлом, и тогда он этой защитой только подтверждает все, что говорили противники. «Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, *играли значительную роль для пропаганды.* Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь мы пропагандируем работой ... Это — призывы к массам, призыв их к практическому дѣлу. Декреты — это *инструкціи*, зовущія к массовому практическому дѣлу. Вот, что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизни не пройдет, но в них есть матеріал для практическаго дѣла ... Мы не будем смотрѣть на них, как на абсолютныя постановленія, которыя надо во что бы то ни стало, тотчас же провести ... Это — проба практическаго дѣйствія в области соціалистическаго строительства» ***).

Пропагандистскіе документы ... Призывы ... инструкціи ... деклараціи ... пробы ... все, что угодно, только не законодательные акты с конкретными формами их проведенія в жизнь. И это настолько вѣрно, что в концѣ концов сам Ленин не выдержал и разразился громовой тирадой — против кого? — против себя же самого, ибо по какому же иному адре-

«Надо добиться, чтобы произведенный нами переворот не

Надо добиться, чтобы произведенный нами переворот не остался только декларацією. В свое время были нужны эти деклараціи, заявленія, манифесты, декреты. Этого у нас достаточ-

*) Там же, стр. 10.
**) Там же, стр. 394.
***) Том XVI, стр. 149.

но. В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, как и что мы хотим строить, какія новыя и невиданныя вещи. Но можно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя. Самый простой рабочій в таком случаѣ станет издѣваться над нами. Он скажет: что ты все показываешь, как ты хочешь строить, ты *покажи на дѣлѣ, как ты умѣешь строить*. Если не умѣешь, то нам не по дорогѣ, проваливай к черту. И он будет прав»*).

И «самый простой рабочій», дѣйствительно, не раз имѣл основаніе сказать эти горькія слова тѣм, в кого сначала он увѣровал почти так же легко и быстро, как легко увѣровали они в самих себя. И послѣ этого даже такіе коммунисты, стоящіе «лѣвѣе здраваго смысла», как Бухарин, додумались до такой великой истины:

«Теперь мы отлично понимаем всю сложность положенія: *декретами соціализма не введешь . . .*»**)

Такова была та «великая истина», которую, наконец, усвоили себѣ представители русскаго большевизма. Она была куплена дорогою цѣною горькаго опыта и горькаго для страны, для народа, над живым тѣлом котораго годами производились вивисекціонные опыты. Крѣпкіе задним умом, они убѣдились лишь послѣ длиннаго ряда жалчайших неудач. И этот их «задній ум» и продиктованная им тактика самоликвидаціи «Нэпа» родились в мучительных потугах и схватках, одно время обративших страну, по жестокому и вѣрному слову Ленина, «в измученный, истерзанный, обезумѣвшій от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса».

Виктор Чернов.

*) Том XVIII, ч. 1-ая, стр. 17.
**) «Правда», 1923 г. № 144.

Критики Эс-эров.

Декларація с'ѣзда заграничных груш П. С. Р. вызвала многочисленные и разнообразные комментарій в русской зарубежной печати.

Первым откликнулось берлинское «Наканунѣ» и откликнулось, как и подобало ему по долгу его службы. «Знает вол ясли господина своего.» Бывших осважников, пишущих в этом «органѣ», очень взволновало утвержденіе, что П. С. Р. жива в умах и сердцах милліонов трудящихся. Не само содержаніе декларацiи, а именно эта фраза привела их в гнѣвное состояніе. Вѣдь, если бы это было дѣйствительно так, то, спрашивается, для чего существует почтенное учрежденіе, увѣковѣчившее имя Дзержинскаго? Россія, как извѣстно, благоденствует под диктатурой большевиков и в умах и сердцах благодарных милліонов трудящихся должна жить, конечно, не П. С. Р., а большевистская партія. При всем том, однако, у «Наканунѣ» не хватило духу утверждать, что именно так и обстоит дѣло. Не осмѣлилось оно и опровергнут ту характеристику экономическаго и политическаго состоянія в счастливой совѣтской Аркадіи, которая дана в эсеровской декларацiи. Жалкій лепет и потуги на плоскіе сарказмы «Наканунѣ» лишній раз подчеркнули безпомощность услужающих «публицистов», когда произносится слово правды о Россіи.

Впрочем, «Наканунѣ» вознаградило себя — прибѣгнув к обычному для него прочно укоренившемуся в его практикѣ пріему «неосторожнаго обращенія с чужими мыслями». Газета процитировала фразу из документа о признаніи необхододимости раскрѣпощенія частно-хозяйственной иниціативы. И, конечно, оборвала цитату как раз там, гдѣ говорится, что вмѣстѣ с тѣм П. С. Р. остается при убѣжденіи, что земля и природныя богатства страны, залежи каменнаго угля, руды, нефтяные источники, а также желѣзнодорожный транспорт, как и общественно необходимыя предпріятія должны принадлежать государству и т. д. Все это естественно потребовалось для того, чтобы уличить эс-эров в «соціал-предательствѣ» и торжествующе заявить «теперь г. Милюков погладит по головкѣ эсэров». Поистинѣ, очень уже слабы стали на выдумку господа смѣновѣховцы.

Берлинскій собрат «Наканунѣ», об'единенный с ним ненавистью к соціализму и демократіи, культурный «Руль» на этот раз своими комментаріями эс-эровской декларацiи доказал

свое огромное превосходство над ним. Почтенный орган гг. Гессена и Каминки давно уже состязается с «Наканунѣ» в искусствѣ демагогической полемики, оспаривая пальму первенства, у гг. Кирдецова и Дюшена. Иногда «Руло» дѣйствительно удается подняться до высот, гдѣ безраздѣльно царят «Красная Газета» и «Новое Время». На этот раз «Руль» буквально превзошел самого себя. Он подошел к оцѣнкѣ эс-эровской декларации вовсе не так, как бездарное «Наканунѣ», а изобрѣл болѣе коварный ход. Прямо, не запинаясь, без дальнѣйших околичностей «Руль» возвѣстил, что заграничный с'ѣзд эсэров отрекся от эсеровской идеологіи и похоронил эс-эрство, от котораго послѣ такой операціи рѣшительно ничего не осталось. Программа С.-Р., утверждал «Руль», ничѣм уже не отличается от программ буржуазных партій и ни в каком отношеніи не стоит к завоеваніям революціи, о судьбѣ коих «Руль», как извѣстно, чрезвычайно заботится. Можно было бы «искренно поздравить партію с.-р. с отрезвленіем», писал «Руль». Его смущает одно только обстоятельство, «но гдѣ же и при чем тут с.-р.»? По утвержденію компетентных в вопросах соціализма гг. Гессена и Каминки, заграничные эс-эры совершили ужасное предательство: отказались от соціализаціи, націонализаціи и даже Учредительнаго Собранія и превратились в подлинных сторонников буржуазной реставраціи. Словом, приняли цѣликом и без оговорок всю программу «Руля». Но честные «рулевые» писатели не только тому не обрадовались, а в порывѣ благороднаго негодованія поспѣшили разоблачить эс-эров перед всѣм міром. Послѣ такого выступленія «Руля» желтое «Наканунѣ» должно было без сомнѣнія позеленѣть от зависти. До такого идеальнаго подражанія Стекловским передовицам даже и ему никогда не удавалось доходить.

В пылу полемики «Руль» не задумался над тѣм, что его статья способна изумить читателей не столько неожиданным поправеніем эс-эров, сколько его собственным с ног сшибательным полѣвеніям. Вѣдь он подписывается под всѣм, что значится в эсеровской декларації. В ней же значится, между прочим, слѣдующее: В дѣлѣ возстановенія народнаго хозяйства рядом с частно хозяйственным почином должны принять участіе кооперативное, муниципальное и общественно-государственное строительство; земля и природныя богатства страны должны принадлежать государству; отрасли производства, отвѣчающія государственной и общественной необходимости, а также и тѣ, которыя могут быть организованы государством безубыточно, подлежать націонализаціи; содѣйствіе усиленному развитію кооперації и захвату ею все болѣе широких отраслей производства и обмѣна, широкая постановка муниципализаціи и т. д.

«Руль», оказывается, под всѣм этим подписывается. Его понятіе о буржуазной реставраціи вдруг настолько расширилось, что в него укладывается и огосударствленіе земли и переход в руки государства всей добывающей промышленности, водной силы, лѣсов и транспорта, как и націонализаціи ряда других индустріальных предпріятій. Он и расширенію муниципальнаго хозяйства, и усиленному развитію кооперації готов оказать государственное содѣйствіе. И основной тактическій лозунг, выставленный в декларації — созданіе трудового соціалистическаго фронта в борьбѣ за демократію — тоже его не пугает. Что же сдѣлал «Руль» священными буржуазными началами, столь неутомимо им защищаемыми? Больше того «Руль», кто бы мог повѣрить, спокойно проглатывает не только народовластіе, но и Horribile dictu, республиканско-демократическій строй...

Стоит ли говорить о том, что все это не болѣе, как іезуитская демагогія. Статья «Рулья» настоящій подарок большевистской прессѣ. Ее, конечно, с радостью будут цитировать «Извѣстія», «Правды» и их провинціальные подголоски. Для демагогической травли эсэров в Россіи она дает большевикам лучшее оружіе, чѣм все, что мог бы написать на эту тему Стеклов. Одобреніе гг. Гессена и Каминка для Партіи эс-эр опаснѣе самой злой критики, откуда бы она ни исходила. Совѣтская печать, конечно, не воспроизведет эсеровской декларації, но статья «Руля» без всякаго сомнѣнія пойдѣт гулять по ея столбцам.[1])

Уж не первый раз «Руль» прибѣгает к такому пріему, подбрасывая топливо большевистским демагогам, травящим русских соціалистов. Между московскими изувѣрами и берлинскими «рулевыми» в этой области установилось нѣчто вродѣ сотрудничества по молчаливому соглашенію. «Рулевым», сладко грезящим о буржуазной реставраціи и «Бонопартикѣ», большевики, конечно, милѣе соціалистов, ибо они подавляют ту силу, которая в будущем одна только могла бы стать поперек дороги буржуазным реставраторам. Недаром лѣвый сотрудник «Руля» г. Изгоев, не без успѣха соперничавшій в свое время с «нововременским» Менщиковым, приговорился недавно в пылу полемик о своих старых симпатіях к матросу Желѣзнякову, и изобразил его настоящим спасителем Россіи. Желѣзняков сдѣлал то, чего не могли сдѣлать задыхавшіеся от безсильной злобы «демократы» в родѣ г. Изгоева. Как же не питать благодарной любви к этому «національному герою».

[1]) Статья уже была набрана, когда мы получили номер «Извѣстій» со статьею Стеклова об эс-эровском с'ѣздѣ. Как и слѣдовало ожидать, Стеклов воспроизводит почти полностью статью «Руля».

Г. Изгоев и не об только этом проговорился. «В архивѣ русской революціи» безстыдно хвалится он на страницах «Руля», я проговорился о чем то еще болѣе важном. Еще в концѣ апрѣля 1918 года я был в числѣ того меньшинства Центральнаго Комитета Кадетской партіи, которое настаивало, чтобы послѣ выхода в отставку П. Н. Милюкова, вызваннаго интригами Н. В. Некрасова и А. Ф. Керенскаго, наивно вѣрившаго, что он воплощает в себѣ революцію, всякая коалиція была окончательно разорвана, а власть передана в руки соціалистам.» «Не знаю, как для других, и для меня, — цинично поясняет г. Изгоев, — и тогда было ясно, что это означило бы приход большевиков.»

Так вот оно что. Еще в апрѣлѣ 1917 года, на зарѣ революціи, в самый свѣтлый, еще незапятнанный насиліями и кровью період ея, когда вся страна была охвачена пьянящей радостью освобожденія, господа Изгоевы, ослѣпленные ненавистью, уже придумывали маневры для ускоренія прихода большевиков. Ускорить «приход», чтобы ускорить разгром чужими руками — свои были коротки — демократіи и соціализма, хотя бы цѣною ускоренія развала фронта, сепаратнаго мира и разлива разрушительной стихіи, сдерживвшейся усиліями «умѣренных соціалистов».

Подумали ли желавшіе ускорить господа Изгоевы, что стало бы с Россіей, западной демократіей, с боровшимися за жизнь славянскими народами, если бы сепаратный мир с Германіей был заключен не в мартѣ 1918 года, а скажем, в маѣ или іюнѣ 1917? Подумали ли они о том, что случилось бы, если бы Ленин начал свои опыты над Россіей не к концу войны, а в самом ея разгарѣ, когда мощь германскаго милитаризма еще не была поколеблена. И не в расчетѣ ли на вмѣшательство генералов Вильгельма II, возстанавливающих в Россіи буржуазныя начала и «порядок» стремились они «ускорить»? Как встрѣтили германскаго завоевателя на Украинѣ однопартійцы г. Изгоева, как они вмѣстѣ возстановляли «начала» и искореняли революцію — это всѣм извѣстно.

Так вот они кто, эти патентованные патріоты, елейно скорбящіе о родинѣ, эти идеологи національнаго возрожденія, фальшивящіе пѣвцы культурнаго прогресса, у которых не сходят с лицемѣрных уст слова «нація», «отечество», «культура». Буржуазныя начала — вот их бог и на его альтарь они готовы принести в жертву и родину и національное достоинство и культурныя завоеванія страны.

Тот же господин Изгоев выдает, между прочим, с головой своих хозяев из «Руля». Он тоже дал оцѣнку эсеровской декларації. Но в то время, как передовик газеты усмотрѣл в ней укрѣпленіе буржуазных начал и за это эсеров похвалили, г.

Изгоев наоборот обрушивается на них за то, что они «одновременно провозглашают и соціализм и частно-хозяйственный почин». Теперь, благодаря г. Изгоеву, читатели «Руля» будут знать, что передовик обманул их, увѣряя, что в эсеровской деклараціи ничего не осталось от эсерства. Г. Изгоев, как видим, и здѣсь проговорился. Ему, правда, тоже хочется похлопать по плечу эсеров, но не за их экономическую программу, «испорченную» соціализмом, а за другое. В деклараціи, видите ли, нѣт ни слова об Учредительном Собраніи и, что еще важнѣе с точки зрѣнія г. Изгоева, говорится лишь о всеобщем избирательном правѣ, без прямого и равнаго (как будто в соціалистической деклараціи это само собой не подразумѣвается). Ну, а раз нѣт ни Учредительнаго Собранія, ни «прямого» и «равнаго», то и г. Изгоев готов пріять: «пусть я буду правым, — говорит он, — но эсеровская формула пріемлема и для меня». Его безпокоит лишь вопрос о промежуточном переходном періодѣ, во время котораго «кто то организовал бы болѣе или менѣе честно выборы». Болѣе или менѣе честно! К счастью, на этот тревожный вопрос г. Изгоев заранѣе дал отвѣт не на страницах «Руля», а в «Русской Мысли» г. Петра Струве. «Без бонапартизма, утверждал он, потрясенная революціей страна может только развалиться и стать жертвой аппетитов сосѣдей.» Бонапартик — вот он предмет мечтаній гг. Изгоевых. Тот «кто то», кто организует «болѣе или менѣе честно» выборы без «прямого» и «равнаго».

Таков «лѣвый» сотрудник «Руля», а что же сказать о правых? И можно ли послѣ этого удивляться тому, что в выборѣ полемических пріемов против соціалистов писатели из «Руля» обнаруживают столь же мало моральной брезгливости, как и их друго-враги из «Накануне».

Там лакеи, обслуживающіе большевиков, кондотьеры журнализма, привыкшіе продавать свою шпагу тому, кто дороже заплатит. Здѣсь — тоскующіе о Бонопартикѣ — обслуживающіе интересы реставраторской буржуазіи «идеологи» с лакейской готовностью в душѣ пѣть дифирамбы любому диктатору, лишь бы только он возстанавливал «начала» и искоренял «прямое и равное». Развѣ культурный «Руль» не пѣл дифирамбов Врангелю даже тогда, когда сей «спаситель Россіи», выброшенный из Крыма, раскидывал свой стан в Галлиполи. Развѣ не оправдывал он столь же ревностно гнусных звѣрств Кутепова, как «Накануне» оправдывает кровавые подвиги чрезвычайки? Оттого так сходны и их полемическіе пріемы. У одних больше наглости и откровеннаго цинизма, у других больше елейнаго лицемѣрія и дѣланной стыдливости. Гг. Изгоевы, Гессены, Каминки тоже были когда то поборниками демократіи с «прямым и равным». Они тоже смѣнили вѣхи, демократическія

на бонопартистскія. И понятно, что когда большевики улюлюкают соціалистам, своих вѣх не мѣнявших, берлинским «рулевым» «что то слышится родное». Улюлюкать сами они не могут: глотки у них не хватит, но косвенно помочь улюлюкающим — это они умѣют. Если хорошо, что матрос Желѣзняков разогнал Учредительное Собраніе, то, конечно, не плохо, и когда большевики травят эсеров. Вѣдь, если оставить эсеров в покоѣ, то неровен час — снова Учредительное Собраніе появится. А будет ли тогда налицо матрос Желѣзняков — еще не извѣстно.

Лѣво-кадетскія «Послѣднія Новости» в отличіе от правокадетскаго «Руля» не усмотрѣли в эсеровской декларації реставраціи буржуазных начал. Наоборот, г. Милюков сразу вполнѣ резонно обнаружил, что декларація кладет грань между партіей С. Р. и буржуазно-демократическими группировками заграницей.

«Кромѣ сказаннаго, писали «Послѣднія Новости» (в № от 4 декабря), здѣсь многое подразумѣвается. И это подразумѣваемое гораздо в большей мѣрѣ, чѣм сказанное, напоминает о грани между нами и вновь сплотившейся в Прагѣ политической группой». Нам думается, что не только подразумѣваемое но и сказанное вполнѣ опредѣленно проводит ту грань, о которой говорят «Послѣднія Новости». Впрочем, г. Милюков сразу же нашел нѣчто весьма существенное для опредѣленія этой грани. В документѣ указывается, что рабочіе и крестьяне, равно экономически заинтересованы в упраздненіи большевистской системы. «Заинтересованы», пишет г. Милюков, — конечно, и всѣ остальные слои населенія, но эсеры, этим выдѣленіем очевидно хотят *сразу* подчеркнуть, какіе общественные слои они хотят обслуживать». «Не мудрено, констатирует далѣе г. Милюков, — что центральная часть сообщенія с'ѣзда начинается с заявленія, что партія С. Р. всегда исходила из сознанія интересов этих двух отрядов трядящихся (крестьян и рабочих). Как извѣстно, термин «трудящійся» в употребленіи эсеров имѣет особое значеніе, сужающее еще болѣе состав обслуживаемаго ими соціальнаго слоя до тѣх предѣлов, в которых возможно говорить о будущей «соціализаціи». Г. Милюков упускает из виду, что Партія С. Р. является соціалистической партіей и, как таковая может создавать себѣ базу лишь в трудящихся массах и среди интеллигенціи, а отнюдь не во всѣх слоях населенія. Указанная грань между Партіей С. Р. и не-соціалистическим демократическим фронтом всегда существовала. Не понятно только, почему г. Милюков лишь послѣ прочтенія декларації открыл эту «Америку».

Несмотря на грань, г. Милюков сдѣлал все же попытку «погладить по головкѣ» эсэров. «Почти подо всѣм, что содержится в нем (документѣ), продолжает он, можно подписаться».Мы увидим ниже, что то, под чѣм, несмотря на «почти», г. Милюков не подписывается, составляет существеннѣйшее содержаніе декларації и вообще всей эсеровской программы.

Но предварительно необходимо устранить совершенно невѣрное предположеніе автора, которым он вводит в заблужденіе своих читателей. Повидимому, для того, чтобы облегчить себѣ возможность «погладить по головкѣ», г. Милюков утверждает, что на эсеровском с'ѣздѣ произошел компромисс между «правыми» и «лѣвыми». Компромисс же свелся будто бы к слѣдующему: в программѣ замѣтно вліяніе «праваго» крыла, за то в тактикѣ «лѣвые» и центр взяли свой реванш. Все это, конечно, чистѣйшая фантазія г. Милюкова. Редактор «Послѣдних Новостей» усвоил странный метод — дѣлать догадки о том, чего он не знает, а затѣм в своих разсужденіях исходить из собственных догадок, как из факта. На этот раз, как почти всегда в подобных случаях, г. Милюков попал пальцем в небо. Никакого компромисса между «правыми» и «лѣвыми» по программному вопросу не было и не могло быть, по той простой причинѣ, что этот вопрос даже не фигурировал в порядкѣ дня с'ѣзда. Единственный вопрос, которому были посвящены его занятія, был вопрос организаціонный. «Лѣвые» не могли взять здѣсь какой то реванш за уступки, которыя они даже при желаніи не имѣли бы случая сдѣлать.

Что же касается замѣтнаго вліянія «праваго крыла» в программной части декларації, то это опять таки или фантазія или оптически обман г. Милюкова. Чтобы в этом убѣдиться, достаточно хотя бы вспомнить тезисы по экономическому вопросу «лѣвых» и «правых», представленные прошлогоднему берлинскому с'ѣзду эсэров и которые сам же г. Милюков подробно разбирал в «Послѣдних Новостях». В тезисах В. В. Руднева («правое крыло») выставлялось требованіе о полной денаціонализаціи в областях промышленной, торговой и финансовой. В эсеровской декларації о полной денаціонализаціи нѣт ни звука, но за то в программной ея части мы находим почти дословно воспроизведенные пункты тезисов В. Чернова и Е. Сталинскаго о необходимости участія в хозяйственном возстановленіи Россіи рядом с частной инціативой кооперативнаго и общественно-государственнаго строительства, о переходѣ в собственность государства земли и природных богатств страны, о сохраненіи за ним оказавшихся рентабильными предпріятій, націонализированных большевиками и т. д. В прошлом году г. Милюков метал против этих пунктов гром и молніи. Теперь он вдруг усмотрѣл в них вліяніе «праваго крыла».

Статья г. Милюкова, посвященная эсеровской декларації, вскрывает всю глубину разногласій между группой «Послѣдних Новостей» и Партіей С. Р. Нелѣпо было бы, конечно, устанавливать разногласія общаго и длительнаго свойства, вытекающія из различія идеологій. Они опредѣляются уже самим соціалистическим характером Партіи С. Р. Но эсеровская декларація — не программа максимум, не рисунок будущаго идеальнаго строя, — это совокупность мѣр, предназначенных для непосредственнаго проведенія в жизнь, как только русскій народ получит возможность свободно проявлять свою волю и высказать свое отношеніе к ним. И вот тут то не лишен интереса вопрос о том, что из них не пріемлемо для демократов Милюковскаго толка, столь упорно зовущих соціалистов на коалицію с ними.

Г. Милюков при всем своем желаніи повернуться лѣвым боком все же не может скрыть, что непріемлемым для него окажется «оставленіе земли и цѣликом желѣзнодорожнаго транспорта в собственности государства». Оставленіе земли — только всего! Г. Милюков в приложеніи к землѣ, как и во всем остальном, добивается упорно торжества принципов экономическаго индивидуализма. Его программа — частная земельная собственность. Программа П. С. Р., можно сказать, душа ея программы — переход земли в общегосударственное достояніе, изъятіе ея из товарнаго оборота. Здѣсь вскрывается острое непримиримое разногласіе по самому основному кардинальному вопросу русской революціи, составляющим ея главное содержаніе. Здѣсь разногласіе по вопросу, от разрѣшенія котораго в ту или иную сторону зависит все направленіе будущей хозяйственной эволюціи Россіи. Для Партіи С. Р. отказ от этого требованія был бы равносилен отказу от своей сущности и разрушенію собственными руками своей соціальной базы. Но, повидимому, и для Милюковских буржуазных демократов отказ от требованія частной собственности на землю имѣл бы приблизительно такое же значеніе.

Г. Милюков отражает в этом вопросѣ взгляды всей, без различія направленій, зарубежной русской буржуазіи, надежды свои на будущее господство в Россіи возлагающей на появленіе крѣпкаго мужика-собственника, который послужил бы для нея опорой. Мы понимаем, что г. Милюков надѣется основать на этом базисѣ свой буржуазно-демократическій строй. В этом отношеніи он, конечно, прав: на другом базисѣ основать его нельзя. Тут не только теоретическое доктринерство, но и прямой и весьма правильный политическій расчет. Но тѣм самым кладется дѣйствительно непроходимая грань между Партіей С. Р. и тѣм фронтом, над созданіем котораго трудится г. Милюков. Непонятно лишь одно, как при наличіи

такого коренного разногласія по самому жгучему вопросу русской дѣйствительности г. Милюков представлял себѣ коалицію с эсерами. Или у него на этот счет имѣются свои особыя взгляды, которые он предпочитает держать про себя? Грань кладется не только этим коренным разногласіем. Есть другіе не менѣе существенныя и неустранимыя.

Партія С. Р. не стояла и не стоит на точкѣ зрѣнія полнаго возстановленія капитализма в Россіи. Россія для соціализма не созрѣла и этим опредѣляется необходимость раскрѣпощенія частной хозяйственной иниціативы. За это одинаково высказываются и «лѣвые» и «правые». Но напрасно критики усматривают в таком требованіи буржуазное грѣхопаденіе партіи. Раскрѣпощеніе частнохозяйственнаго почина вовсе не означает, что ему должен быть открыт доступ во всѣ без исключенія отрасли народнаго производства, что проникновеніе капитала не может быть ограничено извѣстными предѣлами. Эта точка зрѣнія ясно выражена и в эсеровской декларації. В ней отчетливо сказано, как уже упоминалось выше, что в экономическом возстановленіи Россіи должны принять участіе не только частнохозяйственный почин, но и кооперація и общественно-государственное строительство. И в той же декларації конкретно указано, что в руках тосударства должны остаться не только земля, лѣса и водная электрическая сила, но и угольное, желѣзное и нефтяное производства, как и желѣзнодорожный транспорт, т. е. фактически ключевые отрасли русской промышленности, не говоря уже об общественно-необходимых предпріятіях и отраслях, могущих быть организованными государством безубыточно. Тут захватному стремленію капитала поставлены рѣзко очерченные предѣлы, что, конечно, не противорѣчит требованію о раскрѣпощеніи частно-хозяйственной иниціативы. Вмѣстѣ с тѣм, и широко поставленная муниципализація, развивавшееся при содѣйствіи государства кооперативное строительство, в особенности в сельском хозяйствѣ, подготовляют почву для постепеннаго вытѣсненія частной иниціативы органически выростающими болѣе совершенными хозяйственными формами. Націонализація ключевых отраслей промышленности в свою очередь кладет основу для націонализаторских и соціализаторских мѣр в будущем, когда для этого созрѣют необходимыя условія. Это путь творческаго демократическаго соціализма, идущаго к своей цѣли без насилованія законов экономики, учитывая данную историческую дѣйствительность, но осуществляя все, что возможно осуществить в ея предѣлах.

Раскрѣпощеніе частной иниціативы вовсе не должно означать закрѣпощеніе Россіи капитализмом. Примѣр Запада с до-

статочной убѣдительностью показал, к чему приводит монопольное владѣніе частным капиталом добывающей промышленностью, в особенности в странѣ с потрясенным хозяйством. Оно приводит не только к тому, что отдѣльные магнаты капитала или группы капиталистов превращаются в настоящих властелинов всей экономики страны и держат в своих руках главныя нити ея хозяйственнаго механизма, злоупотребляя своим могуществом в ущерб жизненным интересам всего государства. Опираясь на свои колоссальные капиталы, они превращаются также в огромную политическую силу, подчиняя своим эгоистическим цѣлям внутреннюю и внѣшнюю политику страны. Германская революція в апогеѣ своей силы не коснулась соціальных привилегій Стиннесов и Крупов. Теперь Стиннесы, Круппы и их собратья, высосав всѣ соки из германскаго народа, ввергнув его в пучину ужасающей нужды, захватили в Германіи командующія политическія высоты и медленно удушают своими жирными руками обезкровленную германскую демократію, чтобы построить на ея трупѣ трон своей диктатуры, как увѣнчаніе зданія их экономическаго самодержавія. Во Франціи »Comitè des Forges« (металлургическій трест) оказывает огромное давленіе на политику правительства и является одним из главных инспираторов оккупаціи Рура, точно так же, как германская тяжелая индустрія своим саботажем репараціи создала предлог и оправданіе этой оккупаціи. Соперничество между французской и германской металлургіей — одна из главных, хотя и скрытых, причин и Рурской драмы и всей трагической запутанности нынѣшняго международнаго положенія Европы.

Формы современной демократіи зародились тогда, когда экономическая жизнь не неслась таким бурным и мощным потоком, как теперь, когда не существовало еще гигантских об'единеній капиталов в видѣ концернов, горизонтальных и вертикальных трестов, финансовых синдикатов и т. п. Она лишена поэтому возможности при самой совершенной конституціи бороться побѣдоносно против стремящейся поработить ее новой силы, оставаясь на формальной почвѣ.

Г. Кайо, бывшій премьер Франціи, хорошо знающій скрытый от непосвященных глаз механизм современнаго общества, пишет в своей книгѣ »où va l'Europe?« «В дѣйствительности Европа накануне подпаденія под власть анархическаго феодализма. Главари трестов являются герцогами и графами современной эпохи. Хозяева угля, желѣза и стали, хозяева отраслей промышленности, которыя ими питаются, они создают себѣ государство в государствѣ и порабощают политическую власть. Они низводят ее к чисто парадной роли, подобно тому, как крупные феодалы X и XI вѣков парализовали короля Франціи,

заключив его в мантію с бѣлыми лиліями или придавили императора — эту половину Бога — под тяжестью короны, которую они сами надѣли ему на голову». Вот к каким результатам приводят ничѣм неограниченныя буржуазныя начала, оберегаемыя во всей их сохранности. Свидѣтельства выдающагося государственнаго дѣятеля буржуазіи, одного из лучших финансистов Европы, в данном случаѣ, конечно, убѣдительнѣе гимнов, слагаемых «началам» господами Каминками или новоявленными кандидатами в крестьянскіе вожди, которые подходят к оцѣнкѣ европейской дѣйствительности с масштабами уѣзднаго идеолога.[1])

Буржуазныя начала, провозглашенныя французской революціей, своим огненным дыханіем расчистившей для них почву, соотвѣтствовали на зарѣ XX вѣка экономическому и общественному прогрессу. Они теперь превратились в препятствіе для движенія вперед, в источник внутренних и внѣшних потрясеній. Их ограниченіе в мѣру, допускаемую условіями дѣйствительности, и проведеніе мѣропріятій, подготовляющих рост новых соціальных форм, болѣе соотвѣтствующими потребностям жизни, являются сейчас единственным путем, открывающим выход из тѣснин повоенной эпохи. Толкать на этот путь, пробиваться к нему — задача всякой соціалистической партіи, дѣйствительно связанной с трудовыми массами и для которой идеал соціализма не служит только парадным украшеніем, надѣваемым в праздники.

Ограниченіе буржуазных начал и соціальныя мѣры, намѣченныя в эсеровской декларацiи, ничуть не являются утопическими в примѣненіи в Россіи. Их проведеніе в жизнь вопрос политической силы и своеобразія экономическаго уклада.

В Россіи вообще положеніе иное, чѣм на Западѣ. В Россіи не придется пробивать бреши в капиталистическом обществѣ, держащимся на могучем вѣковом фундаментѣ. В царствѣ Ленина послѣ коммунистических опытов не осталось ни капитализма, ни коммунизма. Существует лишь под кричащим названіем «государственнаго капитализма» совѣтская безхозяйственность. И когда на часах исторіи пробьет час для перехода к хозяйственности, частной иниціативѣ необходимо будет предоставить ту сумму прав и свобод, которая опредѣляется интересами экономическаго возрожденія страны, но не болѣе того. Полная реставрація буржуазных начал означала бы реставрацію и тѣх элементов капитализма, которые отнюдь не обусловливаются необходимостями національнаго производства, а являются лишь результатом политическаго господства буржуазіи.

[1]) См. статью С. Маслова в «Посл. Новостях» № от 22 декабря.

И в этом не менѣе коренном вопросѣ г. Милюков, естественно, держится иной точки зрѣнія. Он стоит за полное возстановленіе капитализма в Россіи, смягченнаго нѣкоторыми либеральными реформамы в пользу рабочих. Г. Милюков даже желѣзнодорожный транспорт, большая часть котораго и при царизмѣ была казенной, не желает оставить цѣликом в руках государства. Здѣсь, как и в вопросѣ о землѣ, мы имѣем дѣло с программой, построенной исключительно на принципѣ экономическаго индивидуализма, провозглашаемом, несмотря на громкое свидѣтельство фактов жизни, единственным двигателем прогресса и культуры. И это в наше время, когда даже передовые элементы западной буржуазіи отдают себѣ отчет в необходимости перестройки устарѣвших соціальных устоев, когда лѣвые либералы в Англіи высказываются за націонализацію кредита и горных промыслов, а французская радикальная партія вписывает в свою программу ряд націонализаторских мѣр.

Вся разница между г. Милюковым и правыми кадетами заключается, в сущности, в том, что он надѣется возстановить буржуазныя начала при помощи демократіи, а тѣ полагают, что только монарх или диктатор в состояніи будет их реставрировать. В вопросѣ о способах и методах подхода к хозяйственному возстановленію Россіи г. Милюков в такой же мѣрѣ, как гг. Каминка и Гессен, отдѣлены от Партіи С.-Р. непроходимой пропастью. Различныя цѣли преслѣдуются здѣсь. С одной стороны, укрѣпленіе экономическаго индивидуализма для обезпеченія, в будущей Россіи господства буржуазіи. С другой — укрѣпленіе и развитіе трудового начала, отвѣчающаго дѣйствительным интересам народа, соотвѣтствующаго глубокому внутреннему содержанію русской революціи и соціальной справедливости. С одной стороны, стремленіе создать под крышей формальной демократіи фактическое властвованіе буржуазнаго класса, — с другой, продолжить политическую демократію в области соціальной и тѣм возвести фундамент для дѣйствительной, а не мнимой власти народа. Эти различныя цѣли непримиримы. Их различіе и обусловливает неизбѣжное различіе способов и методов подхода к хозяйственному возстановленію Россіи. Перекинуть мостик через эту пропасть невозможно.

Мы уже указывали в предыдущих статьях, что вопрос о коалиціи не является для соціалистов принципіальным, а лишь вопросом соотношенія сил. Но выясненныя нами противорѣчія показывают, что о коалиціи соціалистов с такой несоціалистической демократіей, которая будет одушевлена идеалами г. Милюкова вообще не сможет быть рѣчи, в виду отсутствія почвы для какого бы то ни было соглашенія.

Русская революція, болѣе интернаціональная по своим результатам, чѣм великая французская революція, как справедливо указывает проф. Олар, выдвинула задачи, разрѣшеніе которых не может ни коим образом уложиться в рамки буржуазнаго либерализма. Попытка навязать ей такую программу была бы равносильна попыткѣ натянуть на широкія плечи русской революціи, совершенной трудовыми массами без буржуазіи, узкій кафтан революціи французской, открывшей эру буржуазнаго владычества. Это значило бы игнорировать ея огнем выжженныя отличительныя черты. Это равносильно было бы также безплодному усилію измѣнить ея существо.

Е. Сталинскій.

Иностранная жизнь.

Англійскіе выборы.

Перед рабочим правительством в Англіи.

На протяженіи менѣе чѣм двадцати лѣт англійскіе консерваторы терпят во второй раз жестокое пораженіе и все на том же вопросѣ об ограниченіи свободы торговли.

В 1906 году кабинет Бальфура, предложившій избирателям программу введенія таможенных тарифов на иностранные товары, был разбит на голову. Консервативная партія в теченіи цѣлаго десятилѣтія не могла оправиться от этого удара, пока Ллойд-Джордж, уже во время міровой войны, не протянул ей спасительную жердь в видѣ коалиціи, которая помогла ей снова стать на ноги.

Но в 1906 году программа протекціонизма преслѣдовала цѣли иныя, чѣм теперь. Тогда она была результатом страстной имперіалистической кампаніи идеолога англійскаго имперіализма Чэмбрлена и выдвигалась, как средство сбить прочным обручем огромныя по всему міру разбросанныя владѣнія Британской имперіи.

Другого рода соображенія продиктовали Балдвину несчастную для него идею — попробовать счастья на той же опасной почвѣ, гдѣ партія его однажды поскользнулась и упала. Балдвин явился преемником недавно умершаго вождя консерваторов Бонар-Лоу и был связан его программой, за которую на выборах прошлаго года голосовало большинство страны. Она сводилась, в конечном счетѣ, к одному слову — «спокойствіе», написанное Бонар-Лоу на его знамени. Спокойствіе в области внѣшней и внутренней было обѣщано покойным премьером странѣ. Оно означало — выбытіе Англіи из строя дѣйственной политики в европейских дѣлах; оно означало также воздержаніе от каких бы то ни было серьезных соціальных реформ, способных в той или иной мѣрѣ затронуть «священные» устои капиталистическаго общества.

Но политика, выкинувшая лозунг спокойствія перед лицом неспокойной жизни, бурлящей и взбаломученной войной и ея послѣдствіями, могла лишь усилить «неспокойствіе». «Спокойная» внѣшняя политика Бонар-Лоу лишь содѣйствовала углубленію европейскаго хаоса, косвенно, но тяжко отражающагося на экономической дѣйствительности самой Англіи. И «спокойствіе» консервативной партіи не могло остановить опаснаго роста безработицы, угрожающей тѣм самым основам, на стражѣ которых стоят англійскіе тори. Попытка Бальвина вмѣшаться болѣе активно, но не выходя из рамок, начерченных его предшественником, в франко-германскую распрю по репараціонному вопросу кончилась неудачей. Вмѣстѣ с тѣм консервативные принципы и интересы представленных им классовых сил запрещали ему проводить рѣшительныя мѣры для борьбы против отраженных результатов континентальной разрухи в самой Англіи.

При таких условіях программа протекціонизма показалась Балдвину якорем спасенія. Если безработица, как слѣдствіе сокращенія про-

мышленной дѣятельности, раз'ѣдает экономическія ткани Англіи, то возведеніе высокой таможенной стѣны оградит англійскаго пролетарія от конкуренціи дешеваго труда континентальнаго рабочаго. Таков был тезис консерваторов. Для правящей партіи это был единственный способ подхода к разрѣшенію грозной проблемы безработицы, совмѣстимой с ея программой «спокойствія». Она избавляла от необходимости перейти к иной политикѣ в Европѣ, как и от внутренних реформ. Но этот способ шел вразрѣз с господствующим настроеніем страны, для которой отказ от свободы торговли, на почвѣ которой создалось промышленное могущество Англіи, равносилен был бы своего рода революціи. Он вмѣстѣ с тѣм совершенно не соотвѣтствовал истинному положенію.

Раньше всего, как раз тѣ отрасли производства, которыя наиболѣе страдают от безработицы, как напр. мѣр. угольная промышленность, металлургическая, хлопчато-бумажная, судостроеніе, строительное дѣло, ничего не могли бы выиграть от введенія протекціонистской системы. Нѣкоторыя из них, работающія для экспорта, наоборот, потерпѣли бы серьезный ущерб. С другой стороны, промышленный кризис, лишь в весьма слабой степени обусловливается иностранной конкуренціей. Подлинныя причины его лежат в совершенно другой плоскости и мѣрами протекціонизма устранены быть не могут. Весьма любопытныя статистическія данныя исчерпывающія вопрос, были приведены в англійском журналѣ «London and city joint Bank». Согласно этим данным, вывоз Англіи, составлявшій в 1912 году 13,8% всего мірового вывоза, в 1923 году составлял уже 17,3%. Эти данныя показывают опредѣленно, что система свободной торговли отнюдь не поставила Англію в невыгодное положеніе по отношенію к другим странам. Онѣ показывают также, что если бы общая сумма оборота мірової торговли достигла довоеннаго уровня, то англійская промышленность была бы еще болѣе цвѣтущей, чѣм до войны. Таким образом, устанавливается прямая связь между нынѣшним тяжелым экономическим положеніем Англіи и хозяйственной разрухой на континентѣ. Данныя, приведенныя англійским журналом, имѣют огромное значеніе: онѣ свидѣтельствуют, что Англія не может политически и экономически уйти из Европы и что в этом отношеніи таможенные барьеры, как бы высоки они ни были, ей не помогут.

Такой вывод и дѣлали англійскіе либералы, провозгласившіе в противовѣс консерваторам: что для процвѣтанія торговли необходимо сначала укрѣпить мир, возстановить довѣріе и нормальную хозяйственную жизнь. Что касается до рабочей партіи, то она категорически выступила против протекціонизма, усматривая в его выдвиганіи консерваторами попытку уклониться от проведенія соціальных реформ, способных дѣйствительно оздоровить базис британской экономики. Боевым пунктом программы Рабочей Партіи было требованіе налога на капитал с цѣлью посвятить собранныя суммы на созданіе новых производств. Этот пункт отражал в значительной мѣрѣ воззрѣнія очень популярнаго сейчас в Англіи гильдейскаго соціализма.

Выступленіе консерваторов против свободы торговли имѣло первым результатом об'единеніе двух крыльев Либеральной Партіи, борьба с протекціонизмом создала почву для примиренія лидеров этих крыльев Асквита и Ллойд-Джорджа. Консерваторы, Об'единенные либералы. Рабочая Партія шли в бой каждая отдѣльно, с поднятым забралом и широко развернутыми знаменами. Но тот вопрос, по которому, в первую очередь, должны были высказаться англійскіе избиратели, далеко выходил за національные предѣлы и пріобрѣтал исключительно большое международное значеніе. Протекціонистская программа, консерваторов являясь по существу ничѣм иным, как предварительным условіем для ухода Англіи из Европы. Оградившись от нея таможенной стѣной. Великобританія вмѣстѣ с тѣм должна была уйти и из европейской полити-

ки. Позиціи либералов и Рабочей Партіи, защищавших свободу торговли, и связывавших разрѣшеніе промышленнаго кризиса в Англіи с улучшеніем экономическаго положенія на континентѣ, опредѣляла, наоборот, болѣе рѣшительное вмѣшательство в европейскія дѣла. Введеніе протекціонизма означало бы не только уклоненіе Англіи от участія в общем дѣлѣ экономическаго возстановленія Европы, но оно своим прямым результатом имѣло бы закрытіе англійскаго рынка для товаров других стран, что содѣйствовало бы еще большему ослабленію потрясеннаго хозяйства европейскаго. Пораженіе консерваторов избавило Европу от этой двойной опасности, которая над ней тяготѣла. Вліяніе этого фактора на общее международное положеніе, несомѣнно, будет весьма велико. Сейчас большинство в англійском парламентѣ составляют партіи, не только рѣзко отрицательно относящіяся к политикѣ Пуанкарэ, но и настаивающія на болѣе рѣшительном противодѣйствіи со стороны Англіи этой политикѣ. Таков первый и с точки зрѣнія международной наиболѣе значительный результат англійских выборов.

Несмотря на об'единеніе либералов, краткость избирательной кампаніи, неравенство средств в избирательной борьбѣ, Рабочая Партія одержала на выборах блестящую побѣду. Она завоевала 41 новое мѣсто в Палатѣ, доведя число своих депутатов до 193. Ея побѣда нанесла окончательный удар системѣ двух партій, составлявшей особенность англійскаго парламентаризма. Отнынѣ в Англіи существуют три больших партій и освященный вѣками парламентскій механизм придется измѣнить соотвѣственно с этим новым фактом. Побѣда Рабочей Партіи вызвала также политическій кризис. Соотношеніе сил трех партій таково: консерваторы 250 мѣст, Рабочая Партія 193 мѣста, либералы 144. Ни одна из них не обладает большинством и не в состояніи образовать правительство, опираясь лишь на свои силы. Вмѣстѣ с тѣм, ни одна из этих партій не желает и не может при данных обстоятельствах пойти на коалицію. Самой многочисленной в Парламентѣ партіей остаются все же консерваторы. Но страна всеобщим голосованіем высказалась на выборах против них. При таких условіях образованіе правительства может быть поручено, в случаѣ провала еще не ушедшаго пока в отставку кабинета Балдвина, одной из партій большинства — либо либеральной, либо рабочей. Но в то же время каждая из них будет в состояніи управлять лишь пользуясь поддержкой другой. Самой сильной по численности послѣ консерваторов является Рабочая Партія. На нее и должно быть возложено, согласно логикѣ конституціи, сформированіе новаго кабинета. Эту точку зрѣнія раздѣляет и Либеральная Партія. В своей послѣдней рѣчи лидер ея Асквит заявил, что либералы в день открытія палаты общин будут голосовать за формулу недовѣрія Балдвину. Появленіе рабочаго правительства в Англіи при содѣйствіи либералов можно считать предрѣшенным. Но было бы поспѣшным дѣлать вывод, что либералы имѣют в виду поддерживать при их помощи созданное Рабочее правительство «всерьез и надолго». Асквит в своей рѣчи пріоткрыл свои карты и обнаружил, что цѣль нынѣшней тактики либералов совершенно иная. Намѣреваясь помочь сверженію Балдвина, либералы желают лишь очистить мѣсто, но отнюдь не для того, чтобы на нем прочно усѣлось Рабочее Правительство. Асквит ясно дал понять, что поддержка, которую окажет ему Либеральная Партія, будет кратковременна. «Рано или поздно, сказал он, Англія должна была продѣлать опыт рабочаго правительства. Лучше, чтобы этот опыт был продѣлан теперь, когда обстоятельства для нас наиболѣе благопріятны».

В той же рѣчи Асквит весьма энергично заранѣе возражал против роспуска Палаты Общин, если новое правительство окажется в меньшинствѣ. В этом случаѣ, по его мнѣнію, конституціонный долг короля будет заключаться не в роспускѣ Парламента, а в обращеніи к другой партіи большинства, т. е. Либеральной Партіи, с предложеніем составить ка-

бинет. Эта часть рѣчи Асквита в связи с предыдущими его утвержденіями, намѣчает главныя линіи плана либералов. Свергнув при первом удобном случаѣ рабочее правительство и согласившись взять в свои руки власть, они намѣрены поставить консерваторов передъ выборомъ, или голосовать противъ либералов и тѣм сыграть в руку Рабочей Партіи, или поддержать либералов и тѣм обречь Рабочую Партію на роль второстепенной оппозиціи. (Оффиціальная оппозиція перейдет тогда к консерваторам, как к наиболѣе многочисленной оппозиціонной партіи.) Но либералы не смогут оставаться у власти без поддержки консерваторов, как Рабочее правительство не сможет существовать без поддержки либералов. Истинная сущность либеральнаго плана проступает довольно явственно. Свержение Балдвина и временная поддержка Рабочаго правительства явится лишь промежуточным этапом к созданію скрытой коалиціи между либералами и консерваторами. Она сведется к тому, что первые будут имѣть в своих рукахъ власть, но смогут проводить лишь ту политику, которая не пойдет в разрѣз в основном с программой консервативной партіи. Впрочем, Асквит в своей рѣчи категорически провозгласил, что ни в коем случаѣ его партія не допустит проведенія реформ, требуемых Рабочей Партіей, так как противъ них высказалось большинство страны.

Удивляться этому не приходится. Различія между буржуазными партіями в нашу бурную эпоху, когда борьба классовых интересов почти подавляет все остальное, стирается все болѣе и болѣе. То, что отдѣляет либералов от консерваторов, неизмѣримо менѣе того, что отдѣляет их от умѣренной англійской Рабочей Партіи. В Англіи в первую голову выдвинулись не политическія реформы, а вопросы переустройства соціальнаго уклада. И всякій раз, когда такіе вопросы становятся ребром, буржуазныя партіи, как бы ни были различны их идеологіи, оказываются по одну сторону барикады.

Но англійская Рабочая Партія намѣрена со всей энергіей защищать завоеванныя ею позиціи. Предвидя планъ либералов, Макдональд поставил условіем принятія им власти предварительное разрѣшеніе на роспуск Палаты Общин, если правительство не соберет большинства.

Рабочая Партія не боится новых выборов, либералы же имѣют серьезныя основанія их опасаться. Они выступили противъ протекціонизма, логически вытекавшаго из «программы спокойствія», но отверженіе протекціонизма опредѣляет проведеніе серьезных соціальных мѣропріятій. На это либералы не рѣшаются. Они поэтому обречены на промежуточную позицію, в которой нѣт внутренней логики. Теперь, когда вопрос о протекціонизмѣ снят, либералы не смогут выступить на новых выборах перед избирателями с яркой программой. Поэтому то они и не хотят новых выборов. Ближайшая сесія Палаты Общин несомѣнно пройдет под знаком подспудной маневренной борьбы между либералами и Рабочей Партіей.

Неизбѣжность появленія в Англіи кабинета Макдональда — факт огромнаго историческаго значенія. Рабочее правительство, опирающееся на могущественные тред-юніоны с их милліонами организованных рабочих во главѣ величайшей в мірѣ державы, флаг которой, развивается во всѣх концах земного шара, — это поистинѣ грандіозная вѣха на путях новаго развитія Европы.

Рабочая власть в Британской Имперіи, в мировом центрѣ промышленности, банков, торговли, главном нервном узлѣ современнаго капитализма — явленіе столь громадное и необычное, что учесть его послѣдствія пока еще невозможно. И эта рабочая власть приходит не в результатѣ военнаго пораженія, хозяйственных и соціальных потрясеній, а в странѣ, которая вышла побѣдительницей из войны, расширившей основы ея мірового властвованія.

Даже, если правительство Макдональда не продержится долго, — а это еще неизвѣстно, — блестящая побѣда англійской Рабочей Партіи от этого не умалится. Какая бы буржу-

азная партія не пришла на смѣну их власти, она уже не сможет, имѣя перед собою такую внушительную и все растущую силу, охранить в полной мѣрѣ, без измѣненія основы современнаго общественнаго уклада. Самый факт столь быстраго роста Рабочей Партіи есть наглядное свидѣтельство того, что старые соціальные устои перестают соотвѣтствовать преображенной дѣйствительности и ея властным вѣленіям. Побѣда англійских рабочих наносит удар скороспѣлым теоріям, принимающим временное за постоянное, о каком то неуклонном поправѣніи Европы. В Англіи консерваторы потерпѣли пораженіе, во Франціи Національный Блок доживает свои послѣдніе дни. И там и здѣсь усиливаются лѣвыя теченія, партій труда и соціализма. Этот процесс, совершающійся в двух главных странах Запада, не может остаться без вліянія на общей политической эволюціи всей Европы. Он отмѣчает начало новаго поворотнаго пункта. Волна реакціи, вызванная слишком стремительным движеніем вперед послѣ войны, начинает опадать.

Е. С.

Русская жизнь.

Новый курс.

Два слова: в совѣтской печати всѣ вопросы о хозяйственных неурядицах, кризисѣ сбыта, необходимости преобразовать по новому кооперацію, урегулировать финансовыя отношенія и прочее, конечно, обсуждались за послѣднія недѣли, но как то тускло и без каких-либо опредѣленных выводов. «М. Извѣстія» хлопотали в своих статьях по вопросам международных отношеній, но тоже как то блѣдно и неувѣренно.

Все вниманіе было сосредоточено на вопросах партійных отношеній и преобразованій. Страницы «М. Правды» были заняты только одним коренным вопросом: о необходимости «поворота» в партіи и этот поворот был опредѣлен как «новый курс», а его сторонники получали наименованіе «новокурсников».

Исторія «Новаго курса». Еще 7 ноября в «М. Правдѣ» Зиновьев помѣстил в день годовщины статью: «Новыя задачи партіи», в которой указал на необходимость «поднять культурный уровень членов партіи», ибо, по его словам, нерѣдко рабочіе, не состоящіе членами партіи, оказываются по своей подготовкѣ и своему развитію «выше» коммунистов членов партіи.

Статья была написана в весьма осторожных тонах и вывод из нее был тот, что надо обсудить вопрос, как связать партію с массами. Редакція же газеты предложила начать дискуссію по тѣм же вопросам, которые поставил, но не рѣшил Зиновьев. С этого времени и началась серія статьей в названной газетѣ, которыя подошли к вопросу болѣе рѣзко и болѣе опредѣленно, чѣм «дипломат» Зиновьев.

В дальнѣйшей дискуссіи выяснились и нѣкоторыя подробности необходимости новаго курса Сталин в докладѣ на собраніи Краснопрѣсненскаго района, напечатанном в «М. Правдѣ» 6 XII. писал: «Первая причина дискуссіи — это волна броженія и забастовок в связи с заработной платой, прокатившаяся по нѣкоторым районам республики в августѣ этого года. Дѣло в том, что эта волна забастовок вскрыла недочеты наших организацій, оторванность нѣкоторых наших организацій и партійных и союзных от событій в предпріятіях; что, в связи с этой волной забастовок, вскрылось наличіе нѣкоторых, нелегальных антикоммунистических по существу, организацій внутри нашей партіи, старающихся разложить партію. И вот всѣ эти недочеты, вскрывшіеся в связи с забастовочной волной ударили таким блеском, таким отрезвляющим лучем на партію, что она почувствовала необходимость внутренних пере-

мѣн. Вторая причина, обострившая вопрос о внутренней политикѣ, именно в этот момент, это тѣ массовые отпуска, которые наши партійные товарищи допустили.

Отпуска эти, конечно, вполнѣ понятны, но в виду своего массового характера, они привели к тому, что темп партійной жизни оказался значительно ослабленным именно в момент броженія на заводах, что в высокой степени облегчило вскрытіе накопившихся недочетов, именно в этот період, осенью этого года».

Таковы подлинныя слова представителя Политбюро партіи. Сказаны они им нѣсколько позднѣе, когда вопрос о перемѣнах в партіи захватил всѣ политическіе кружки Москвы и даже провинціи. Троцкій и другіе также объяснили, что вопрос о необходимости перемѣн рѣшен был именно в августѣ и потому допущена была широкая дискуссія.

Почему нужны перемѣны? На этот вопрос мы находим отвѣты почти в каждом номерѣ «М. Правды» и других узкопартійных органов. Я не буду перечислять всѣх авторов. Газета имѣла в своем портфелѣ по этому вопросу свыше 200 статей. Укажу на главныя положенія критиков.

Основной мотив статей: *«гробовое молчаніе партіи»*. Это подчеркивали многіе и указывали: «У отдѣльных товарищей появляется растерянность перед лицом иногда самых простых вопросов» вслѣдствіе создавшагося положенія в партійной и государственной жизни. Эти слои партіи по вопросам общей политики много думают, думают разное, и думая, молчат. Состав различных организацій на мѣстах содержит ничтожное количество рабочих.»

«В губкомах «командованіе», а масса партійной жизнью не живет. Выпирает казенщина, циркуляр за циркуляром, развивается наушничество подхалимство и карьеризм».

Я не буду приводить номеров «М. Правды», откуда беру цитаты, но всѣ они взяты дословно. В организаціях, внѣшне полное благополучіе. Если же там заведется «демократ», начинается нѣчто подобное склокѣ. Несмотря на резолюціи съѣздов о привлеченіи к работѣ рабочей демократіи, методы в этом направленіи не осуществлялись и рабочая масса осталась инертной. Многіе самостоятельно думают. Иногда думы эти прорываются наружу и захватывает тогда пессимизм. На собраніях проводят и принимают заранѣе штампованныя резолюціи.

«М. Правда» 24-XI. приводит разсказ, как в Москвѣ на собраніи крупной рабочей организаціи, в числѣ 300 человѣк, послѣ доклада о международном положеніи была принята резолюція: «заслушав товарища такого то, ячейка считает, что политика ЦКРКП и Коминтерна правильна».

Автор статьи спрашивает, к чему нужна была такая резолюція, когда в докладѣ ничего не говорилось ни о РКП, ни о Коминтернѣ; но он настаивает, что именно так была сформулирована резолюція.

Потерявших чувство мѣры и оторвавшихся от живой дѣйствительности коммунистов, он предлагает послать обратно к станку.

Другой автор с унынiем констатирует, что всѣ обѣщанія построить работу партіи на началах рабочей демократіи, о которой так много говорилось, не осуществлены. «Выборы, говорит он, в них тоже немного демократизма и выборности. Список

бюро ячейки согласуется с райкомом, а потом утверждается. Фактически, под видом подбора, секретари ячеек назначаются. Райком конструируется из узкой группы районных работников. Отсюда масса не знает даже, кто работает в райкомѣ. Отсюда — безразличіе к выборам. Просто список, предложенный бюро либо райкомом, утверждается» («М. Правда» № 267). «Товарищ, который критически, «крамольно» высказался по отчету переизбираемаго органа, конечно в список не попадет и подвергнется основательному остракизму, обвиненный в «уклонах». При таком порядкѣ достигается чисто внѣшнее пассивное единодушіе в партіи, о сознательном, активном единодушіи говорить не приходится. Выход: расширеніе и проведеніе демократизма в партіи отказ от опеки над массами, отказ от системы замаскированного назначенства, предоставленіе партійной периферіи большей самостоятельности и инициативы». («М. Правда» 24-XI. Статья Н. Ефратова). Ряд авторов указывали на тѣ постоянныя обвиненія членов партіи в склочничествѣ, тогда как на самом дѣлѣ вопрос шел о разумном рѣшеніи вопросов партійной жизни. Один из авторов, подсмѣиваясь над Зиновьевым по поводу того, что статья 7 ноября «надута каким то вѣтром», указал, не «вѣтер», а *буря* надула, вызвала необходимость той дискуссіи, которая теперь происходит, ибо так дальше жит, как старались жить коммунистическіе верхи, больше *невозможно*. Эта «буря» не сегодняшняя и не вчерашняя, а ей уже «так, годика два», пишет Розенталь: но тот же автор заявляет, что: «Германскія событія держат в страшнѣйшем напряженіи всю партію, каждаго ее члена. Мы стоим наканунѣ величайших событій, срок которых установить никто не может». И потому он предлагает «сократить» дискуссію. Это единственный автор, который высказался против, но и он признает всю ненормальность положенія.

И только Стеклов в своей передовой в «М. Извѣстіях» писал, что все это затѣяли напрасно. Все обстоит благополучно, доказательством чего служат блестяще проведенные выборы в совѣты. Но даже «М. Правда», разбирая статью Стеклова, указада, что почтенный автор неправ, и его разсужденія «несвоевременны». «Главныя причины всѣх наших болѣзней — отсутствіе органическаго единства, застой в работѣ, пишет «М. Правда» 27-XI., бюрократизм, утрата в массах перспектив революціи, разложеніе и отрыв от партіи нѣкоторых частей ея. Все это убивает партійную жизнь и парализует партійную работу. Гдѣ-то что-то неладно и перед лицом возможнаго врага мы будем слабѣе, чѣм могли бы быть».

Ряд авторов приводит цифры в 12 и больше тысяч рабочих на различных фабриках и указывает на печальную роль коммунистов среди рабочих, живущих своей собственной жизнью, обособленной и изолированной от партійных кругов и даже фабричных ячеек. Нѣкоторые авторы настаивают на необходимости «взять опредѣленный курс на рабочую демократію». Уничтожить систему назначенства и приступить к организаціи правильных выборов. Уничтожить протекціонизм и привлечь настоящих работников к дѣлу государственнаго строительства.

Отклики провинціи. Не только московскіе коммунисты откликнулись на призыв высказаться но наболѣв-

шему вопросу. Стали присылать статьи и из провинціи при чем нѣкоторые указывали, что хотя масовые коммунисты и не читают газет, но все же и до них дошли слухи о каких то предстоящих перемѣнах в партіи при чем кое кто писал, что им на собраніях даже теперь не позволяют высказываться по вопросу о «новом курсѣ». Эта заминка, однако, скоро прошла и провинціалы прислали в «М. Правду» обстоятельныя статья о том, чего не надо дѣлать и что надо сдѣлать, чтобы наладить, наконец, по новому общую работу. И оттуда присылались статьи в том же тонѣ, но с описаніями, как секретарь какого нибудь губкома, является «высочайшим политическим начальником губерніи» («М. Правда» 5-XII.). Всѣ эти заявленія трактуют все о той же оторванности управителей от масс и вредѣ назначенства и необходимости рабочей демократіи. Большинство предостерегает Москву: «бояться заговора молчанія», который на самом дѣлѣ оказывается самым страшным заговором из всѣх бывших до сего времени заговоров бѣлогвардейцев, ибо «грозит неминуемой смертью партіи».

Отраженія. «М. Правда» 5-XII приводит любопытный матеріал о том, как в жизни уже стали преломляться попытки обсужденія «новаго курса».

Засѣданіе огромной, многосотенной ячейки. Подавляющее большинство — отборная партійная молодежь. На повѣсткѣ дня «выборы кандидатов в Моссовѣт и райсовѣт». Зачитывается список, поставленный бюро ячейки и утвержденный райкомом. Каждая кандидатура находит соотвѣтствующій отклик в аудиторіи. Председатель просит быть спокойнѣе. Как будем голосовать, спрашивает председатель, увѣренный, что по традиціи список нужно провести лишь формально. Со всѣх сторон градом: позвольте слово... Открыть пренія... К порядку выборов...

Председатель уступает. Открываются пренія. Товарищи, говорит первый, до коих пор мы будем выбирать «мертвых душ»? Не пора ли перейти к живым выборам. Зачѣм мы будем проводить тѣх, кого нам предлагает райком.

Мы должны провести товарищей из нашей среды, кого мы знаем, кто будет перед нами отчитываться, за которых мы можем нести моральную ответственность. Товарищ заканчивает под дружные апплодисменты и крики: правильно. Каждый хочет говорить. Председатель собранія, секретарь ячейки успѣл уже вспотѣть, силясь пустить в должное русло бушующую рѣку. Товарищи, надрывается председатель, мы обязаны провести двѣ фигуры. Одну центральную и одну от райкома.

«Никаких фигур.... Мы сами обсудим... Ничего не обязаны». В момент собраніе разбилось на группы... «Новокурсники» составили свой список и провели из своей среды тѣх, кого хотѣли,—заканчивает очевидец-корреспондент газеты...

Преображенскій. Первым послѣ малоизвѣстных широкой публикѣ авторов статей, выступил на страницах «М. Правды» 28-XI. Преображенскій, который в обширной статьѣ заявил: «партія вот уже два года в основном ведет невѣрную линію в своей внутренней политикѣ». Послѣ военнаго коммунизма вмѣсто перестройки мы усилили бюрократизм, казенщину. У нас «стихійный заговор молчанія в партіи: многіе разу-

чились мыслить и разсуждать. В результатѣ партія не в состояніи развить возможных способов борьбы с вреднѣйшими антипартійными теченіями. Эти теченія захватывают иногда очень хороших рядовых работников. Огромный кадр старых испытанных большевиков оторван от вліянія на партійную жизнь. На этой почвѣ мы имѣем усиленіе махаевских настроеній в нашей партіи. Приведенные цифры за послѣднее время о количествѣ членов партіи (см. об этом ниже) прямо убійственны для нас, несмотря на весь оптимизм Зиновьева. В то время, как безпартійные по своему мыслят, партійные только молчат из боязни что нибудь «ляпнуть».

Далѣе Преображенскій рисует печальную картину работы комумунистов на мѣстах, когда послѣ приказанія из центра проводить или пропагандировать какое нибудь распоряженіе, через нѣсколько дней им приходится отстаивать распоряженіе как раз противоположное. Это обстоятельство лишает их всякаго авторитета и довѣрія. Все у нас в хозяйственной жизни рѣшается от «случая к случаю», все мы дѣлаем в пожарном порядкѣ. Преображенскій требует коренной реформы в экономической жизни, и нападает на тѣх товарищей, которые не прочь похихикать над «новым курсом» и рабочей демократіей; он требует, чтобы вопрос о «рабочей демократіи» был опредѣленно рѣшен и чтобы были расширены кадры работников и в центрѣ и на мѣстах.

Сталин. Большой доклад о «новом курсѣ» сдѣлал Сталин. Он тоже признает необходимость перемѣн. Но он же высказывает и нѣкоторые оговороки.

«Не должно быть крайностей». (См. «М. Правда» 6 XII).

«Первая крайность касается выборности. Состоит она в том, что нѣкоторые товарищи добиваются выборности «до конца». Раз выборность, так выбирай во всю.

Партійный стаж?... Зачѣм его? Выбирай, кого душа желает.

Этот взгляд ошибочен. Его не примет партія. Демократія нужна, но нужны и тѣ ограниченія, которыя установил в этом отношеніи одиннадцатый и двѣнадцатый с'ѣзды партіи. Вторая крайность — это стремленіе расширить дискуссію до неограниченных предѣлов. Это невозможно. Иначе партія превратится в дискуссіонной клуб и выродится. Нужна средняя линія.

Сапронов помѣстил огромную статью о «новом курсѣ» в «М. Правдѣ» 8 XII. Он рѣзко нападает на всѣх тѣх, кто довел положеніе до того, что в партіи появились «классныя дамы». Нам надо, настаивает он, пересмотрѣть наш «офицерскій состав», с точки зрѣнія соотвѣтствія его новым задачам.

Троцкій, ссылаясь на свою болѣзнь и невозможность выступить лично перед аудиторіей, в письмѣ к партійным совѣщаніям в «М. Правдѣ» 2 XII пишет: «партія должна подчинить себѣ свой аппарат. Чрезмѣрное усиленіе централизма привело к созданію нелегальных группировок в партіи под руководством явно вреждебных коммунизму элементов. В то же время во всей партіи повысилось критическое отношеніе к аппаратным методам рѣшенія вопросов. Против несомнѣнной опасности нѣт другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемѣна курса в сторону партійной

демократіи, при всё большем вовлеченіи в партію пролетаріев, остающихся у станка. Прежде всего должны быть устранены с партійных постов тѣ элементы, которые при первом голосѣ критики, выраженія протеста, склонны требовать партбилет, на предмет репрессій. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппаратѣ всѣ почувствовали снизу доверху, что никто не смѣет терроризировать партію. Партія с успѣхом может справиться с опасностями фракціонности только развив, укрѣпив и упрочив курс на рабочую демократію. Именно аппаратный бюрократизм является одним из важнѣйших источников фракціонности. Он подавляет критику и загоняет недовольство вглубь». Троцкій далѣе обращается к тѣм товарищам, которые боятся новаго курса и указывает им, что только этот путь является единственно необходимым в настоящій момент.

Зиновьев в Петроградѣ на конференціи коммунистов 1 декабря выступил с обширным докладом о «новом крусѣ», в котором указал на ту неожиданность, перед которой встали коммунисты. «Мы думали, говорил он, что у нас в партіи свыше шестисот тысяч членов, а по статистикѣ на 1 сентября оказалось *всего 351 тысяча.* При чем в это число входят и коммунисты в Красной арміи». Подчеркнув, что он может быть был кое в чем неточен в своей статьѣ, тепер он признает, что необходимы перемѣны. Он лишь добавляет: «мы говорим о «демократіи», но не о «демократіи» вообще, а о демократіи в переживаемую эпоху диктатуры пролетаріата. Необходимы ограниченія в вопросах выборов отвѣтственных работников, секретари должны утверждаться высшей организаціей» и т. д. Далѣе он высказался против свободы дискуссій и фракцій, ибо фракціонность привела бы к гибели партіи коммунистов. Можем ли мы допустить такую свободу, спрашивает он, и отвѣчает: нѣт. Это было бы раздвоеніе воли нашего правительства, это было бы гибелью пролетарской диктатуры.

Резолюція ЦК РКП. «М. Правда» 7 XII опубликовала резолюцію, принятую единогласно по волнующему всѣх вопросу. Не касаясь в настоящій момент всѣх отдѣлов резолюціи, требующей спеціальнаго анализа, остановимся только на тѣх пунктах, из за которых ведется главная борьба. Третій отдѣл гласит: «Отрицательныя явленія послѣдних мѣсяцев, как в жизни рабочаго класса в цѣлом, так внутри партіи, дѣлают обязательным тот вывод, что интересы партіи, как в смыслѣ успѣшной борьбы ее с Нэповскими вліяніями, так и в смыслѣ повышенія ее боеспособности во всѣх областях работы, требуют серьезнаго измѣненія партійнаго курса в смыслѣ дѣйствительнаго и систематическаго проведенія принципов рабочей демократіи. Исходя из этого, октябрьскій совмѣстный Пленум ЦК. и ЦКК.: Пленумы одобряют полностью своевременно намѣченный политбюро курс на внутреннюю демократію, а также предложенное Политбюро усиленіе борьбы с излишествами и разлагающими вліяніями Нэпа на отдѣльные элементы партіи. Рабочая демократія означает свободу открытаго обсужденія всѣми членами, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегій с низу до верху. Однако, она вовсе не предполагает свободы фракціонных группировок, ко-

торыя для правящей партіи крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоеніем или расчлененіем, расщепленіем правительства и государственнаго аппарата в цѣлом». Резолюція далѣе останавливается на многих способах проведенія в жизнь новаго курса, но с тѣми ограниченіями, которыя высказывались Сталиным и Зиновьевым. И вот эти то пункты и послужили предметом борьбы, которая только началась.

Борьба. Пока борьба ведется в собраніях Московских представителей партіи. Как только была опубликована названная выше резолюція, ее необходимо было обсудить на различных районных собраніях. И здѣсь появилось двѣ резолюціи, одобряющія постановленіе ЦК партіи. Одна, составленная Каменевым, а другая группой Преображенскаго, Сапронова, Рафаила и других. Чего же требует оппозиція? Ее резолюція такова:

1) Необходимо упразднить назначенство, как систему.

2) Ввести выборность, как правило, партійных органов и ответственных работников аппарата, как то: секретаря, заворготдѣлом, завагитотдѣлом, редактор и т. д.

3) Фактическая ответственность парторганов перед партійной массой, а не только перед вышестоящими инстанціями.

4) Точно формулировать вопрос о фракціях.

5) Представить в первую очередь в ячейках рѣшать вопрос о примѣненіи репрессій по отношенію к членам партіи.

6) Провести перевыборы всѣх тѣх парторганов, которые раньше были назначены.

Эта резолюція, приведенная в «М. Правдѣ» 12 XII, была отвергнута собраніем Краснопрѣсненскаго района. Принята же общая резолюція с одобреніем ЦК. То же происходило и на других собраніях.

Но все же группа Преображенскаго достаточно велика и понадобилось собраніе всей Московской организаціи Партіи, которая должна была вотировать вопрос о том, кому дальше руководить партій. Так именно ставит вопрос в статьѣ в «М. Правдѣ» 13 XII Каменев и заявляет, что «Слово Москвы» оказалось против Преображенскаго и не ему руководить партіей. Руководящему центру партіи, по словам Каменева, вынесено полное довѣріе. Это был большой день.

В газетах помѣщены даже впечатленія корреспондентов о собраніи. В кулуарах указывали, что группа Преображенскаго — это ячейка новаго правительства, что такія явленія, как фракціонность, могут повлечь развал красной арміи, так как фракціонность в Арміи приведет к ее гибели.

Москва волнуется, Москва спорит. А между тѣм, та же «М. Правда» не отказывается публиковать огромный содоклад Сапронова, который был сдѣлан в противовѣс докладу Каменева на том же общем собраніи партійной организаціи Москвы. И Сапронов с безпощадностью высказывает взгляды, противуположные не только Каменеву, но и ЦК.

Выступил со статьей даже Крыленко, который с юридической точки зрѣнія пытается разобраться во всѣх спорах и приходит к выводу, что подчиниться постановленію ЦК, конечно, нужно, но он опасается, что из постановленія «рабочей демократіи, пожалуй, выйдет бумажная только прокламація».

Споры продолжаются, и 14 XII Л. Каменев выступил с тезисами на страницах «М. Правды», в которых говорит, *чего не надо теперь дѣлать:*

1) Не создавать на поворотѣ, который продѣлывает партія, группировок, все равно, фракціонных или не фракціонных.

2) Не натравлять одну часть партіи на другую. Не подмѣнять необходимаго обновленія аппарата его ломкой. Не замѣнять кропотливую работу подбора выборных лиц партіи лозунгом снятія с постов.

3) Не забывать постановленія X-го с'ѣзда партіи, гласящаго: всякій, выступающій с критикой, должен учитывать положеніе партіи среди окружающих ее врагов, а также должен своим непосредственным участіем в совѣтской и партійной работѣ стремиться к исправленію на дѣлѣ ошибок партіи.

4) Не обращать партійный поворот в прикрытую борьбу за власть.

— — — — — — — — — — — — —

Так развиваются событія в Совѣтской Россіи наканунѣ 1924 года.

B—lй.

Среди книг и журналов.

Из литературной хроники в Россіи.

КНИГА В РОССІИ.

Общія условія хозяйственной жизни отразились и на распространеніи книги в Россіи. Книга вздорожала, стала недоступной широким слоям населенія страны. И в то же время, происходившій в началѣ декабря в Москвѣ с'ѣзд представителей провинціальных отдѣленій Госиздата показал, что потребности населенія удовлетворяются в размѣрѣ не болѣе 60%. Книга нужна, но она мало доступна. Главным образом нужны учебники, книги по сельскому хозяйству, различныя пособія. По сравненію с довоенным временем дороговизна книги опредѣляется в слѣдующих цифрах:

За печатный лист

Учебники	Довоенная цѣна	В январѣ 1923	В октябрѣ 1923 г.
I и II ступ. .	4 коп.	7 коп.	11 к.
Учебники высш. школ .	8 „	10 „	20 „
Книги соц.-экон. содерж.	5 „	8 „	12 „
Беллетрист. .	7 „	8 „	12 „

Это среднія довоенныя цѣны, опредѣляемыя Госиздатом примѣнительно к довоенному времени. Такая дороговизна об'ясняется высокими производственными цѣнами. Для того, чтобы уяснить реальные размѣры вздорожанія, можно указать на слѣдующее. При нынѣшних цѣнах букварь стоит 50—60 коп. Популярная книга размѣром в 160 страниц не меньше 1 р. 20 коп. Учебник для высшей школы до 6-ти рублей золотом. При современных цѣнах за букварь крестьянин должен заплатить два пуда хлѣба, тогда как до войны надо было платить только 7—10 фунтов. Ни букваря, ни календаря даже, не говоря уже о книгѣ для чтенія, крестьянин купить не может.

То же явленіе отмѣчается и среди учащейся молодежи в Россіи. Пріѣзжающіе из Россіи сообщают, что в послѣднее время в городах развивается покупка учебников коллективами. Любопытно также явленіе спекуляціи с книгами. Кто либо покупает книгу, дает ее для прочтенія за плату многим лицам; выбирает с потребителей двойную и тройную цѣну книги, продает ее, покупает нѣсколько новых книг и таким путем умножает затраченный на покупку книги капитал.

Главное препятствіе в распространеніи книги — это отсутствіе аппарата для распространенія книг. До войны насчитывалось 1806 торговцев, продававших книги в 659 мѣстах по всей Россіи. Теперь количество мѣст продажи книг ничтожно. В деревнѣ книгу некому продавать. В уѣздных городах также книжная горговля почти отсутствует. И толь-

ко в губернских центрах имѣются книжные магазины. Но здѣсь опять таки другая бѣда. В каком либо губернском городѣ дѣйствует иногда нѣсколько десятком мѣст продажи книг. Это обычно различныя правительственныя учрежденія, занимающіяся издательством. И каждое из них непремѣнно открывает собственный магазин. И агрономическія, и медицинскія, и техническія учрежденія, и Наркомпрос и Наркомпут и пр. и пр., торгуют книгами, держат штаты в нѣсколько человѣк, вслѣдствіе чего повышаются накладные расходы и удорожается стоимость книг. Было бы этих магазинов в 10 раз меньше, во столько же раз уменьшились бы и накладные расходы. А еще помимо правительственных магазинов дѣйствуют магазины профсоюзов, кооперативов и проч. Уже это содѣйствует книжному кризису в городах и осложняет общее положеніе на книжном рынкѣ. Что касается частнаго торговца, то таковому, при малом числѣ частных издательств, почти невозможно работать, ибо Госиздат, выпускающій наибольшее количество книг, работает через собственныя отдѣленія на мѣстах. При всѣх этих условіях остро стоит вопрос о том, как же продвинуть книту в широкія массы. Тѣм болѣе, что у населенія всѣ отмѣчают стремленіе к образованію, к чтенію. Правительство пытается уменьшать налоги на издательское дѣло. Брать налоги натурой — книгами. Но это лишь одна сторона дѣла. В послѣднее время оказывается содѣйствіе и Госиздатом работѣ офеней, которые ходят по крупным провинціальным центрам и распространяют книги, вымѣнивая их на различныя вещи и товары. Но опять таки они не попадают в деревню. И прежде всего потому, что нѣт у них в руках такой литературы, доступной по цѣнам и содержанію крестьянину.

Книжное дѣло в Россіи переживает кризис, из котораго никто еще не знает, как удастся выйти. Книга подешевѣет тогда, когда увеличится тираж каждаго изданія. Как этого добиться — пока не рѣшено. В Москвѣ требуют учебники — они необходимы, без них не обойтись. И в то же время они так дороги, что их не купить. Любопытно отмѣтить, что учебники, выпускаемые Госиздатом, попадают заграницу. По ним учатся, как в нѣкоторых эмигрантских школах.

И нужно сказать что, при покупкѣ совѣтских книг на иностранную валюту все-таки стоимость их достаточно высока. Нужно сказать, что совѣтскія изданія по многим отдѣлам нашли бы себѣ сбыт — но отпугивают цѣны. Укажу еще на попытку сов. власти продвинуть свои изданія в деревню. Как показывает, однако, опыт, это не удается Госиздату — из-за «городского» содержанія издаваемых им книг. Этот род снабженія малограмотнаго и особенно деревенскаго читателя взяла на себя редакція журнала «Красной Нивы». Но и в данном случаѣ не получилось достаточнаго успѣха, хотя «Красная Нива» и должна бы знать чего хочет и чего не хватает крестьянину-землеробу.

Как бы не были широки мѣры по производству книг, все таки это лишь палиативы, не могущіе дать нужных результатов.

Я не остановлюсь на вопросѣ о том, какая в настоящій момент книга имѣет наибольшее распростране-

ніе. Точно учесть, конечно, невозможно, но приблизительно можно сказать, что это именно та книга, которая особенно нужна каждому. Это учебники. На беллетристику спрос значительно понизился. И так же, как и в эмигрантской средѣ, особым успѣхом пользуются мемуары. Несомнѣнно одно, что забота о книгѣ в Россіи должна стать одним из краеугольных камней просвѣщенія в Россіи. К сожалѣнію, до сих пор Наркомпрос почти ничего не сдѣлал в этой области. Было много резолюцій, пожеланіи и попыток в этом направленіи, но пока не достигнуто желательных результатов.

Т.

НОВЫЯ КНИГИ О ПУШКИНѢ.

Леоинд Гроссман. Этюды о Пушкинѣ. Изд. Л. Д. Френкель. Москва—Петроград. 1923 г., стр. 117.

П. Губер. Дон-Жуанскій список А. С. Пушкина. Издательство «Петроград». Петроград, 1923, стр. 279.

Книга Л. Н. Гроссмана составилась из трех статей: «Пушкин и дэндизм», «Искусство анекдота у Пушкина» и «Устная новелла Пушкина». Выясняя в первой статьѣ основныя черты дэндизма, как онѣ проявились в теоріи и практикѣ французских писателей, также и нѣкоторых русских (Грибоѣдов, Чадаев, Лермонтов, Вяземскій, Катенин, Гнѣдич, Дружинин), автор пытается прослѣдить черты дэндизма в обликѣ и характерѣ Пушкина. Внѣшнія черты дэнди у Пушкина на лицо: холодная насмѣшливость, убійственный эпиграмматическій дар, бреттерство, внѣшнее изящество, свѣтское тщеславіе. По словам Л. Н. Гроссмана, культ своей личности, стремленіе отлить жизнь в изящную форму были глубоко свойствены Пушкину; в составѣ библіотеки поэта было не мало книг, которыя могут быть признаны трактатами дэндизма. В своем творчествѣ поэт типу дэнди удѣлил много вниманія (герой «Египетских ночей» Чарскій, особенно Евгеній Онѣгин). И при всем том, несмотря на блестящую и талантливую форму, в которую автор облек свои положенія, дэндизм Пушкина Л. Н. Гроссманом не доказан. Конечно, в сложную и богатую психику Пушкина дэндизм входил, как одна из форм психологическаго устроенія и устремленія его личности, но Пушкин был слишком широк и мудр для того, чтобы создавать себѣ какіе бы то ни было психологическіе каноны, хотя бы каноны дэнди. Острый критическій ум и взыскательное отношеніе к себѣ и к міру, вовлекавшее его постоянно в самопровѣрку, в непрестанный и суровый контроль над собой, заставлявшее проливать горькія слезы раскаянія при чтеніи страниц своей жизни («Воспоминанія»), не позволяло поэтому быть прежде всего неискренним, ходульным, а вѣдь неискренность и ходульность — составные элементы дэндизма. Пушкин был воистину мудрец и, как всякій мудрец, он в существѣ был прежде всего и чаще всего самим собой. Дэндизм одна из прихотей поэта, но отнюдь не главная и не опредѣляющая основ его міроощущенія и его творческаго темперамента.

Вторая статья прослѣживает элементы и формы анекдота у Пушкина. В Пушкинскую пору анекдот

значил не то, что он значит теперь. Под этим термином понимался прежде всего особый вид неизданнаго историческаго свидѣтельства, затѣм анализ внутренних конфликтов, переходящій порой в утонченный психологическій роман и, наконец, краткій остроумный разсказ о забавном происшествіи или мѣтком отвѣтѣ. Автор слѣдит за воплощеніем всѣх этих видов анекдота в творчествѣ Пушкина и попутно дѣлает ряд очень тонких и удачных замѣчаній о творчествѣ поэта, но дѣло в том, что при таком распространительн. толкованіи анекдота чуть ли не все творчество Пушкина сводится к анекдоту. И в результатѣ, благодаря слишком вмѣстительному содержанію понятія анекдот, мы не получаем достаточно конкретных и строго очерченных границ, при помощи которых тѣ или иныя произведенія поэта можно было бы отнести к опредѣленной категоріи словеснаго искусства. Отсюда — общность и недостаточная опредѣленность в выводах.

Послѣдняя статья трактует вопрос об отношеніи Пушкина к графинѣ Фикельман на основаніи новаго документа, опубликованнаго в «Голосѣ Минувшаго», 1922 г., № 2 (документ этот воспроизведен в приложеніи к книгѣ). Если вѣрить документу, представляющему собой запись бесѣды П. А. Бартенева с Н. В. Нащокиным, у Пушкина была уже послѣ женитьбы, связь с графиней Фикельман, которая однажды реализовалась в формѣ авантюрнаго приключенія, сопровождавшагося пребываніем поэта под диваном в гостиной Фикельман, послѣдовавшими затѣм острыми и угарными наслажденіями в спальнѣ графини и до крайности рискованным удаленіем Пушкина на зарѣ при посредствѣ дворецкаго — через комнаты спящаго графа. Запись эта вызвала не мало споров и подозрѣній в своей правдоподобности. Л. Н. Гросман, оставляя в сторонѣ вопрос о степени достовѣрности факта, полагает, что разсказ прежде всего сочинен самим Пушкиным в формѣ талантливой мистификаціи. Поэт любил прикидываться буяном, развратником, яростным вольнодумцем, сюжет своего разсказа облек в форму любовной новеллы типа романа «Опасныя связи» Шодерло - де - Лакло. Это устная новелла, разсказанная Пушкиным и при том, по взгляду Л. Н. Гроссмана, разсказанная талантливо. При помощи обширнаго литературнаго матеріала автор устанавливает основные пріемы этой, по его взгляду, устной Пушкинской новеллы, литературное значеніе которой он сильно преувеличивает. Как и в предыдущем очеркѣ здѣсь болѣе интересны и убѣдительны сопутствующія наблюденія, касающіяся судьбы фривольной новеллы на Западѣ, чѣм самые выводы. Слишком прост и литературно непретенціозен этот разсказ, чтобы в нем можно было видѣть сознательный новеллистическій замысел. Имѣем мы здѣсь дѣло с вымыслом или реальным фактом — трудно сказать, но не трудно утверждать, что запись Бартенева — не литература, слѣдовательно, и не устная новелла Пушкина.

Очерки Л. П. Гроссмана написаны увлекательно, с большим чувством стиля, как все, что выходит из под его пера.

С послѣдней статьей Л. П. Гроссмана внутренно связана книга П.

К. Губера, посвященная дешифровкѣ Дон-Жуанскаго списка Пушкина. Авторъ обращается к вопросу, не раз занимавшему пушкинистов и выясняет, кѣм были возлюбленныя поэта, в этом спискѣ поименованныя, и каковы были отношенія к ним поэта. То, что высказывает П. К. Губер, свидѣтельствует, в большинствѣ случаев, о хорошем знакомствѣ его с литературой вопроса и о достаточном критическом чувствѣ изслѣдователя. Соображенія автора большей частью не новы и развивают лишь уже высказывавшіяся точки зрѣнія, подкрѣпленныя новой группировкой фактов. В одном лишь случаѣ П. К. Губер пытается утвердить новую гипотезу в области любовной біографіи Пушкина. Он настойчиво старается опровергнуть гипотезу П. Е. Щеголева о любви Пушкина к Маріи Раевской и пытается ей противопоставить свое предположеніе об увлеченіи поэта Наталіей Викторовной Кочубей. Матеріал, эту гипотезу обосновывающій, почти тот же, каким пользовался Щеголев в своей статьѣ об утаенной любви Пушкина к М. Раевской. Конечно, предположеніе Щеголева, за отсутствіем неопровержимых фактов, гипотетично, но все же, нужно сказать, в меньшей мѣрѣ, чѣм то, которое предлагается г. Губером. Послѣднему приходится прибѣгать к еще болѣе очевидным натяжкам и произвольным догадкам, чѣм это дѣлал Щеголев.

В остальном соображенія автора представляются убѣдительными и заслуживающими вниманія (таковы мѣста, в которых идет рѣчь об отношеніях поэта к сестрам Раевским—Еленѣ и Екатеринѣ, Ризнич, Воронцовой, Корн). Не совсѣм ясно, зачѣм свое изслѣдованіе г. Губер предварил предисловіем на тему о Пушкинѣ и русской культурѣ, в котором он пытается опровергнуть обычный взгляд на Пушкина, как на великаго національнаго поэта, преимущественно перед всѣми другими русскими поэтами. По взгляду автора — Пушкин не был выразителем русской культуры, — он прежде всего и больше всего европеец, воспитавшійся на традиціях XVIII в., преимущественно французскаго. Принципіальный вопрос, поднятый в книгѣ, не может быть разрѣшен в рамках предисловія и к тому же он нисколько не связан с темой, которая в книгѣ трактуется.

Н. Коптев.

НОВЫЯ КНИГИ.

— Издательство «Брокгауз и Ефрон» выпустило **«Сборник Россійской Публичной Библіотеки»**, гдѣ помѣщена в высшей степени интересная статья, род мемуаров, Гончарова, направленная против Тургенева, к которому Гончаров питал исключительное злобное чувство. По словам Гончарова, он сообщил Тургеневу еще до напечатанія сюжет «Обрыва», и Тургенев использовал этот сюжет в «Дворянском гнѣздѣ», «Наканунѣ», «Отцах и дѣтях». Сюжет же «Обыкновенной исторіи» послужил отправным пунктом Тургеневу для его «Вешних вод». Мало того, Тургенев ознакомил с планом «Обрыва» Флобера, Ауэрбаха, и «Мадам Бовари», «Сентиментальное воспитаніе», «Дача на Рейнѣ» — все это, по мнѣнію Гончарова — плод вліянія «Обрыва». Таким образом, больное воображеніе Гончарова подозрѣвало не

только большого русскаго писателя, но и видных западно-европейских романистов в беззастѣнчивом плагіатѣ, учиненном с его «Обрыва».

Л. Н. Сабанѣев, извѣстный композитор и музыкальный теоретик, выпустил книгу «Музыка рѣчи», посвященную вопросу о музыкальных элементах стиха. Автореферат об этой книгѣ прочитан был 27 ноября в соединенном засѣданіи музыкальной и литературной секціи Россійской Академіи Художественных Наук.

А. Б. Гольденвейзер выпустил 2-ой том своей книги-дневника **«Вблизи Толстого»**, цѣликом посвященной записям 1910 г. Для характеристики личности и міровоззрѣнія Толстого в преддверіи смерти — этот том представляет большой интерес.

В связи с пятидѣсятилѣтним юбилеем со дня смерти **Тютчева** (15-го іюля 1923 г.), выпущено под редакціей Г. И. Чулкова собраніе избранных сочиненій поэта (Государственным Издательством в Москвѣ). Текст заново провѣрен редактором по автографам и первопечатным текстам. Г. И. Чулков возстановил первоначальный характер и ритмическую структуру стихотвореній, выправленных Тургеневым в его изданіи Тютчева 1854 г. (Об «исправленіях» Тютчевских стихов Тургеневым см. обстоятельную статью Д. Д. Благого — «Тургенев — редактор Тютчева» в сборникѣ «Тургенев и его время», недавно изданном Государственным Издательством в Москвѣ от имени Тургеневской комиссіи О-ва Любителей Россійской Словесности).

Г. И. Чулковым приготовлено к печати трехтомное полное собраніе сочиненій Тютчева, куда должны войти многіе неизданные варіанты, тридцать восемь пьес, не включенных еще в собраніе сочиненій поэта, письма, обширныя библіографическія примѣчанія и т. д. Настоящее изданіе, предназначенное для широких читательских кругов, заключает в себѣ лишь стихи, посвященные природѣ и любви; политическіе и переводные стихи исключены, нѣт ни отроческих, ни старческих произведеній поэта; не нашли себѣ мѣста и нѣкоторыя пьесы по соображеніям «внѣшним и временным», как говорит автор в предисловіи.

В издательствѣ «Колос» (Петроград) напечатана небольшая книжка **Т. Райнова** «Духовный путь Тютчева», в которой автор прослѣживает этапы творчества поэта, ставя в связь их с біографіей Тютчева и его соціальным окруженіем.

На днях в издательствѣ «Былое» появился «Тютчевскій сборник», заключающій в себѣ, между прочим, обстоятельную библіографію по Тютчеву, составленную Д. Д. Благим.

Слѣдует также отмѣтить интересную попытку опредѣлить литературныя традиціи Тютчева, сдѣланную Ю. Тыняновым в статьѣ «Вопрос о Тютчевѣ» («Книга и революція», 1923 г. № 3).

В засѣданіях различных обществ Москвы и Петербурга был прочитан ряд докладов, связанных с Тютчевским юбилеем.

В издательствѣ „Academia“ (Петербург) выходит непериодическая серія книг под общим заглавіем **«Вопросы поэтики»**, выпускаемая разрядом исторіи словесных искусств Россійскаго Института Исторіи Искусств. Вышли в свѣт три выпуска этой очень интересной серіи: **1. А. Слонимскій.** Техника комическаго у Гоголя, **2. Б. Томашевскій.** Русское стихотвореніе, **3. В. Жирмунскій.** Рифма, ея исторія и теорія. Послѣдняя работа заключает в себѣ около 20 печатных листов.

Фонетическій институт практическаго изученія языков (Петербург) издал первый том своих трудов, заключающій в себѣ 1-ый выпуск сборников статей под редакціей проф. **А. В. Щербы — «Русская рѣчь».** Книжка эта ставит себѣ задачей изслѣдованіе русскаго литературнаго языка во всем разнообразіи его форм, а также в его основных источниках — книжном наслѣдіи прошлаго и живом говорѣ разных общественных слоев его современности. В связи с этим главный интерес сборника направлен на силантику, синомику, словоупотребленіе, синтаксис, эстетику языка— вообще на все то, что дѣлает наш язык выразителем и властителем наших дум. В сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: **Л. В. Щерба** — Опыты лингвистическаго толкованія стихотворенія Пушкина «Воспоминаніе»; **Б. А. Ларин** — О разновидностях художественной рѣчи. Семантическіе этюды. **Л. П. Якубинскій** — О діалогической рѣчи. **В. В. Виноградов** — О задачах стилистики. Наблюденія над стилем «Житія протопопа Аввакума».

В Харьковѣ в изд. «Научная мысль» вышел послѣ большого перерыва восьмой том **Вопросов теоріи в психологіи творчества»** под редакціей Б. А. Лезина. В центрѣ сборника стоит очень содержательная и интересная статья **А. И. Бѣлецкаго** «В мастерской художника слова», заключающая до 200 страниц большого формата. В статьѣ трактуются слѣдующіе вопросы: 1) О толкованіи и изученіи творческаго процесса в поэзіи, 2) О выборѣ сюжета, 3) О созданіи лиц, 4) Об изображеніи внѣшности лиц, 5) О рѣчи дѣйствующих лиц, 6) Об изображеніи живой и мертвой природы. Кромѣ того, здѣсь находим статьи **А. М. Виснецова** — Происхожденіе красоты, **М. О. Гершензона** — Два очерка о Пушкинѣ, **А. Г. Горнфельда**—Д. Н. Овсяннико-Куликовскій и современная литературная критика, **В. Г. Короленко** — Отрывок из дневника.

Вслѣд за Петербургским Государственным Издательством Государственное Издательство в Москвѣ выпустило об'емистый том **Дневника Пушкина**, занимающій до 600 страниц. Дневник занимает лишь незначительную часть текста, который почти цѣликом представляет собою подробнѣйшій комментарій к Дневнику, превращающійся порой в отдѣльныя небольшія монографія по тѣм или иным вопросам пушкиновѣдѣнія.

В Государственном Издательствѣ в Москвѣ под редакціей В. Полонскаго вышел том **«Матеріалов для біографіи Бакунина».**

В Государственном Издательствѣ в Москвѣ готовятся к выходу **Воспоминанія А. Г. Достоевской** о своем мужѣ — Ф. М. Достоевском — под редакціей Л. П. Гроссмана. Воспоминанія эти составляют обширный том и наряду с только что вышедшим дневником А. Г. Достоевской будут заключать в себѣ цѣнный матеріал для характеристики и біографіи геніальнаго писателя.

Вскорѣ в изданіи Государственнаго Издатльства выйдет подробная **«Лѣтопись жизни В. Г. Бѣлинскаго»**, род хронологическої канвы, под редакціей проф. Н. К. Пиксанова.

Отвѣтственный редактор **И. Давид.** Издатель **Е. Е. Лазарев.**
Исполнено «Легіографіей». Praha II., Revoluční 6.

Большой выборъ довоенныхъ изданій.
Книги изъ Россіи.
Всѣ новинки зарубежнаго рынка.

Франк Ведекинд. — Гидалла.	1903.	28.—
Сборник № 8. — Новыя идеи философіи.	1913.	19.—
Сборник № 8. — Новыя идеи философіи.	1913.	19.—
Петров. — Лекціи по всемірной исторіи.	1905.	28.—
Карѣев Н. — Помѣстье — государство и сословная монархія средних вѣков.	1905.	22.—
— Общій взгляд на исторію Западной Европы.	1905.	12.—
Юшкович П. — Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія.	1912.	22.—
Фаусек В. А. — Теорія развитія.	1904.	16.—
Фихте І. Г. — Назначеніе человѣка.	1913.	18.—
Ауэрбах Ф. — Основныя понятія современнаго естествознанія.	1906.	12.—
Мензбир. — Зоологія.	1904.	28.—
Рихтер В. — Учебник неорганической химіи.	1910.	32.—
Брэм А. Э. — Жизнь животных т. I.	1893.	65.—
Брэм А. Э. — Жизнь животных т. II.	1893.	65.—
Брэм А. Э. — Жизнь животных т. III.	1893.	65.—
Брэм А. Э. — Жизнь животных т. IV.	1895.	65.—
Элизе Реклю. — Человѣк и земля, т. I.		80.—
Сборник № 1. — Естествознаніе в школѣ.	1912.	17.—
Оппель К. — Чудеса древней страны пирамид.		31.—
Ауэрсвальд и Россмесслер. — Ботаническія бесѣды.	1898.	45.—
Фабр. — Инстинкт и нравы насѣкомых.	1898.	85.—
Крейбиг. — Органы чувств человѣка.	1906.	12.—
Брянскій. — Волны в безграничном океанѣ эфира.	1905.	10.—
Вальтер. — Исторія земли и жизни.		45.—
Стринберг. — Повѣсти. Театр. Драмы.	1903.	20.—

Цѣны в кронах чешских. **Книгопродавцам скидка.**

С запросами и требованіями обращаться: в книжный магазин **«Наша Рѣчь»** **Praha** II., Ječná 32 и в книжный магазин **«Родина»** **Berlin**-Scharlotenburg, Kantstrasse 24.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ!!

Издательство „П Л А М Я“

Под общим руководством проф. Е. А. Ляцкаго

Центральные собственные склады

„НАША РѢЧЬ“

Praha II, Jecná ulice 32.

„РОДИНА“

Berlin — Scharlottenburg, Kantstrasse 24.

Отдѣленія:

Прага: „Русская Избушка“. Ужгород: „Наша Рѣчь“. Мукачево: „Родная Рѣчь“ Пряшево: „Наша Рѣчь“. Варшава: Г. С. Сулима и др.

Представительства во всѣх странах Европы, на Дальнем Востокѣ и в Америкѣ.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

	Кч.	Осм. мар.
Алексѣев Н. Н., проф. Основы философіи права	27.—	13.50
Булгаков В. Ф. Толстой-моралист.	5.50	2.75
Діонео. Англія послѣ войны.	25.—	12.50
Жорж Дюгамель. Цивилизація. Авторизов. перевод М. Л. Слонима.	9.50	4.75
Лаппо И. И., проф. Западная Россія и ея соединеніе с Польшею в их историческом прошлом. Историческіе очерки.	19.50	9.75
Лапшин И. И., проф. Философія изобрѣтенія и изобрѣтеніе в философіи. Вып. 1. Введеніе в исторію философіи	20.—	10.—
Лосскій Н. О., проф. Сборник задач по логикѣ. Учебное пособіе.	25.—	12.50
Толстой Л. Л., граф. В Ясной Полянѣ. (Правда об отцѣ и его жизни.)	5.50	2.75
Циммерман М. А., проф. Очерки новаго международнаго права. (Мирные договоры. Лига Націй. Постоянная палата международнаго права.)	48.—	24.—

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Аничков Е. В., проф. Западная литература и славянство.
Бальмонт К. Д. Гдѣ мой дом? Очерки 1920—23 гг.
Бальмонт К. Д. Мое — ей (стихотворенія).
Введенскій А., проф. Философскіе очерки.
Вернадскій Г. В., проф. Очерки исторіи права русскаго государства XVIII-XIX в.
Водовозов В. В., проф. Новая Европа.
Карцевскій С. И., прив.-доц. Справочная книга по грамматикѣ для учащихся, ч. 1.
Кизеветтер А. А., проф. Основныя тенденціи в мобилизаціи земельной собственности и их соціально-экономическіе факторы.
Лапшин И. И., проф. Философія изобрѣтенія и изобрѣтеніе в философіи. Вып. II.
Ляцкій Е. А., проф. Роман и жизнь. Біографія Гончарова по новым данным.
Пекарж І., проф. Исторія Чехіи. Авторизованный перевод с чешскаго.
Тэффи Н. А. Вечерній день.
Федоров А. М. Антологія болгарской поэзіи.
Гульельмо Феррero. Трагедія мира. Авторизованный перевод с итальянскаго.
Форслунд К. Зунзунг и Зинзилла. Перевод со шведскаго.
Лафкадіо Херн. Японскія новеллы. Перев. с англійскаго.
Карел Чапек. R. U. R. Драма в трех дѣйствіях. Пер. с чешскаго.
Шмелев И. С. Разсказы, т. I и II.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАМЯ“

центральные собственные склады

„Наша Рѣчь“ - Praha II., Ječná 32,

„РОДИНА“ Berlin - Scharlotb. Kantstr. 24.

Диккенс Чарльз. — Домби и сын, т. IV.	1892	30.—
Диккенс Чарльз. — Крошка Доррит, т. V.	1893.	30.—
Диккенс Чарльз. — Посмертныя записки Пиквикскаго клуба, т. VI.	1894.	30.—
Диккенс Чарльз. — Николай Никльби, т. VII.	1894.	30.—
Эллис. — Вигилемус.	1914.	26.—
Спенсер Герберт. — Разныя мелкія статьи.		28.—
Спенсер Герберт. — Основанія біологіи, т. II.		35.-
Спенсер Герберт. — Основныя начала.	1899.	32.—
Чириков Евгеній. — Разсказы, т. I.	1901.	22.—
Чириков Евгеній. — Драмы — сказки.	1913.	22.—
Чириков Евгеній. — Общественная драма.	1912.	22.—
Чириков Евгеній. — Разсказы, т. II.	1903.	16.—
Чириков Евгеній. — Тихій омут, т. X.	1910.	32.—
Успенскій Глѣб. — Собраніе сочиненій, т. II.	1897.	30.—
Каменскій Анатолій. — Княжна Дуду.	1914.	18.—
Беранже. — Полное собраніе пѣсен.	1904.	22.—
Бласко Ибаньес. — Отбросы жизни.	1910.	27.—
Бласко Ибаньес. — Отцы Іезуиты.	1911.	26.—
Котляревскій. — Литературныя направленія Александровской эпохи.	1907.	22.—
Иванов Ив. — Исторія русской критики.	1898.	40.—
Соллогуб Ф. — Мелкій бѣс.	1909.	22.—
Анатоль Франс. — Разсказы Жака Турнеброш.	1909.	9.—
Анатоль Франс. — Валтасар.	1910.	18.—
Джэк Лондон. — Приключенія рыбачьяго патруля.	1912.	18.—
Романов. — Донателло.	1901.	4.—
Эрнест Ренан. — Исторія Израильскаго народа.		20.—
Эрнест Ренан. — Евангеліе и второе поколѣніе Христіанства.		20.—
Эрнест Ренан. — Святой Павел.		18.—
Эрнест Ренан. — Жизнь Іисуса.	1906.	28.—
Эрнест Ренан. — Рѣчи.	1922.	28.—
Эрнест Ренан. — Жизнь Іисуса.		12.—
Эрнест Ренан. — Христіанская церковь.		22.—
Эрнест Ренан. — Марк Аврелій и конец античнаго міра.	1906.	19.—
Гертц. — Аграрные вопросы.	1900.	26.—
Качаровскій К. — Народное право.	1906.	19.—
Сборник. — Текущая жизнь.	1908.	17.—
Рибо Т. — Эволюція общих идей.		18.—
Чернов Виктор. — Теоретики романскаго синдикализма.	1908.	42.—

ОТДѢЛЕНІЯ

Прага — «Русская Избушка»;; **Пряшево** — «Наша Рѣчь»; **Ужгород** — «Наша Рѣчь»; **Варшава** — Г. С. Сулима; **Мукачево** — «Родная Рѣчь» и д

...ль.

...годы.

...923 г.

На складѣ всѣ изданія:

„Пламя"; „Ватага-Пламя"; „Ватага"; „Наша Рѣчь", „Сѣверные огни", „Русское кооперативное издательство в Прагѣ", „Воля Россіи", „Д. Гликсманъ", „Русская школа за рубежем" и др.

Ковалевскій Максим. — Родовой быт.	1905.	15.—
Летурно Ш. — Эволюція воспитанія у различных человѣческих рас.	1900.	25.—
Зомбарт Вернер. — Соціализм и соціальное движеніе.		23.—
Дрэпер Дж. В. — Исторія умственнаго развитія Европы.		48.—
Еллинек Г. — Общее ученіе о государствѣ.	1903.	45.—
Ковалевскій М. М., пр. — Развитіе народнаго хозяйства в Зап. Европѣ.	1899.	17.—
Поль Луи. — Рабочій и государство.	1907.	30.—
Летурно Ш. — Эволюція рабства.	1897.	23.—
Милюков П. — Очерки по исторіи русской культуры.	1905.	30.—
Милюков П. — Очерки по исторіи русской культуры.	1899.	30.—
Милюков П. — Очерки по исторіи русской культуры.	1903.	17.—
Милюков П. — Вторая Дума.	1908.	30.—
Сборник. — Теорія развитія.	1904.	16.—
Каминка и Набоков. — Вторая Государственная Дума.	1907.	20.—
— Первая Государственная Дума. (Изд. Муханова и Набокова).	1907.	25.—
Рейснер. — Государство и вѣрующая личность.	1905.	45.—
Кузьмин Караваев. — Земство и деревня 1898.	1903.	40.—
— Экономическая жизнь современных народов I/II.	1905.	20.—
Гастгаузен. — Конституціонное начало.	1866.	35.—
Милль Стюарт. — Разсужденія и изслѣдованія, ч. I.	1864.	35.—
Догель А. С. — Гигіена.	1903.	12.—
Шейд К. — Опыты по химіи для начинающих.	1906.	12.—
Курчинскій. — Муниципальный соціализм и развитіе город. жизни.	1907.	10.—
Ковалевскій. — Родовой быт.	1911.	18.—
Еллинек Г. — Декларація прав человѣка и гражданина.		10.—
Еллинек Г. — Декларація прав человѣка и гражданина.		10.—
Ранцев. — Хронологія всеобщей русской исторіи.	1905.	15.—
Ковалевскій. — Что такое парламент.		12.—
К. Р. — Царь Іудейскій.	1914.	8.—
Бецольд К. — Ассирія и Вавилонія.	1904.	18.—
Байе. — Очерк исторіи искусств.	1904.	20.—
Пругавин. — Религіозные отщепенцы.	1904.	20.—
Иванов Разумник. — О смыслѣ жизни.	1908.	20.—
Иванов Разумник. — Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской.	1911.	45.—
Шелли. — Ченчи.	1907.	11.—
Джемс Вильям. — Научныя основы психологіи.	1902.	26.—

ИЗДАТЕЛЬСКІЕ СКЛАДЫ КНИГ:

«Библіотека Гешен» (Издательство **«Наука и жизнь».**)
„YMCA PRESS Ltd" и др.

Большая, республиканская демократическая газета

3-ій годъ изданія **ДНИ** 3-ій годъ изданія

Полная информація о русской и иностранной общественно-политической и экономической жизни

Особый отдѣл: **«Литература и искусство» «Злободневныя карикатуры» «Большой отдѣл об'явленій»**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1924 годъ

Условія подписки и пріема об'явленій помѣщены в каждом номерѣ

Пріем подписки для всѣх стран в главной конторѣ BERLIN, Fridrichstrasse 204. — В отдѣленіи конторы для Чехословакіи и Балканских государств: PRAHA, Panska 16, Palace Hotel, ком. 5. — В отдѣленіи конторы для Франціи: PARIS, Rue Vineuse 9bis — Для Германіи: во всѣх почтовых учрежденіях.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1924 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ“

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Постоянные отделы: Передовая. По вопросам программы и тактики. Международное социалистическое движение. Из России: корреспонденции и статьи. Заграницей. Отклики прессы и жизни. Партийная жизнь.

В 1924 году «Революционная Россия» будет выходить регулярно каждый мес.

Подписка:

	на год:	на пол года:	на 3 мес.	на 1 мес.
Чехословакия	36 Кч.	28 Кч.	9 Кч.	3 Кч.
Франция-Бельгия	24 фр.	12 фр.	6 фр.	3 фр.
Америка	140 цент.	70 цент.	36 цент.	12 цент.
Англия	10 шилл.	5 шилл.	3 шилл.	1 шилл.
Германия, Эстония, Латвия, Литва, Австрия, Польша	120 цент.	60 цент.	30 цент.	10 цент.
Швейцария	12 фр. шв.	6 фр. шв.	3 фр. шв.	1 фр. шв.
Италия	36 лир	18 лир	9 лир	3 лиры

В виду безплатной посылки журнала в Россию, товарищам С.-Р. и сочувствующим предлагается добровольно увеличивать подписную плату.

Адрес конторы и редакции:
Red. „Revolucionnaja Rossija“, Uhelný trh. č. 1. Praha I., Tchécoslavaquie.

Продажа журнала: в Праге — кн. маг. «Наша Речь», в Париже — кн. магаз. „La Source“ rue Vineuse 9bis, в Вене — кн. маг. «Гольшмидт и Ко», в Берлине — кн. склад «Москва», Wilhelmstrasse 20, в Варшаве — Сулима, Гранд-Отель, комн. 57, Хмельна ул. № 5.

Из конторы журнала можно выписывать комплекты 1921, 1922, 1923 годы. Стоимость комплектов: за 1921 г. — 6 долларов, 1922 г. — 3 доллара, за 1923 г. — 2 доллара.

Вл-91-3535/286
П I
543
1924
N 1/2

2-й год изданія 3-й год изданія

Открыта подписка на 1924 год на журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССІИ"

подъ редакціей В. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина.

Издатель Е. Е. ЛАЗАРЕВ. Отв. ред. И. ДАВИД.

Выходит 2 раза в мѣсяц книжками, размѣром до 100 стр. большого формата.

В каждом номерѣ:

Разсказы, повѣсти, стихотворенія. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематическіе обзоры жизни Совѣтской Россіи. Проблемы современной культуры. Литературные отклики и библіографія. Жизнь славянства. Русскіе за рубежом. Иностранная жизнь. Экономическіе обзоры.

В журналѣ были помѣщены произведенія слѣдующих авторов:

В. Г. Архангельскаго, К. Бальмонта, Эд. Бенеша, Эд. Бернштейна, Руд. Брейтшейда, Вал. Булгакова, Андрея Бѣлаго, Максимиліана Волошина, Вл. Войтинскаго, Н. В. Вороновича, Сиднея Вебба, Эмиля Вандервельде, Вис. Гуревича, А. Ф. Даманской, Бор. Зайцева, Е. Зноско-Боровскаго, Вернер-Зомбарта, С. І. Карцевскаго, К. Р. Качаровскаго, О. Е. Колбасиной, Е. Д. Кусковой, Е. Е. Лазарева, Вл. Лебедева, Д. А. Лутохина, Е. А. Ляцкаго, Т. Г. Масарика, Томаса Манна, С. Маковскаго Густава Мейера, І. Матусевича, Н. Ф. Мельниковой-Папоушек, Б. Мирскаго, Вас. Немирович-Данченко, І. Нетолицкаго-Нѣмца, П. Потемкина, Гр. Раковскаго, С. Раппопорта, А. Ремизова, Н. Русанова, М. Слонима, Ф. Сноуден, Б. Соколова, І. Стивена, Е. Сталинскаго, В. Сухомлина, Н. Тасина, В. Тотоміанца, В. Томкѣева, Клавдіо Тревеса, В. И. Тукалевскаго, Анатолія Франса, Гульелмо Ферреро, Влад. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой, В. М. Чернова, А. Чернаго, Фр. Шварца, Гр. Шрейдера, В. Шкловскаго, Генриха Штребеля, Я. Штерна, С. Юшкевича и мн. др.

Условія подписки:

		на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
Чехословакія	к. ч.	30	10
Скандинавскія страны	швед. кр.	12	4
Франція, Бельгія, Турція	франк.	18	6
С. Ш. Сѣверной Америки	дол.	1.20	40 ц.
Англія	шилл.	6	2
Швейцарія	шв. фр.	12	4
Италія	лир	24	8
Финляндія	фн. мк.	36	12
Германія, Польша, Эстонія, Латвія, Литва	цент.	75	25 ц.

Цѣна отдѣльнаго номера:

в Чехословакіи — 5 кч., Югославіи — 12 дин., Болгаріи — 12 лева, Италіи — 14 лир, Франціи, Бельгіи, Турціи — 3 фр., Англіи — 1 шил., Америкѣ — 20 цент., Скандинавских стр. — 2 шв. кр., в Финляндіи — 6 ф. мк., Германіи, Польшѣ, Литвѣ, Латвіи, Австріи, Эстоніи — 12 цент.

Страница объявленій — 300 ч. кр.

Адрес редакціи и конторы: „Volja Rossii" Uhelný trh, Praha I.

Účet poštovní spořitelny č. 3.099. № телефона 9802.

VOLJA ROSSII-Revue russe, paraît deux fois par mois, Uhelný trh 1, Prague, Tchécoslovaquie. Печ. „Легіографія"